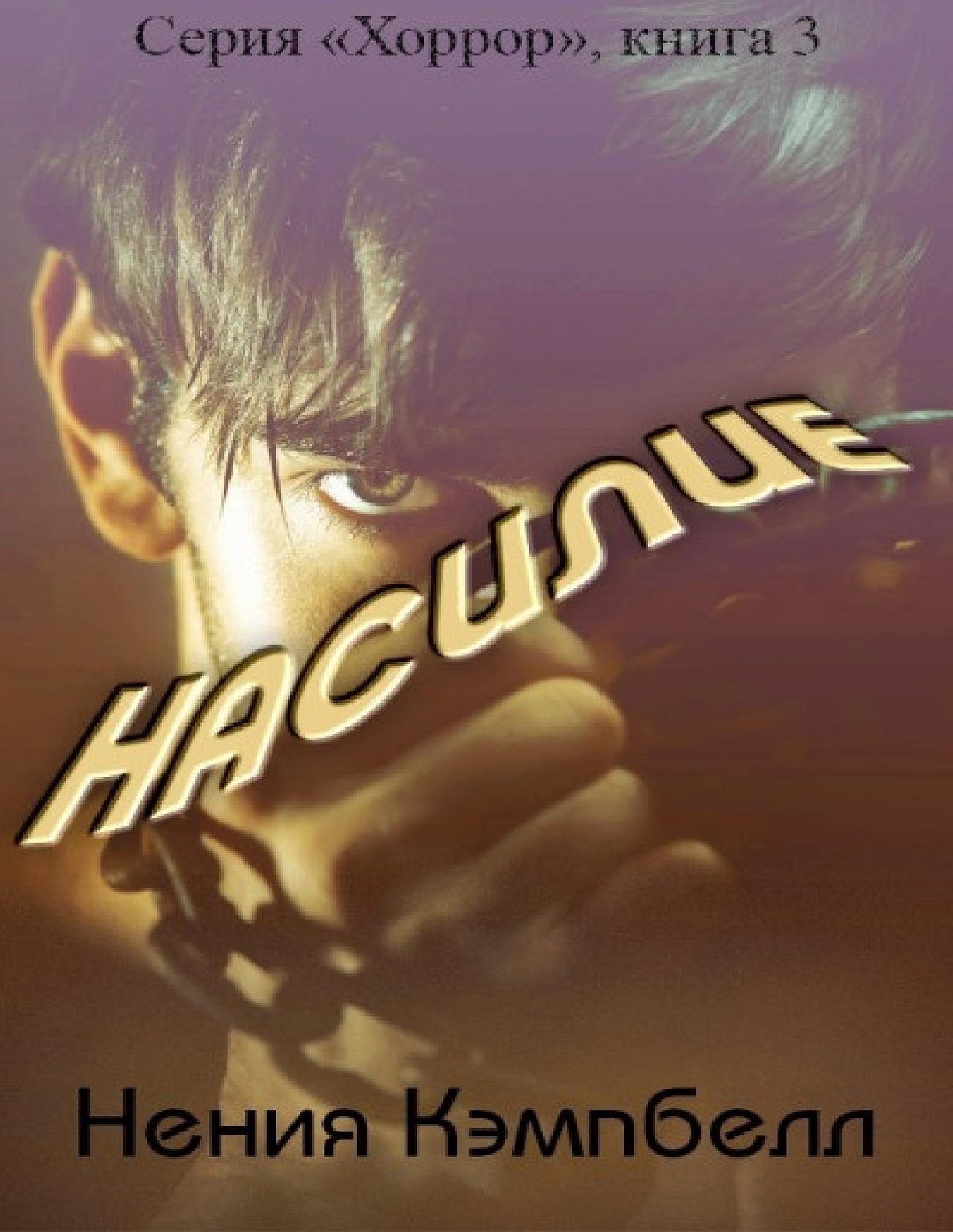

Серия «Хоррор», книга 3

НАСИЛИЕ

Нения Кэмпбелл

Он проиграл ей дважды, и это почти уничтожило его. А теперь пришло время для другой игры. И на этот раз он не отпустит ее так легко. На этот раз Вэл борется не только за жизни своих друзей: она борется и за свою собственную тоже.

Предупреждение: Содержит описание изнасилования, побуждения к изнасилованию, сомнительное согласие, элементы БДСМ, насилие и контент, не подходящий для лиц моложе 18 лет.

Нения Кэмпбелл

Насилие

Серия: Хоррор-3

Перевод: *MonaBurumba*

Редактура: *MonaBurumba*

Русификация обложки: *Хексану*

Пролог

Со дня ее смерти прошло несколько недель. Каждый последующий день все больше отдалял его от случившегося, пока время не начало казаться ему архипелагом, переживающим быстрый дрейф континентов.

Воспоминания о ее глазах начали исчезать из его сознания, как высыхающая краска. Когда-то они показались ему необычайно яркими, как будто она укачивала в глубине своих радужек вечнозеленые ветви из леса, но теперь он думал о ней только в абстрактных терминах — то есть, когда он вообще о ней думал.

Палитра цветов, собранных с геометрической точностью. К настоящему времени эта зеленая прозрачность уже скрылась за молочной глазурью смерти.

Как суккуб, она овладела им, а он ничего не ощущал и не знал почему. Ему казалось, что он должен хоть что-то чувствовать. Он видел, как бесчисленное множество других людей разваливалось на куски перед лицом смерти, как будто трагедия служила тупым снарядом, который бросали с величайшей силой в их хрупкую психику.

Но нет, вместо этого *je ne sais quoi* (неизъяснимого) была тишина и тихое чувство удовлетворения, которое оставляло его вполне довольным. Да, он был доволен.

Он уже убивал ее раньше на фотографии, даже представлял, как убивает в своем воображении. Однако, убить лично, своими собственными руками — это гораздо приятнее. Такое убийство содержало неуловимые качества, присущие опыту, и это заставляло его чувствовать себя... живым.

Смерть была образом жизни и естественным порядком. Как и многое другое, смерть стала им. Она текла в его крови и наполняла его сердце, и от нее так сладко цепенело все внутри.

Во всяком случае, смерть Вэл увековечила его обладание ею на могильном камне. Она отказалась быть его в жизни. Теперь она будет принадлежать ему вечно, даже после смерти. Поэтическая справедливость. Неужели все поэты так жестоки?

У него было достаточно времени, чтобы подумать, пока он двигался с запада на восток, пока, наконец, не прибыл к месту назначения.

Дом его детства находился в аварийном состоянии. Купол с потрепанными деревянными черепицами отбрасывал жестокие лучи света из крючковатого клюва флюгера-петуха, которые затем были пойманы и отражены стеклянной крышей оранжереи.

Его взгляд упал на расколотые выбеленные ступени, ведущие к обшитой деревянными панелями двери. Ее не красили уже много лет, как и ни одну часть дома. Даже розам было

позволено зачахнуть и умереть.

Покачивая головой, он постучал железным кольцом по обшитой деревянными панелями двери. В дубе, где кольцо неоднократно соприкасалось с поверхностью, появились трещины. Он лениво задавался вопросом, кто мог бы прийти с таким энтузиазмом в дом, где даже смерть не стыдилась открыть свое лицо. Какой жалкий ягненок так охотно бросился бы в логово льва?

Дверь со скрипом открылась.

Пара ясных серых глаз, всего на несколько тонов светлее его собственных, смотрела поверх цепочки. Ее брови изогнулись, губы сложились в гротескную имитацию улыбки, когда она открыла защелку.

— Гэвин. — Поразительная, но холодная, она прошла тонкую грань между уродством и красотой. Эта граница все больше разрушалась по мере того, как время продолжало свой безжалостный марш вперед. — Добро пожаловать.

Он наклонил голову.

— Мама.

Анна Мекоцци подставила щеку. Он небрежно наклонился, чтобы поцеловать ее. Под нотами фиалок, исходящими от ее платья, ее кожа благоухала горячим металлом и прокисшим молоком.

Голосом с легким акцентом, более глубоким, чем можно ожидать при ее маленьком росте, она сказала:

— Давно тебя не было.

— Так и есть. — Доски застонали под его ботинками, когда она быстро поманила его внутрь. Беспокоилась, что соседи могут увидеть и подумать, что он ее новый любовник в длинной череде завоеваний? Он усмехнулся.

Она заметила.

— Ты надолго задержишься на этот раз?

— Возможно, на некоторое время, — согласился он.

— Твои сестры захотят тебя увидеть.

— Хм. — Выражение его лица не изменилось. — И Дориан и Лука?

— Лука в колледже, изучает психиатрию.

— А как насчет Дориана?

Взгляд, который она бросила на него сейчас, был предупреждающим.

— Дориан в отъезде.

Каждое слово слетало с ее губ, как глыба льда, и разбивалось вдребезги в тишине, которая теперь царила между ними. Дориан был безрассудным, слишком быстро выходил из себя и обижался там, где этого не стоило делать. Анна относилась к нему как к любимцу, воспитывая его порывистость вместо того, чтобы обуздывать ее, как полагалось.

— Понимаю.

— Анна-Мария приезжает.

Он одарил свою мать бесстрастной улыбкой. Ему было приятно видеть, как вокруг ее рта появились небольшие морщинки, когда она сжала губы.

«Однажды, ждать осталось не так долго, ты умрешь, и тогда вороны сорвут плоть с твоих костей».

— Какая сомнительная честь.

— Будет так приятно, если девочки соберутся дома.

Она остановилась у гостевой спальни — его старой комнаты. Та находилась на втором этаже с собственной ванной комнатой с видом на мертвый сад. Погода была холодной, очень холодной, но он едва заметил покалывание на своих руках, когда двинулся, чтобы осмотреть комнату, когда его мать осторожно ушла.

Она сохранила удивительное количество его вещей. Он предположил, что это скорее из чувства собственности, чем от сентиментальности.

«Как будто она могла узнать меня по моим простым вещам».

Гэвин провел пальцем по столу и изучил пыль, прежде чем вытереть руку о джинсы. Она сохранила его компьютер вместе со всем остальным. Он не был уверен, что тот по-прежнему будет работать после всех этих лет, а затем холодно рассмеялся, поняв, что тот же самое можно сказать и о его матери.

Все еще улыбаясь, он нажал кнопку включения. Монитор ожил с треском помех. Гэвин оперся подбородком на руку, ожидая загрузки компьютера, и, как он часто делал, размышлял о последних секундах жизни Вэл.

Его джинсы натянулись в предвкушении, когда он ввел ее имя в поисковую строку. Он медленно, глубоко выдохнул, наслаждаясь сжимающими ощущениями, хотя пытался облегчить их, и впился пальцами в бедро.

Скоро.

Ее смерть, конечно, станет новостью. Красивые всегда вызывают интерес. Ее бы превозносили, восхваляя невинность и красоту, как если бы она была девственной жертвой из ушедшей эпохи.

Потому что в каком-то смысле она была такой, и потому что все боялись смерти. Каждый надеется, что его запомнят. Ведь никто не хочет верить, что существование продолжается, по крайней мере, после их ухода из этого мира. И вот, все оплакивают погибших.

В верхней части результатов поиска появилась ссылка на видео. «Калифорнийский подросток, оставленный умирать в Доме ужасов». Как... театрально. Он неохотно улыбнулся. Даже убийство можно превратить в дешевый и безвкусный водевиль.

Он нажал на ссылку... и улыбка на его лице исчезла.

Она была жива.

Дышит.

Едва живая, правда. Едва дышит. Дышит через кислородную маску, но тем не менее дышит. Она.

Была.

Жива.

Он глухо зарычал, ударив кулаком по столу. Монитор компьютера задребезжал. Он думал, что овладел ею полностью, как ни один другой мужчина, только чтобы узнать, что все это время она была вне досягаемости. Это был последний акт неповиновения.

Каждый подъем и падение ее груди казались оскорблением. Каждая капля крови в ее жилах — насмешка. Каждая секунда жизни стала секундой, которую она у него отняла.

Ему не следовало пытаться подарить ей прекрасную смерть. Чувства поймали его в свои сети. Ему следовало перерезать ей горло, как оленю, в тот момент, когда она отказала ему.

Она осмелилась.

Гнев отяжелил его конечности и зажег огонь в крови. Он слегка покачнулся, когда встал, опьяненный силой этого, но его разум оставался острым. Смертельным.

Теперь он знал, что должен делать.

Смерть — это тот возлюбленный, которого нельзя отвергнуть.

Она должна была умереть от его руки. И только его. Его взгляд упал на изображение Вэл, застывшее на экране, и сузился. Но сначала — ее нужно заставить страдать.

Он легко поднял монитор, несмотря на объем, и с ревом швырнул его об стену. Полетели искры, разбилось стекло, и обломки быстро скрылись в клубящихся облаках штукатурки и гипсокартона.

Гэвин слепо уставился на беспорядок, великолепная какофония звенела у него в ушах, и его грудь быстро поднималась и опускалась, когда он прислонился спиной к стене, чтобы не упасть.

В дверь постучали. Он нетерпеливо повернулся к ней.

— Да?

— Это Селеста.

Младшая сестра. Наименее глупая, но и самая мягкая, что было почти так же плохо.

— Я слышала грохот...

— Входи.

В этом доме повсюду имелись уши. Лучше всего не разговаривать в его коридорах.

Селеста вошла, прокрадываясь в комнату, как кошка. Сейчас ей было шестнадцать, как и Дориану, с кожей цвета магнолии и холодными голубыми глазами английской фарфоровой куклы. У ее близнеца такой же цвет лица, но в лице Дориана была твердость, которую не имела Селеста.

Она не смотрела ему в глаза, находясь под его пристальным взглядом. Это неразумно — но, с другой стороны, Валериэн тоже никогда не могла встретиться с ним взглядом. Всегда с большим трудом.

И под этой оленьей шкурой бьется сердце змеи.

Он понял, что уже мысленно переключился на настоящее время, и его рука напряглась. Селеста бросила нервный взгляд на его сжатый кулак.

— Твой компьютер?..

Он отмахнулся от ее вопроса рукой, на которую она смотрела, удовлетворенный, когда она вздрогнула.

— Несчастный случай.

Было ясно, что она ему не верит. Селеста провела пальцами по волосам и ничего не сказала.

— Что-то еще?

— Анна-Мария приезжает.

— Я знаю.

— Мама ее пригласила.

— Не сомневаюсь.

Женщины были такими коварными, предсказуемыми созданиями.

— Она знает, что сестра тебе не нравится.

— Все не так просто, — сказал он.

— Она тебе нравится?

— Думаю, тебе следует уйти.

Она поморщилась, но продолжала настаивать.

— Будь осторожен.

— Не читай мне лекций на темы, о которых ты ничего не знаешь.

— Я хочу знать. Чем ты занимался в Калифорнии?

— Ты слишком маленькая, чтобы понять.

— Я не маленькая. Я знаю, что ты убил ее и ты...

Он впечатал ее в стену.

— Это был ее выбор, черт бы тебя побрал. Ее, а не мой. Она знала правила так же хорошо, как и я, и это был ее ход; он стоил ей жизни.

Гэвин сделал паузу.

— Как я уже сказал, я не жду, что ты, ребенок, поймешь. А теперь иди. В свою комнату.

Селеста натянуто кивнула и ушла, чуть не плача.

Он ударил кулаком в то место, где она только что стояла. Кровь хлынула из его кожи, он поднес руку ко рту и закрыл глаза, сосредоточившись на вкусе меди, как будто он мог отвлечь.

***

Шли дни, и его ярость остыла до тихо закипающего гнева, его решимость сосредоточилась на одной мысли. Он начал планировать смерть Вэл.

О возвращении в Калифорнию так скоро не могло быть и речи, он это понимал. Гэвин сдерживал свое разочарование, позволяя ему разливаться вокруг. Однажды это разочарование завершит свою алхимическую трансформацию в месть. Когда этот день настанет, он будет наслаждаться ею.

В конце концов, нет никакого удовлетворения в убийстве того, кто уже наполовину мертв. Девушка с видео была бледной тенью той, что овладела им. Он будет ждать своего часа. В конце концов она ослабит бдительность, даже когда к ней вернутся силы.

Теперь время стало его союзником.

Он делал наброски. Играл в шахматы. Убивал минуты так, как умел только он один. Селеста иногда навещала его, но ненадолго. Не после их последней стычки. Он проводил большую часть своих часов в одиночестве, и это был его выбор.

Именно в один из таких дней Анна-Мария остановилась у его двери. Она не объявила о себе, но соблазнительный шелест дорогой ткани так же эффектно выдал ее присутствие.

Анна-Мария могла быть угрожающей. За женственной внешностью, которую она так старательно культивировала, она вся состояла из твердых граней и острых, кремнистых линий. Гэвин одним глазом следил за ней, когда она вошла в комнату, не спрашивая разрешения.

— Что ты рисуешь?

— То, что, такой обыватель, как ты, вряд ли смог бы оценить.

Она состроила недовольную гримасу.

— Оскорбление?

— Человек должен обладать способностью огорчаться, если его хотят оскорбить.

— Ты просто прекрасный собеседник, — он был рад услышать раздражение в ее голосе.

Она гордилась своим самообладанием. Гэвин гордился своей способностью вывести ее из себя.

— Я ценю красоту там, где ее вижу.

— А я не могу?

— Ты слепа ко всему, что существует за рамкой зеркала в твоей спальне.

Она улыбнулась.

— Ты думаешь, я красивая?

— Я думаю, что ты глупая. — Он сделал черту углем на странице и поймал себя на том, что ему хочется, чтобы вместо этого было ее горло. — Где твой муж?

— Не здесь.

— Значит, он так быстро выполнил свою задачу?

— Он не мертв, — отрезала она, — хотя с тем же успехом мог бы быть. Я не позволяю ему прикасаться ко мне.

Гэвин усмехнулся.

— Как это прискорбно для него.

— О да. Меня забавляет видеть, как он потеет и умоляет, как вонючая свинья.

Гэвин перестал улыбаться. На ней была тонкая сорочка из шелка и кружев. Отвращение наполнило его. Белый цвет не шел блондинкам. Уж точно не этой блондинке. Белый цвет символизировал чистоту и невинность, его сестра не обладала ни тем, ни другим.

Он выпрямился и отстранился, прежде чем их губы успели соприкоснуться.

— Уходи.

Она выбила у него из рук альбом для рисования.

— Нет, пока ты не помотришь на меня.

Он так и сделал, с раздражением, которое больше не пытался скрыть.

— Подними альбом и передай мне.

— Тебе нравится, когда люди подчиняются тебе, не так ли, мой темный Адонис?

Гэвин продолжал спокойно смотреть в ее бледно-голубые глаза, ничего не говоря. Хотя, думая. Всегда думая.

— Я знаю, что ты убил свою игрушку. Селеста рассказала мне все о... как ее звали? Валери? Ты поступил правильно, несмотря ни на что. Она была слабой и не очень хорошенькой.

Его губы скривились в усмешке, когда она сказала «несмотря ни на что», и, приняв это за нежность, она обхватила его запястье своими тонкими сильными пальцами.

— Я никогда не говорил, что ты можешь прикасаться ко мне.

Она прижала его ладонь к своей груди и выгнулась навстречу ему. Сквозь тонкий слой ткани он почувствовал, как затвердел ее сосок.

— Займись со мной любовью, — сказала она. — Мой муж настолько импотент, насколько жалок и глуп.

— Бесподобный мужчина, твой муж.

— Я хочу почувствовать внутри себя настоящего мужчину. Я хочу знать, что значит быть оттраханной.

— Не похоже, что тебе нужна какая-либо помощь в этом деле. Ты выбрала свою кровать, хотя это и плохой выбор. Боюсь, что сейчас у тебя есть только один вариант — лечь в нее.

— Тогда ты оскорбляешь себя. Ты всегда был моим выбором. Мой первый выбор.

— Нет.

— В нашей крови есть сталь. Наш долг, твой и мой, — продолжить семейное наследие. Лука думает только о своих книгах, а Дориан предпочитает компанию мужчин. Леона и Селеста... Ну, они идиотки, глупые создания, которые выйдут замуж за глупых, мужей-идиотов...

— Как сделала ты.

Она схватила его между ног. Гэвин зарычал и попытался схватить ее за руку, но Анна-Мария была быстрее, и она использовала весь свой вес, чтобы прижать его обратно к матрасу, крепко сжимая свой прирз.

— Ты возбужден, и я не потерплю отказа.

— Я не думаю о тебе. Моя игрушка, как ты ее называешь, жива.

Ее улыбка померкла.

— Что?

— Неужели Селеста забыла сообщить тебе об этом пустяковом факте? Ах, милая. Возможно, твое влияние здесь не так велико, как ты думала.

— Ты самодовольный сукин сын...

Он спихнул ее с кровати, толкнув ногами. Она неуклюжей кучей упала на пол, сорочка задралась до бедер.

— Я предлагаю приберечь свои супружеские визиты для твоего мужа, — издевательски проговорил он, — Но, поскольку ты уже, внизу, возможно, могла бы быть полезна по-другому, передав мне альбом для рисования.

Она швырнула его в него.

— Ублюдок.

— Как грубо. — Он легко поймал альбом. — Теперь можешь идти.

Гэвин не стал смотреть, не пролилась ли кровь от его слов. Они прозвучали правдиво, и новые идеи, подпитываемые его отвращением к сводной сестре и его гневом на Вэл, вылились из угля на страницу, образовав скетч из набросков, каракулей и скорописных заметок.

«Ты всегда был моим выбором, — сказала она. — Мой первый выбор».

Был ли выбор? Он совсем забыл. Другие варианты. Другие женщины, с рыжими волосами и наглыми глазами. Он провел пальцами по шее, обводя края шрама, оставленного зазубренным лезвием.

Так много способов убийства.

***

Времена года сменяли друг друга, но его мысли оставались прежними: кипящими, неистовыми и нечистыми. Но теперь... теперь у него была цель отфильтровать их.

Его мать не задавала вопросов о его прибытии в родные пенаты и не делала достаточно долгих пауз в их кратком обмене репликами, чтобы заметить засыхающую кровь под его ногтями. И даже если бы она заметила, она бы ничего не сказала. Ничего не сделала. Не важно виновен он или нет, пока она оставалась в стороне от этого дела. В конце концов все сводилось к самосохранению.

Ему даже нравилось думать, что она тоже его опасается. Во всех смыслах и целях он был патриархом. Как указала Анна-Мария, его имя должно было продолжить семейную линию. Его мать нуждалась в нем, и это нервировало ее. Она не осмеливалась рисковать его неудовольствием.

Он подошел к шахматной доске, двигаясь в темноте, как пантера. Взял черную королеву, провел большим пальцем по зернистой поверхности дерева ручной работы, пока не наткнулся на холодный металл. Из куска торчал гвоздь, там, где располагалось бы сердце, если бы оно было человеческим.

Некоторые из этих женщин пошли с ним добровольно. Другие, — он улыбнулся, — чаще, нет. В конце концов они все кричали.

Это была его ошибка, дать ей так много власти. Он продолжал играть с поврежденной королевой, в то время как другой рукой скользнул вниз, чтобы расстегнуть пуговицу на ширинке. Обращался с ней как с равной. Позволил своим страстям править там, где только разум должен быть королем.

Не в этот раз.

Нет, на этот раз он будет терпелив. Он выждет своего часа и нанесет удар только тогда, когда она будет совершенно незащищена — после того, как он сделает ее такой.

Когда у нее больше не останется щитов — после того, как он разрушит их все.

Когда у нее больше не будет пешек — после того, как он убьет их всех.

Он откинул голову назад и хрипло рассмеялся. Мат.

Глава 1

Таволга

По другую сторону окна кобальтовые воды Тихого океана разбивались о зубчатую береговую линию скал. Хотя был конец августа, небо затянуло остатками утреннего тумана цвета шифера.

С сидений «Прибрежного Экспресса» Валери Кляйн наблюдала, как вспенивающаяся морская пена разливается по гранитным пальцам скалы, пробивающимся сквозь море. Это выглядело, подумала она, как будто какое-то каменное существо тонет в глубине и делает последний отчаянный призыв к спасению.

Она пила чай, но затем, когда призрачная вода заполнила ее нос и легкие, начала душить ее, убивая, Валери выплюнула его с хриплым вздохом.

Нет.

Люди смотрели в ее сторону. Она услышала их шепот, шуршащий по пассажирскому вагону, и почувствовала себя в ловушке. Пойманная в ловушку и заблудившаяся в лесу лжи и домыслов, без единой крошки хлеба, чтобы снова найти выход.

(Как ты можешь жить, когда так себя подавляешь?)

Это была не жизнь.

Она провела тыльной стороной ладони по влажному лбу, затем прижала холодную стеклянную бутылку с чаем к коже. На оранжевой бутылке был изображен персик. Она рассеянно уставилась на него. Она могла бы пить пепел все это время и не замечать разницы.

Это совсем не жизнь.

Разве не существовало убеждения, что околосмертные переживания оставляют часть твоей души в загробной жизни? Я — живой мертвец. Голодный призрак.

Поезд резко развернулся, отбросив ее спиной на сиденье, и бутылка больно ударилась о ее лоб. Дрожащей рукой она поставила бутылку чая в подстаканник и посмотрела на свое матовое отражение, наложенное на галечные пляжи.

Протянула руку, чтобы коснуться темных прядей волос, обрамлявших ее неуместно бледное лицо. Каждый раз, когда видела себя, она слегка вздрагивала и задавалась вопросом: «Это действительно я?»

И сейчас тоже.

Хорошо это или плохо, но Валериэн Кимбл была мертва.

«Что ты сделала со своими прекрасными волосами?» — спросила ее мать, увидев, что ванная заляпана чернильно-черной краской.

«Тебе не нужны контактные линзы, зайка, — сказал отец, глядя в ее новые голубые глаза с чем-то похожим на обвинение в предательстве. — Ты прекрасна такой, какая ты есть». Но дело не в этом.

Она все еще видела их шок. Их жалость. Их отчаянную потребность понять. Сознание того, что она причинила им боль, разрывало ее изнутри, как колючие шипы, но только тогда, когда у нее хватало присутствия духа, чтобы думать вне своего собственного оскаленного самоощущения. По правде говоря, ее родители не могли понять.

Никто не мог.

Но это то, что она должна сделать.

Ее психиатр пыталась отговорить ее по настоянию родителей.

«Я не думаю, что ты готова к таким экстремальным шагам, — сказала она. — Ты могла бы подумать о том, чтобы начать где-нибудь поближе к дому, чтобы быть рядом со своими близкими людьми».

Но дело совсем не в комфорте. Речь шла о побеге.

Сейчас ей уже восемнадцать. Она могла контролировать свое будущее. Больше никто. Никто.

К черту ее психиатра.

(Ты стала испуганной и слабой)

К черту его.

Она разослала бланки заявлений и стала ждать, заранее мысленно прощаясь. Вырезая людей, которых она любила, из своего сердца одного за другим, как оборванные линии жизни. Ей не пришлось долго ждать.

«До свидания, мама и папа».

Университет Халсион присудил стипендию Валери Кляйн. Впечатленный ее трогательным личным заявлением, где она подробно описала личностный рост, который ей еще предстояло пройти, и ее хорошими оценками. Отдел финансовой помощи выделил ей достаточно денег, чтобы покрыть плату за обучение за пределами штата.

И теперь Валери Кляйн, направлялась в Норт-Пойнт, штат Вашингтон, чтобы поселиться в том, что станет ее домом на следующие четыре года.

Валериэн Кимбл была мертва и исчезла. Похоронена в безымянной могиле, с глаз долой, но никогда из сердца вон. Прощай, Валериэн. Покойся с миром.

Ее родной город Дерринджер, штат Калифорния, располагался в середине долины, окруженной разноцветными холмами, а вдалеке виднелись туманные пурпурные горы. Дождь шел редко. Зимы были холодными, но в основном сухими. Перекати-поле, эвкалипт, трава ветряной мельницы, ползучий можжевельник, цветы из семян горчицы, дубы, вечнозеленые растения и одноименный калифорнийский мак — все эти растения составляли фон пейзажа в ее детстве и юности.

Она смотрела, как они проносились мимо окна. Сухой, иссушенный кустарник становился реже и реже дальше на север, по мере того как полированное золото уступало место зеленому.

Это было так, как если бы она провалилась в кроличью нору и оказалась в лесной

стране чудес. Она никогда в жизни не видела столько зелени, такой богатой, пышной и яркой. От множества цветов и оттенков у нее заболели глаза, когда она пыталась осознать всю их интенсивность. Там были дубы, а еще березы, осины, тополя, ольха, клены и тисы. Деревья с экзотическими названиями и пушистыми ветвями и стволами, покрытыми мягким зеленым мхом. Деревья, которые казались бы неуместными в Дерринджере.

Совсем как она.

***

На станции было полно друзей и членов семьи, ожидающих, чтобы поприветствовать прибывающих первокурсников. Погода стояла прохладная, но влажная, в воздухе низко висели капельки влаги. Вэл начала потеть. Она не любила толпу, никогда не любила, но теперь...

(Требуется много овец, чтобы удовлетворить одного волка)

Все стало хуже, а не лучше.

Она поймала себя на том, что вглядывается в море лиц, слишком пристально и внимательно, нарушая молчаливые нормы вежливого общества. Кровь шумела у нее в ушах. Некоторые люди смотрели в ответ. Другие отвели глаза. «Волки, — подумала она. — Волки и овцы».

Ни одно знакомого лица.

Это служило слабым утешением.

(Если ты побежишь, я буду преследовать тебя)

Один из автобусов подъехал к терминалу через дорогу от поезда. Несколько человек, ровесников Вэл, сели в него. Вэл бросилась бежать, волоча за собой тяжелый чемодан. Ей пришлось резко остановиться как раз перед тем, как двери начали закрываться.

— Этот автобус идет до общежития Отэн?

Водитель автобуса покачала головой.

— Это одиннадцатый. — Она сказала так, как будто это должно быть очевидно. На пустое выражение лица Вэл она добавила:

— Пригородная линия в центр города. Ты первокурсница?

Неужели это так очевидно?

— Да.

— Вот, возьми расписание. Автобус, который тебе нужен, — это семь-У. Он доставит тебя туда, куда тебе требуется.

Смех достиг ее ушей. Может быть, они и не смеялись над ней, но... О, кого она обманывала? Конечно, так оно и есть. Ее лицо вспыхнуло. Даже если у нее больше не было волос, которые шли к нему, у нее все еще оставалось бледное лицо рыжеволосой. Ее стыд и страдание были очевидны для всех.

Двери автобуса закрылись. Вэл села на скамейку и стала ждать. Это все, что она, казалось, делала сейчас. Ждала. Ожидала, пока жизнь пройдет мимо нее. Она закрыла глаза и набрала полный рот холодного, влажного воздуха. Семь-У не появлялся еще двадцать минут.

Когда подъехал автобус, она повторила свой вопрос новому водителю. Он кивнул и поманил ее на внутрь.

— Никакой платы за проезд, — сказал он, когда она попыталась положить деньги в ящик. — Сегодня для студентов бесплатно.

— О. — Вэл уставилась на переполненный автобус. Что ж, это многое объясняло. —

Спасибо.

Комплекс Отэн состоял из коричневый зданий, отделанных оранжевым, красновато-коричневым и золотым. Они могло выглядеть ужасно, но яркие рожи лиственных деревьев заставляли это работать. Отэн по-испански означало осень, и цветовая гамма прекрасно это отражала.

Указатели со стрелками, установленные на хорошо поливаемой лужайке, гласили: «РЕГИСТРАЦИЯ ЗАЕЗДА ПЕРВОКУРСНИКОВ». Она следовала указателям, оглядывая на безмолвные деревья, и чувствовала себя так, словно оказалась посреди леса.

Указывающие стрелки привели ее к большому зданию шоколадного цвета со встроенными качелями у крыльца, свисающими с изящно изогнутого вечнозеленого растения. Воздушные шары неоновых цветов были привязаны к ручке входной двери и соответствовали ее нынешнему настроению. Большими пузырячатыми буквами были написаны слова «РЕГИСТРАЦИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ ЗДЕСЬ».

Она открыла дверь и с небольшим усилием втиснула себя и свой чемодан внутрь. В комнате было тепло и пахло выпечкой. Кто-то устроил небольшой мини-буфет с конфетами, печеньем и бутылками воды и содовой, усеянными капельками конденсата. Вэл взяла себе по одной из последних, не обращая внимания на еду. Ее живот, казалось, думал, что он все еще в поезде.

Она сунула содовую в сумочку и сделала большой глоток воды. Девушка в поло в зелено-белую полоску отмечала имена в списке. Вэл встала в очередь за привлекательным мальчиком с огненно-рыжими волосами точно такого же оттенка, как у нее раньше.

«Нет, не думай об этом. Забудь».

— Следующий! — пропищала девушка с радостью. Она взглянула на Вэл. — Имя?

— Эм... Вэл... Валери. — Девушка сделала движение, ожидая фамилию и она добавила: — Валери Кляйн.

— Кляйн... как... Кельвин Кляйн?

Вот откуда у нее появилась эта идея. Вэл надеялась, что это не так очевидно.

— ...Да.

Девушка порылась в импровизированной картотеке на столе и протянула Вэл конверт, помеченный ее именем и номером комнаты.

— Родственники?

— Нет.

— О, хорошо. Или нет. Ключ от комнаты и карточка прачечной находятся в конверте. На карте прачечной есть одна бесплатная стирка и сушка, любезно предоставленная университетом. Ничего не потеряй.

Вэл сунула конверт в карман своего платья.

— Где комната триста четырнадцать?

— Обычно ты бы воспользовалась лифтами вон там, — девушка указала на двойные металлические двери с одинаковыми табличками «Ремонт», — но, как видишь, они не работают, поэтому придется подниматься по лестнице. Извини за это.

Люди в очереди за Вэл начали роптать. Она нервно сглотнула. Жар пополз вверх по ее шее.

— А лестница... гм, где?

Позади нее кто-то сказал:

— О, да ладно.

— Эй, дайте ей освоиться, — сказал другой голос.

«Не говорите обо мне так, будто меня здесь нет». Тупая ярость переросла в беспомощное отчаяние. Это был один из неизбежных побочных эффектов желания не привлекать к себе лишнего внимания.

— Иди по этому коридору. Лестница будет сразу справа от тебя.

«Холл. Повернуть направо. Лестница».

— Запомнила? — Улыбка девушки была слишком яркой, она заставляла Вэл чувствовать себя тормозом.

— Я... я думаю, да.

Она не запомнила. Не совсем. Но Вэл слишком хорошо осознавала, что другие первокурсники смотрят на нее с нескрываемым нетерпением и презрением, чтобы просить дальнейших разъяснений.

Оставшись одна, Вэл пошла искать лестницу.

Родители и первокурсники заполнили коридоры. Все они были нагружены коробками, мебелью и разнообразным багажом. Несколько отставших бродили вокруг, как заблудившиеся муравьи, отделенные от колонии.

Но, по крайней мере, у них есть колония, в которую можно вернуться.

Никто не заметил, что она одна.

Дверь в триста четырнадцатую комнату, когда она туда добралась, была уже приоткрыта. Вэл застыла, не зная, входить или бежать. Она слышала звуки, доносившиеся изнутри. Домашние шорохи. Рассеянное напевание. То, что она делала, когда оставалась одна.

Вэл затаила дыхание и выглянула из-за угла.

Соблазнительная чернокожая девушка суетилась вокруг, насвистывая себе под нос, прикрепляя плакат с рыжим полосатым котом, цепляющимся за веревку полосатыми передними лапами. Подпись гласила: «Расслабься!»

Возможно, девушка увидела тень Вэл, или, может быть, ощущение, что за ней наблюдают, просто стало слишком сильным, чтобы его игнорировать, потому что девушка резко замерла. Какова бы ни была причина, девушка оглянулась через плечо, и пристально посмотрела.

— О, боже мой...

Наблюдая, как пальцы девушки судорожно сжимают грудь, Вэл почувствовала новый прилив отвращения к себе. Ее первый день, и она довела кого-то до сердечного приступа.

— Э-э, привет?

— Господи. — Девушка не убрала руку с груди, что заставило Вэл заподозрить, что она страдает от драмы, а не от приступа. — Ты напугала меня до чертиков. Ты всегда так здороваешься? Подкрадываешься к людям?

Ее голос звучал приятно, более низко, чем можно было ожидать, и мелодично. Хотя он показался немного неуверенным, в нем не было и намека на юмор.

— Нет. Прости. — Вэл посмотрела по обе стороны коридора, затем снова в теплое сияние комнаты. Она колебалась. Общежитие, оформленное в различных оттенках розового, уже выглядело как чей-то дом. — Это триста четырнадцатая комната, верно?

— Да-а, — сказала девушка, растягивая слово на два полных слога. — Так и есть. О, о, о, о, ты, должно быть, моя соседка по комнате. Ванесса. Нет, Верити. Эм... Вероника?

— Валери.

— Точно. Я знала, что имя начинается с буквы В. — Девушка воткнула булавку, которую держала в руке, в стену, не замечая, что плакат теперь висел криво. — Я Марианна Фокс — Мэри, для краткости.

— Вэл.

— Мило. Заходи, давай-ка я тебе помогу. — Она перекатила чемодан Вэл в угол комнаты, прежде чем Вэл даже подумала ответить. — Где остальные твои вещи?

— ...остальные?

— Да. Я помогу тебе поднять их. Лифты сломаны, ты же знаешь.

— Это все.

— Шутишь. Ты привезла только один чемодан? Ты что, живешь в городе?

Вэл поежилась.

— Я подумала, что просто пойду и куплю еду, книги и все такое, так что...

— О, Господи. Этого будет недостаточно. Это общежитие, девочка, а не монастырь. А ты пробовала еду в столовой? Тебе захочется запастись чем-нибудь. Поверь мне, если только ты не хочешь есть пиццу все время, каждый день, до конца года.

— О.

— Эй, все в порядке. — Мэри бросилась на кровать. — Послушай, мои сестры придут сегодня днем попозже. Мы собираемся поужинать, а потом пройтись по магазинам. Это будет так весело. Девчачий загул. Понимаешь?

— Звучит весело. — Вэл расстегнула рюкзак и начала развешивать рубашки.

— Ты должна пойти с нами.

— Я даже не знаю...

— Ты выглядишь так, как будто тебе не помешало бы немного развлечься.

Веселье. Мысль была чуждой, сбивающей с толку. Она знала, что с той ужасной ночи в ее жизни случилось несколько счастливых моментов, но она не могла вспомнить ни одного события сразу.

— Если это семейное дело, я не хочу навязываться.

— Не беспокойся. Мои сестры — настоящие крутые девчонки. Они не будут возражать против еще одной головы. На самом деле, они будут рады, что она у тебя есть.

— Она есть?

— Голова. Я пыталась позвонить тебе этим летом. Хотела представиться, так как мы собирались быть соседками, но твоего номера не было в списке. Я уже начала думать, что меня поселили с Маленькой мисс Серийная убийца, или призраком, или что-то в этом роде. Без обид, но в наши дни нельзя быть слишком осторожным.

Как это верно.

— Поверь, ты поблагодаришь меня за это, как только попробуешь то, что в местной столовке называют едой. — Слушая вполуха, Вэл спросила:

— Местной столовке?

— Столовая общежития. — Покачав головой, но все еще улыбаясь, Мэри оглянулась на плакат, который только что повесила. — О, черт, он висит криво. — Она забралась на кровать, чтобы поправить его, теперь повернувшись спиной к Вэл.

Разговор, казалось, был окончен.

«Жаль, что я не могу придумать, что сказать». Вэл будет жить с этой девушкой весь следующий год, и уже в первый день ей не удавалось поддержать беседу.

Социальные навыки, как и мышцы, могут атрофироваться.

Предстоящие недели предстали в ее воображении. Неловкое молчание. Неудобное маневрирование. «Это моя соседка по комнате. Она... странная». Вэл слишком грубо расстегнула молнию на своем чемодане. Переезд сюда должен был стать новым началом, а она уже возвращалась к старым шаблонам.

Одеяло с рисунком из желтых роз легло на ее кровать. Желтые простыни и наволочки были из другого комплекта и не совсем подходили друг другу, хотя выглядели достаточно прилично. Плюшевая игрушечная кошка, которую она получила за волонтерство в приюте для животных, легла на подушку. Она грустно посмотрела на кошку и пожалела, что у нее нет настоящего домашнего животного. Кого-то, кого было бы приятно обнимать, и кто слушал бы ее без осуждения.

— Какая милая, — заметила Мэри, и Вэл запоздало поняла, что ее игрушка похожа на кошку с плаката Мэри. Рыжая полосатая. Мармеладные кошки.

«Мне подарили ее в приюте для животных, в котором я раньше работала». — Слова застряли у нее в горле, как репейники.

«Где?» — это будет следующая серия допроса, и тогда Вэл будет вынуждена солгать. Ей придется запомнить и эту ложь, поскольку хуже лжи может быть только поимка на ней.

«А ты плохая лгунья».

Но это было сказано его голосом, а не ее.

Вэл остановилась перед шкафом. Комментарий Мэри, оставшийся без ответа, повис между ними, как обида, и комната, казалось, закачалась.

— Ты в порядке?

Вэл никогда никому не говорила, что все еще слышит его голос в своей голове. Потому что знала, что если бы это сделала, то не отделалась бы только таблетками и поглаживанием по голове. Нет, они бы заперли ее с настоящими психами.

(Бедная травмированная Вэл)

— Я... просто встала слишком резко. Низкое давление.

Она не привезла с собой много вещей, как будто могла упростить более абстрактные проблемы в своей жизни, взяв на себя управление физическими. Может быть, чистота монашеского образа жизни прогонит демонов из ее головы. Или, может быть... может быть, это сделало бы все еще хуже.

(В некотором смысле, тебе это к лицу. Очень готично. Тебе идет, правда.)

Джинсы. Вэл заставила себя посмотреть на них. Увидеть их. Она сложила их вдоль, чтобы повесить на вешалки. Футболки. Рубашки. Свитера. Брюки цвета хаки. Ботинки которые защитят от снега. Длинные топы.

Она чувствовала на себе взгляд Мэри, хотя та, казалось, никогда не смотрела в ее сторону, когда Вэл оборачивалась, чтобы проверить.

«У меня проблемы».

Вэл подошла к комоду и начала заполнять ящики. Нижнее белье. Спортивная одежда. Пижама. Парка. Шарф. Носки.

«Действительно большие проблемы».

Мэри все еще настороженно наблюдала за ней, Вэл это знала.

«Как будто я дикий зверь, напуганный и загнанный в угол, и она не знает, укушу я ее или убегу».

Бешенная.

Осторожно!

Ее кружка отправилась в ванную. Как и зубная щетка, зубная паста, шампунь для путешествий, бритвы и мыло. Их должно было хватить до тех пор, пока она не отправится за покупками.

«Что может произойти сегодня вечером», — напомнила она себе.

Идея пойти куда-нибудь с Мэри и встретиться с ее сестрами, которые, как подозревала Вэл, будут такими же болтливыми, как и сама Мэри, не была особенно привлекательной, но, по крайней мере, это лучше, чем идти одной. Стадный менталитет. Один в поле не воин. Инстинкт самосохранения.

«Послушай себя — ты даже говоришь, как он».

Мэри держала свой ноутбук на кровати, когда Вэл вернулась в их общую спальню. Она боролась с длинным синим кабелем.

— Это патч-корд? — спросила Вэл через мгновение.

Мэри подняла глаза.

— Ага.

Как по-средневековому. Вот вам и высокоскоростной интернет. В середине семестра возникнут проблемы.

— Где ты его взяла?

— Они раздавали их бесплатно.

— Где?

— В компьютерной лаборатории. Не волнуйся, я захватила для тебя один. Казалось, что они вот-вот закончатся. Твой в шкафу. С другой стороны, — добавила она, когда Вэл повернулась к месту, которое только что заполнила.

— Ох. Что ж, большое тебе спасибо.

— Без проблем, — нахмурилась Мэри. — Может ты где-нибудь видела разъем? Он похож на телефонную вилку.

Они стали его искать. В конце концов Вэл обнаружила разъем под кроватью Мэри. Та выругалась и заползла под дубовую раму, чтобы подключить кабель. Вэл воспользовалась этим моментом, чтобы вытащить бутылочки с таблетками из рюкзака и спрятать их за подушкой, где их никто не увидит.

— Что за дурацкое место для розетки.

У Мэри в тугих, завитых штопором волосах застрял пыльный комок. Вэл хихикнула, удивив их обеих, и виновато сглотнула.

— Ладно, я разрешаю. Смейся, — весело сказала Мэри, отряхивая ворсинки. — Приятно слышать!

Улыбка Вэл исчезла. Раньше она могла смеяться гораздо чаще. Она знала, как быть счастливой, свободной и беззаботной. Но он забрал все это, ранив ее, пометив ее, чтобы поймать в свою ловушку как можно скорее.

— Я, пожалуй, вздремну.

— Давай, — спокойно сказала Мэри. Она загружала свою страницу в Фейсбуке, выглядя вполне довольной собой. — Я разбужу тебя к ужину.

(По тому, как ты на меня смотришь, можно подумать, что я тебя съем)

Вэл с трудом сглотнула и сказала:

— Хорошо.

Глава 2

Амарант

Паралич являлся первым признаком того, что она спит: как проявление присущей ей беспомощности.

Второй — отсутствие сосредоточенности. Все казалось немного размыто по краям. Окончательные детали сцены терялись. Но даже в этом случае то, что она могла видеть, оставалось достаточно ярким, чтобы напугать, убедить.

Привести в ужас.

Пыль покрывала половицы, лепнину и подоконники. Обои в стиле флер-де-лис, с их кислым, затхлым запахом, и хрустящее черное постельное белье под ней. Так знакомо.

«Нет, — подумала она. — Проснись. Проснись!»

«Привет, Валериэн».

Все остановилось.

Он выскользнул из тени, одетый во все черное.

«Уже вернулась?»

Она не могла говорить. Даже если бы могла, это не имело значения. Его губы накрыли ее в удушающем поцелуе, от которого у Вэл перехватило дыхание.

Он обхватил ее через лиф ночной рубашки. Не он. Не совсем. Она понимала, что на каком-то уровне в ее сознании командуют подавляемые ею страхи и желания.

Это ее воображение.

Ее желание, расстегивает каждую крошечную перламутровую пуговицу.

Ее вожеление, развязывает шелковую ленту, чтобы обнажить ее плохо защищенное сердце.

«Ты позволяешь мне контролировать тебя, даже во сне». Его слова звучали как лед, обжигающий ее обнаженную кожу, как клеймо.

«Я ненавижу его, — подумала она. — Я ненавижу его. Я ненавижу его».

Его руки, под ее молчаливым руководством, начали скользить под подол ее ночной рубашки, поднимая пенистую ткань вокруг бедер.

«Ты знаешь, почему все так?»

Были ли ее слезы настоящими? Имело ли это значение?

Нет.

«Думаю, ты знаешь».

Затем она почувствовала его рот. Оазис мягкости, окруженный лесом натирающей щетины. Идеальный баланс, уговаривающая жестокость. Когда он поцеловал ее этими губами, она потеряла всякий разум. Когда он использовал его в другом месте, она сошла с ума.

«Потому что я хочу, чтобы меня контролировали», — выдохнула она. Ощущения, хотя и не были точными, казались достаточно близки к реальности, чтобы ее тело помнило...

«Потому что тебя нужно контролировать».

Легкое ударение на слове «нужно», заставило ее напрячься, Вэл попыталась ухватиться за сознание, которое было просто вне досягаемости....

Он толкнул. Ее мир раскололся на десятки острых, режущих осколков, проливая соленую кровь и еще более соленые слезы, которые окружали горький коктейль ее отчаяния. Она была и гусеницей, и бабочкой одновременно, пойманной в кокон необработанных

нервов и открытых язв. Она была безумием, завернутым в тонкие, преходящие слои временной ясности. И она боялась, потому что в глубине ее души таилось врожденное желание того самого яда, который ее убивал.

А потом сон взорвался мысленным туманом, и Мэри трясла ее, настолько бледная, насколько позволял ее темный цвет лица, и Вэл проснулась, и ее сердце билось в груди, как пойманная птица.

— Вэл... Вэл! Проснись! Тебе снится плохой сон. — Вэл тяжело вздохнула и подумала, не стошнит ли ее.

Мэри, явно задаваясь тем же вопросом, осторожно спросила:

— С тобой все будет в порядке?

— Да. — Вэл закрыла глаза. — Со мной все будет в порядке. — Она потеряла кольцо на руке, которое родители подарили ей на прощание. *«Я все преодолею»*. — Время идти?

Все еще странно глядя на нее, Мэри сказала:

— Да, пора. Пошли.

***

У Мэри оказалось три сестры — Флоренс, Анжелика и Чериш. Каждая из них была так же ярко одета и несдержанна в приветствии, как их младшая сестра. Вэл чувствовала себя так, словно ее окружила стая дружелюбных тропических птиц. Они настояли, чтобы она называла их Фло, Энджел и Шерри соответственно.

— Наша мама читает слишком много любовных романов, — сказала одна из них — возможно, Энджел, Вэл не была уверена, — заставив остальных троих кивнуть в знак солидарности. — Вот почему наши имена такие...

— ...драматичные...

— ...дрянные...

— ...как в мыльной опере...

— Все вышперечисленное, — подытожила Энджел.

— Мамочке нравятся, любовные романы.

— Не просто романы, а исторические. Знаешь, есть разница.

— О, — сказала Вэл, которая не знала.

— Она говорит, что сейчас просто не пишут любовные сцены, как раньше, — сказала Шерри, закатывая глаза.

— Потому что они неполиткорректны.

— Итак, мы слышали, что ты собираешься поужинать с нами сегодня вечером, — сказала Фло. — Надеюсь, ты любишь суши.

— Я люблю суши, — сказала Энджел.

— Ну, ты же понимаешь, что я не тебя спрашивала? Я интересовалась у Вэл.

— Суши... хорошо.

— Эти суши лучше, чем хорошо. Ты когда-нибудь раньше бывала в «Табемоно»? Ты должна поехать в Японию за лучшими суши. Или в Сиэтл.

— Вэл не отсюда, — пояснила Мэри. — Это ее первый день... хорошо?

— Ты ужасно бледная для таких темных волос, — сказала Энджел, — и эти веснушки! Девочка, ты блее мела. Эй, Фло, разве она не похожа на одну из тех фарфоровых кукол?

Фло прищурилась на нее.

— Ты когда-нибудь думала о том, чтобы покрасить их? Я видела, как многие девушки пытались это сделать, но тебе бы без сомнения пошел рыжий цвет.

— Оставь ее в покое, — попросила Мэри, видя, как побледнело лицо Вэл. — Она подумает, что я сумасшедшая или что-то в этом роде.

— Она и должна думать, что ты сумасшедшая — так оно и есть.

Между сестрами завязалась дружеская потасовка. Мэри закричала:

— Ты испортишь мне прическу! — Но смеялась, когда ее дергали за косы и хлопали по рукам.

Вэл, замыкающая шествие, засунула руки в карманы платья. Она снова почувствовала себя четырнадцатилетней, неловкой и неуверенной: остров одиночества.

Еда в «Табемоно» была восхитительной, но ароматы, казалось, достигали ее языка через несколько слоев резины. Она ела машинально палочками для еды, кивая во всех нужных местах и отвечая на все адресованные ей вопросы. Ей не приходилось делать это часто. Энджел, Черри, Фло и Мэри предпринимали лишь поверхностные усилия, чтобы вовлечь ее в свои шутки, большую часть времени болтая между собой.

Черри заказала для каждого, так как никто не мог договориться ни о каком одном блюде. На закуску Вэл взяла суп мисо с плавающими водорослями и квадратиками тофу, а также роллы унаги, обжаренные в темпуре и политые острым сливочным соусом с ярко-оранжевой масаго. Ее желудок немного скрутило, когда она узнала, что унаги означает «угорь», но так как все, что она могла попробовать, были соусы, в которых он был приготовлен, она смогла убедить себя, что ест действительно резиновую курицу.

Затем подали блюдо для компании, и Мэри и ее сестры по очереди бросали друг другу вызов, пробуя более страшные на вид роллы, в том числе одни с названием «паучий рулет», с поджаренными в темпуре хвостами креветок, торчащими из центра, как щупальца в панировке.

Вэл дали по одной штуке каждого, и она умудрилась их проглотить. На этот раз она воздержалась от вопроса, что в них было, и оставалась в счастливом неведении. Все пятеро съели на десерт мороженое моти с зеленым чаем.

Трудно было чувствовать что-либо, кроме сытости, после такой обильной еды. Вэл обнаружила, что ее настроение улучшилось. Ей даже удалось отпустить несколько шуток, и когда Шерри потянулась, чтобы взъерошить ей волосы, она почувствовала себя так, словно получила награду.

— Спасибо, что пригласили меня с собой.

— Нет проблем. — Шерри расстегнула пуговицу на джинсах и вздохнула. — Мы просто рады, что наша маленькая сестренка не живет в одной комнате с психом.

— Шерри.

— Что? Она не псих. Я просто сказала.

«Вела ли я себя так? Позволяла ли я себе когда-нибудь такую свободу? Такое нахальство?»

Нет, она всегда сдерживала себя. Вэл почувствовала острую боль потери из-за того, чего никогда не было — и теперь, благодаря ему, никогда не будет.

Лишь вполуха прислушиваясь к разговору, Вэл вытащила кошелек из кармана платья.

— Не смей этого делать.

Она подняла глаза и вздрогнула, увидев, что Энджел смотрит на нее так, словно она совершила какую-то грубую оплошность.

— Что...

— Положи кошелек, и никто не пострадает.

— То же самое относится и к тебе, сестренка, — сказала Фло Мэри, которая как раз собиралась залезть в свою сумку.

— Я не могу.. — Вэл попыталась подсчитать стоимость того, что она съела. Наверняка это составляло тридцать долларов с головы, если не больше.

— У меня есть деньги, — одновременно запротестовала Мэри.

— Э-э-э. Мама велела нам позаботиться о том, чтобы ты сэкономила и тратила все свои деньги только на учебу в колледже.

Глаза Мэри заблестели.

— Мамочка так сказала?

— Она сказала, что студенткам колледжа нужно мясо на костях, иначе у них не будет сил получать знания.

— Покупки за ее счет тоже, так что бери все, что тебе нужно.

Вэл отвела глаза, когда они обнялись. Чувство вторжения усилилось. Она чувствовала себя так, словно только что подсмотрела личный, интимный момент.

Она не могла припомнить, когда в последний раз могла так свободно проявлять привязанность — по крайней мере, физическую. Даже сейчас, после многих лет терапии и консультаций, она едва могла выносить, когда к ней прикасались. Даже ее родители. Она ненавидела боль в их глазах, когда отшатывалась от них, хотя знала, что они оба все понимают.

«Как бы мне хотелось, чтобы мама и папа были здесь».

У них был ее номер телефона, а у нее — их, но Вэл решила, что не будет звонить, если только это не будет чрезвычайной ситуацией. На всякий случай.

На всякий случай, если он где-то там, ищет.

Хроническое одиночество не считалось чрезвычайной ситуацией, так она считала. И то, что тебя не убивало, должно сделать сильнее, по крайней мере, так говорили ее родители.

«Но этого не произошло. Одиночество сделало меня слабее, намного слабее».

Он сделал ее слабее... и ради чего? Чтобы она лучше соответствовала его фантазиям о власти и абсолютном контроле?

«Будь ты проклят, ублюдок, за то, что разрушил мою жизнь».

— Вэл выглядит брошенной.

— Ну, что девочки, готовы отправиться за покупками?

Счет был оплачен, чеки незаметно скользнули в кожаные кошельки. Чаевые самодовольно лежали на черном лакированном блюде.

Вэл встряхнулась и ответила:

— Да.

***

Когда-то она была обычной.

Просто еще одна старшекласница. Невинная. Может быть, слишком невинная. Может быть, в этом и была проблема. Может быть, если бы она была более осмотрительной, ничего этого никогда бы не случилось.

Или, может быть, это было неизбежно. Детерминизм. Судьба.

(Ты чувствуешь узы, которые нас связывают? Чувствуешь, как они сжимаются?)

Она не могла вспомнить, когда впервые увидела его, но она помнила ту встречу в зоомагазине, где он работал, как будто это было вчера. Когда он позволил ей подержать одного из дорогих котят тойгера, и маленькое существо поцарапало ее. Когда он слизал ее кровь со своих пальцев.

Но в то время, по своей наивности, она сумела убедить себя, что это иллюзия, игра света — что угодно, только не правда.

«А если бы я знала, смогла бы остаться в стороне?»

Иногда она думала, что да. Да, она смогла бы. Но сейчас, стоя посреди прохода за канцтоварами, погруженная в море собственных мыслей, Вэл подозревала, что она просто принимает желаемое за действительное.

Один взгляд в эти глаза, и все пропало.

— У тебя все в порядке?

— Угу, — кивнула Вэл и отвернулась от продавца, прижимая к себе корзину с покупками.

Даже после того, как она узнала о крови, запятнавшей его руки, крови, которая даже не успела остыть — даже после того, как она узнала, кем он был, на что он был способен и почему он ее хотел, — она все еще желала, чтобы эти руки были на ней. Внутри нее. И он, он был только рад услужить.

До конца.

Что-то изменилось в самом конце.

Когда он увидел ту искру неповиновения, которую не смог погасить, эту последнюю крупинку моральной порядочности, он решил отказаться от нее, как темпераментный художник.

То, что нельзя закрасить, должно быть уничтожено.

И когда он пытался убить ее, когда она почувствовала, как вода хлынула в ее легкие, и боль превратилась в онемение, а ее мысли погрузились во тьму, разве она не чувствовала, что ей по справедливости воздали должное?

Разве она не думала: «Я этого заслуживаю?»

— Вэл?

Чья-то рука коснулась ее плеча. Она подпрыгнула, разбрасывая пачки ручек и карандашей.

— Ох, извини. Ты все взяла?

Вэл посмотрела на свою корзину. Внутри лежали школьные принадлежности и продукты питания. Она не могла вспомнить, как положила их туда. Единственное, что у них общего, так это то, что все они были дешевыми.

— Думаю, да.

— Круто. Мы все ждем у кассы. Мои сестры уже закончили.

«Я такая отвратительная».

Глава 3

Пион

В Калифорнии летние штормы были почти неслыханными, и люди говорили о них еще несколько дней после этого. Здесь, в Норт-Пойнте, так близко к полуострову Олимпик, штормы обычное явление.

И постоянное раздражение.

Вэл обхватила себя руками, идя из общежития в компьютерный класс, дрожа, когда капли дождя смешивались с холодным августовским утром.

Первокурсники должны были создать свои новые студенческие учетные записи в компьютерном классе, прежде чем их можно будет привязать к домашним компьютерам или компьютерам в общежитии. Вэл также надеялась записаться на свои занятия, предполагая, что сможет разобраться в пользовательском интерфейсе.

Дежурный ИТ-специалист был парнем, который напомнил Вэл Блейка своими светло-каштановыми волосами, карими глазами и большими очками в проволочной оправе. К счастью, их голоса не походили, иначе она не смогла бы этого вынести.

— Теперь введи этот номер, — подсказывал он. Бейдж с именем на полосатой рубашке идентифицировал его как Пита. — Это твой назначенный пароль. Измени на тот, что хочешь, так чтобы он легко запоминался, но трудно угадывался. Дай мне знать, когда закончишь.

Он демонстративно отвернулся, когда она начала вводить свой новый пароль. Вэл обнаружила, что ее начинает раздражать такое ненужное усердие.

— Я закончила.

Ее учетная запись открылась.

«Кляйн, М. Валери».

— Хорошо, — сказал парень. — Теперь ты сможешь записаться на занятия. Дай мне знать, если тебе понадобится еще какая-нибудь помощь. — Он встал, чтобы помочь девушке, которая все это время махала рукой.

Удивительно, что она просто не улетела. Сильно нетерпеливая?

Вэл уставилась на свой аккаунт. Все значки были помечены. Уже кое-что. Она потеряла глаза и открыла вкладку с расписанием курсов, которая походила на ежедневник.

«Выберите специальность», — подсказали ей.

О черт, она еще не решила.

Не заполнять?

«Нет, мне просто придется изменить ее позже».

Что там попроще? Женские исследования? Нет, люди всегда смеялись над теми, кто это делал. То же самое с философией. Психология? Она кое-что знала об этом.

Ее взгляд упал на науку о поведении животных. Она колебалась. Это было ее сильной стороной. Вэл обладала большей привязанностью к животным, чем к людям. На самом деле она их любила.

И он тоже.

Вэл долго смотрела на экран. Затем выбрала психологию из выпадающего списка специальностей. Может быть, это помогло бы ей понять, почему у нее все так плохо внутри.

После того, как она определилась со специальностью, сверху загорелась еще одна вкладка. Значок в форме яблока. В нем содержался список всех курсов, которые ей нужно будет пройти, чтобы получить высшее образование. Доступные курсы были выделены синим цветом, а рядом с ними были указаны день и время.

Ее расписание, как только она его составила, оказалось примерно таким, какого можно

было ожидать. Психопатология. Социология. Социальная психология. Сочинение. Все курсы с поверхностным и чрезвычайно скучным звучанием.

Загорелась третья вкладка, на этот раз со значком книги. Ее настроение еще больше испортилось, когда она заказала учебники. Шестьсот пятьдесят долларов пропали за то, к чему она в лучшем случае испытывала теплоту.

Вэл направилась обратно в свое общежитие. Высокий парень-азиат остановил ее, когда она столкнулась с ним на лестнице. Вэл настороженно смотрела на него, как на каждого мужчину, с которым теперь сталкивалась.

— Ты живешь в Отэм? — спросил он. Ее настороженность возросла. Вэл медленно кивнула.

— О, круто. Что ж, я один из ваших наставников.

«Один из моих кто?» — Потом она вспомнила. Наставник-резидент.

— Это мило. — Она двинулась, чтобы обойти его, и снова он преградил ей путь.

— Просто сообщаю тебе, что сегодня вечером состоится обязательное собрание студентов-первокурсников.

— Обязательное? Нам нужно прийти?

— Да, боюсь, что так. Сегодня в восемь часов вечера в Бэй-холле. Даже не думай уклоняться, — весело предупредил он ее. — Мы будем стучаться в двери, начиная с семи вечера, просто чтобы убедиться, что никто не забудет.

Он изобразил воздушные кавычки вокруг забывчивости.

Вэл это не развеселило. Несмотря на то, что парень казался достаточно дружелюбным, она не могла заставить себя отнестись к нему с симпатией.

Почему он так весел?

— Спасибо, что сообщил.

***

Полная решимости забыть о встрече, с воздушными кавычками или без, Вэл забралась в постель, чтобы вздремнуть после ужина из рамена, приготовленного в микроволновой печи, который они с Мэри разделили, когда та не смогла добраться до столовой. До сих пор Вэл была единственной, кто использовал микроволновку.

Наставник оказался так же хорош, как и его угроза. Резкий стук вырвал ее из очередного кошмара, и когда она открыла дверь, то обнаружила, что смотрит на того же парня, что и раньше.

Он улыбнулся ей.

— Привет, опять.

Вэл уставилась на него затуманенным взглядом.

— Ты придешь сегодня вечером на собрание первокурсников?

— Хорошо, — холодно сказала она.

— В восемь часов. Там будет еда, напитки и игры. Будет весело.

Весело. Теперь она слышала, как он стучит в двери ее соседей. Да, верно.

Поскольку ее прежняя одежда помялась после сна, она натянула новую пару джинсов и фланелевую рубашку. Макияж с ее лица сошел, и она задалась вопросом, заметил ли парень-наставник, что ее брови и ресницы не совсем соответствуют ее волосам.

«Он мальчик. Он бы не заметил.

Гэвин бы обратил внимание».

Вэл схватила карандаш для глаз и провела им по слабым рыжеватого-коричневым линиям. Затем, закусив губу, нарисовала ресницы черной тушью.

«Энджел права, — подумала она, отступая назад, чтобы рассмотреть свое отражение в зеркале. — Я действительно выгляжу бледной».

По крайней мере, она вписалась сюда. Люди не то чтобы стекались в Вашингтон загорать на пляжах. Ее губы слегка изогнулись. Они были бы очень разочарованы, если бы приехали позагорать.

Все первокурсники, остановившиеся в Отэм, — или, по крайней мере, те, кому не повезло оказаться в своих комнатах, когда мимо проходил парень-наставник, — столпились в Бэй-холле. Они оглядывали своих доселе невидимых соседей с нескрываемым любопытством и сексуальными размышлениями.

Вэл встала сзади, ближе всех к двери. Между ее бровями образовалась морщинка, когда давешний парень вошел в дверь с противоположной стороны и улыбнулся всем присутствующим.

— Всем привет — я Адам Лэнг.

— А я Тиффани Лэндштейнер, — представилась блондинка, отделяясь от группы, с которой она болтала, чтобы встать рядом с ним. Вэл узнала в ней бодрую девушку с регистрации.

— Мы ваши наставники!

Они говорили почти, но не совсем, в унисон.

Оглядевшись по сторонам, Вэл не могла избавиться от ощущения, что она находится в центре дрянной рекламы одежды «Олд Нави».

Адам и Тиффани — боже, даже их имена звучали убедительно, — перешли к правилам. Не пить. Не включать громкую музыку после десяти вечера, никаких домашних животных. Не курить в радиусе двадцати пяти ярдов от любых дверей или окон. Правила, на которые по большому счету никто не обращал внимания.

Вэл почувствовала, как у нее начинается мигрень.

Мэри стояла в углу с группой мальчиков и девочек, которых Вэл не узнала. Может быть, именно поэтому Мэри не была в общежитии весь день. Она делала то, что делали обычные студенты колледжа, тусовалась со своими друзьями. Рассказывала им страшные истории о своей сумасшедшей соседке по комнате, которая кричала во сне и жила как привидение.

Вэл уставилась на нее, пытаясь встретиться взглядом. Если Мэри и заметила, то прекрасно делала вид, что не видит этого. Она ни разу не подняла глаз.

«В любом случае, мне все равно».

Но ей не все равно. В этом-то и проблема.

— ...но если вы будете следовать всем правилам, то проблем не возникнет. Я знаю, что у нас будет отличный год! — «Точно? Могу я получить эти заверения в письменном виде?»

— А теперь, просто чтобы убедиться, что мы все действительно познакомимся друг с другом, — Тиффани размахивала пачкой бумаг цвета календулы, как оружием, — мы сыграем в игры! Ура! Разве это не весело?

Эта девушка серьезно сказала «ура»? Вэл с тоской посмотрела на дверь, но она была заблокирована группой буйных мальчишек, и она не могла заставить себя подойти к ним и попросить отойти.

Наставники описали круги по комнате, раздавая листы бумаги. На них были напечатаны квадратики как в бинго, в центре которых были написаны такие вещи, как «у кого-то два

разных цвета глаз», или «кто-то, свободно владеющий не только одним языком», или «кто-то, кто жил в другом штате».

Она всегда ненавидела подобные игры на знакомство. Они вызывали негодование, потому что, по сути, выдергивали ковер из-под вас, одновременно заставляя чувствовать себя так, как будто вы сами виноваты в том, что не смогли удержаться на ногах.

Вэл снова огляделась в поисках Мэри, но та уже была поглощена группой. Однако дверь оказалась не заперта, и Вэл начала прокрадываться к ней. Ни Тиффани, ни Адам сейчас не смотрели на нее, так что, если бы она только могла добраться до...

— Привет.

Вэл взвизгнула и уронила листок, отчего двое парней, находившихся достаточно близко, чтобы расслышать ее сквозь шум, рассмеялись. Она подняла свою карточку, покраснев, а затем развернулась лицом к своему незваному гостю.

Он мягко улыбнулся.

— Я тебя напугал? Извини.

«Черт возьми, я была так близко».

— Чего ты хочешь?

— Э-э... Ну, для начала ты могла бы сказать мне, применимо ли что-либо из этого к тебе.

Он сунул ей свою карточку, и она запоздало узнала в нем того рыжеволосого мальчика, который выступил в ее защиту при регистрации первокурсников. Вблизи он был еще более привлекательным, и она запнулась.

— Я...

Большинство маленьких квадратиков уже были подписаны. Как ему удалось так быстро собрать их так много? Его карточка была настоящей книгой для автографов.

С неохотой она попросила одолжить ей ручку. Он дал, и она расписалась на одном из квадратов.

— Вот.

— Валери, да?

Она кивнула, сжав губы, боясь, что у нее не свежее дыхание. Она ничего не ела с тех пор, как поужинала раменом перед сном, и была почти уверена, что в нем был чеснок. Запах изо рта.

— Я Джейд. — Он пожал ей руку, забирая ее собственную карточку, притворяясь, что не заметил, как та немного порвалась, когда края прилипли к ее потным ладоням. Вэл, однако, заметила это и подумала: «О боже».

— Давай посмотрим... хм. — Он нацарапал свое имя под квадратом для двух языков и изучил свой собственный листок. — Из какого ты штата?

— Калифорния. — «Он, должно быть, думает, что я полная неудачница».

— Неужели? — Джейд посмотрел на нее с притворным скептицизмом. — Не с Аляски? Ха. У тебя есть соседи-кинозвезды?

— Ха-ха.

— Крутая публика. — Он вернул ей карточку. Она уставилась на одинокую подпись и задумалась, заговорил ли он с ней потому, что был милым или садистом. — Разве ты не хочешь знать, на каком языке я говорю?

Вэл смахнула прилипшую к ладони бумагу на пол.

— Испанский?

— Нет.

— Французский?

— Латынь.

— Латынь? Серьезно? — подозрительно спросила она.

— Ave atque vale. — Он одарил ее улыбкой.

Эта улыбка пронзила ее до глубины души. Прошло так много времени с тех пор, как кто-нибудь так улыбался ей, с такой искренностью и открытой добротой — если только он действительно не разыгрывал ее.

«Следовало сказать ему, что я общаюсь иероглифами».

Слова были проклятием ее существования. Она тонула в них, когда все, чего хотела, — это тишины, только для того, чтобы они отступили, когда одна отчаянно продуманная фраза станет ключом к ее спасению. Большинство вещей были такими: избыток во времена изобилия и нехватка, когда они так необходимы. Вэл поняла, что жизнь — это несбалансированные весы, и никогда не склонятся в чью-то пользу, как бы ни боролся человек.

Уж точно не в ее.

В тот момент, когда он повернулся спиной, Вэл выскользнула из гостиной. Облегчение было таким же мгновенным, как и холод, пробежавший по ее коже.

***

Мэри снова ушла, когда Вэл проснулась. Ее кровать была застелена, и пушистый розовый единорог сидел на сложенном покрывале, удобно устроившись на подходящей подушке. У ее кровати стояла стопка любовных романов. На всех них были винтажные обложки, женщины, едва не выскакивающие из своей одежды, в объятиях мужчин.

Должно быть, это подарок ее сестер.

Вэл нащупала свою плюшевую кошку и, когда не смогла ее найти, наклонилась, чтобы поискать под кроватью. Волна головокружения накрыла ее от того, что она так внезапно наклонилась, и Вэл подумала: «Так мне и надо, если я упаду».

Что-то мягкое пощекотало ее пальцы, и они сомкнулись вокруг полосатого хвоста. Она потянула игрушку обратно к себе в постель и прижала к груди, сжимая, позволяя полиэстеровому меху впитывать ее слезы.

Не то чтобы она была несчастна. От света, проникающего сквозь жалюзи, у нее просто слезились глаза. По крайней мере, так она сказала себе, натягивая простыню на себя и голову плюшевой кошки.

Ее психотерапевт сказал, что она подавлена, встревожена. А кто не был бы? Вэл никогда не высказывала своих мыслей вслух. У терапевтов — и психиатров тоже — есть способ использовать ваши слова против вас, превращая простое утверждение в нечто клинически глубокое.

Не то чтобы ей было грустно — на самом деле печаль имела к этому очень мало отношения, учитывая, что большую часть времени она вообще ничего не чувствовала. Чувство требовало нервов, связей, сенсорной информации. Единственное, что она чувствовала, — это оцепенение. И усталость.

Да, она очень часто чувствовала себя усталой.

Утро превращало ее конечности в свинец. Когда она представляла все обычные дела в своей голове — (помыться, одеться, позавтракать, исследовать кампус, купить обед) ее тело

становилось мертвым грузом.

Все это было так утомительно.

Легче лежать в постели.

Легче вообще ни о чем не думать.

И вот Вэл заснула, и ей снились сны, и проснулась только тогда, когда услышала, как хлопнула дверь и тяжелые шаги затопали по скрипучим полам.

Раздался глухой удар. Вэл села, прищурившись, когда зажегся свет, и Мэри посмотрела на нее с легким удивлением.

— Ой! Прости. Ты спала?

— Эм, да. — Она провела рукой по волосам. Голова казалась слегка влажной. — Сколько сейчас времени?

— Почти пять.

Она провела весь день в постели.

Мэри склонила голову набок.

— Эй, что с тобой вчера случилось? На собрании первокурсников. Мне показалось, что я тебя видела, но потом ты исчезла.

— Я пошла спать. Устала.

— Ага, вижу, — тон Мэри был сухим. — Послушай, я здесь надолго не задержусь, я как раз собиралась отправиться в столовую с несколькими друзьями. Ну, знаешь, на ужин. Я просто хотела сменить рубашку. Ты можешь присоединиться к нам, если хочешь.

— Я не одета, — жалобно начала Вэл.

— Я могу подождать. В любом случае, они все копуши, а столовая закрывается только в восемь.

— Не хочу навязываться.

— Опять эти ненужные реверансы. — Мэри закатила глаза. — Не надо со мной так разговаривать. Мои друзья всегда просто заваливались прямо в мой дом, садились за наш стол и спрашивали: «Что на ужин?» Договорились, хорошо? Отлично, — сказала она, не дожидаясь ответа. — А теперь давай, одевайся, лежебока. Я умираю с голоду.

Что не оставляло Вэл иного выбора, кроме как надеть свежую одежду и покорно последовать за своей соседкой из комнаты. Ее желудок скрутило, и мысль о том, чтобы положить в него еду, не предвещала ничего хорошего.

Но если бы она вернулась в постель сейчас, то не смогла бы заснуть позже, и мысль о том, чтобы провести ночь со своей хронической бессонницей, была намного отвратительнее, чем перспектива дешевой еды в столовой общежития.

«И Мэри все равно уже считает меня чудачкой. Мэри подумала бы, что я еще больший урод, стоило мне открыть рот».

Все, что ей нужно, — это не забывать вести себя как нормальный человек, а поскольку ее разговорные навыки равнялись нулю, Вэл просто придется сделать все возможное, чтобы держать рот на замке.

— Хорошее, — пробормотала она.

— Ты что-то сказала? — спросила Мэри, не сбавляя шага.

— Я говорю симпатичное, — объяснила Вэл, кивая на здание.

Здание столовой было построено скорее, как солярий, с высоким стеклянным потолком, пропускающим свет. Заходящее солнце придавало маслянистым стенам теплое сияние, а темнеющее небо создавало интересный контраст на фоне желтых настенных ламп и запаха

горячей, готовящейся пищи.

— Да, наверно, что это так, ха. Я никогда не замечала.

Вэл понимала почему. Она испуганно огляделась по сторонам. Еда была, в буквальном смысле, повсюду. Это было совершенно ошеломляюще.

В задней части располагался салат-бар со всеми принадлежностями. Сэндвич-станция со всем, от проволоне и салями до тунца и американского сыра. Свежеприготовленная пицца трех разных сортов, в том числе чизстейк и десертная пицца, приготовленная из нарезанных нектаринов, ягод и сливочного сыра. Барбекю. Зона горячих блюд, со стоящими керамическими кастрюлями с супом. Автоматы с замороженным йогуртом. Напитки...

— Ты можешь есть столько, сколько захочешь, — объясняла Мэри, протягивая даме за стойкой свою студенческую карту, чтобы ее можно было отсканировать. — Ты просто не можете уйти и вернуться или уйти и взять с собой еду — хотя это не мешает некоторым студентам пытаться.

Вэл протянула женщине с кислым лицом у кассы свою карту студента.

— Что-то вроде шведского стола?

Вэл никогда не любила фуршеты. Она никогда не могла есть большие порции еды сразу, особенно когда люди вокруг наблюдают. С другой стороны, она просто никогда не любила есть на публике, и точка.

Или быть на публике, точка.

— Именно, — подтвердила Мэри.

— Еда выглядит не так уж плохо.

— Ну, сейчас стараются. Это первая неделя, так что они выпендриваются перед родителями. Ага. Тебе лучше поесть, — сказала она. — Еда никогда не будет такой вкусной, как сейчас.

Вэл взяла один из пластиковых подносов и приготовила себе салат Кобб с кубиками ветчины вместо курицы. Затем схватила по кусочку чизстейка и десертной пиццы, а также апельсин, прежде чем поставить свою еду на стол, на который указала Мэри.

Вода из-под крана пахла, как мокрые собаки, которых она мыла в приюте для животных, поэтому Вэл вылила ее и налила себе вместо этого один из разбавленных газированных напитков. На вкус это было ничуть не лучше, но, по крайней мере, не пахло отвратительно.

Ее ноги немного подкашивались, когда она направилась обратно к столу. В обеденном зале было так многолюдно. Ей казалось, что она выставлена напоказ, и что каждый может видеть ее насквозь, сквозь тщательно созданную видимость нормальности, ее темное и тайное извращенное внутреннее «я».

Чокнутая.

Ее так называли, помимо всего прочего. Психопатка и шлюха были другими запасными вариантами, потому что, когда некого было винить, люди часто делали самих жертв козлами отпущения.

Мужчины звонили ей, и спрашивали, нравится ли ей трахаться с убийцами, а затем угрожали изнасиловать ее. Женщины спрашивали, почему она не поступила правильно — по-христиански — и не покончила с собой. «Возможно, Иисус и умер за наши грехи, — сказала одна женщина, — но ты заслуживаешь смерти за свои».

Тревога впиалась своими скрюченными когтями в ее сердце и заставила вспотеть ладони. «Никто так не думает. Никто здесь не знает, кто ты такая». Она сделала большой

глоток содовой и чуть не подавилась ее приторной сладостью.

Боже, где же Мэри? Вэл не хотела оставаться наедине со своими мыслями.

Она огляделась, но чернокожей девушки нигде не было видно. Вэл сидела за столом, уставившись на свою почти нетронутую еду, и задавалась вопросом, не передумала ли Мэри в последнюю минуту. Может быть, она втайне возмущалась тем, что застряла с такой странной соседкой по комнате, и передумала насчет приглашения, предложенного только из сочувствия.

Или, может быть, она злилась на Вэл за то, что та сбежала с собрания в общежитии. Может быть, она была похожа на тех глупых наставников и думала, что все первокурсники должны сливаться в групповых объятиях, произнося свои ночные песнопения. В конце концов, у нее на кровати был единорог. Она могла бы быть одной из почитательниц «Олд Нави».

Может быть, она уже подала заявление на перевод из комнаты.

Вэл ткнула в салат зубцами вилки. Ее желудок свело судорогой, и она втянула живот, чтобы ослабить давление джинсов на него. Антидепрессанты заставили ее набрать вес, и ни одна из вещей больше не сидела на ней как надо.

Просто еще одна причина для горечи. Одна из многих.

— Вот ты где.

Мэри держала поднос с едой на одной руке. Другая была обернута вокруг массивного предплечья высокого светловолосого парня, который выглядел как ходячий заголовок для плохих новостей. Рядом с ними еще стояла девушка пониже ростом, с колючими волосами, и — Вэл побледнела — странный рыжеволосый парень с собрания в общежитии, который, к ее удивлению, заговорил с ней на латыни.

Джуд. Нет, не Джуд — Джейд.

— Это Алекс, — сказала Мэри, поглаживая бицепс светловолосого качка. — Мы вместе учились в средней школе.

— П-привет.

Алекс окинул ее оценивающим взглядом, прежде чем протянуть руку. Неохотно она взяла ее, отметив при этом, что у него был как перстень, так и татуировка.

«Признаки придурка», — подумала она безжалостно.

— Это Мередит, — продолжила Мэри, указывая на невысокую азиатку с пирсингом на губе. — Она была в моей группе на дне открытых дверей.

Мередит разговаривала по телефону, но кивнула и сумела изобразить подобие дружелюбной улыбки. Ее язык, как оказалось, тоже был проколот.

«Хипстер, с влиянием панка. Наверное, гот в старшей школе. Одна из тех типов социальных законодательниц тенденций. Мэри и Мередит».

Вэл открыла рот, чтобы указать на это глупое совпадение с коротким взрывом детского восторга, но момент прошел, и она снова откинулась на спинку стула, когда Мэри продолжила:

— А это Джейден. — Небрежно указывая на него, когда его голубые глаза вспыхнули в знак узнавания. — Все знакомьтесь — Валери. Вэл. Моя соседка по комнате. Она очень застенчивая и все такое, так что не пугай ее, ладно?

— Я помню тебя, — сказал Джейд. — Ты была на собрании. Но, кажется, я напугал тебя.

Она съежилась, гадая, собирается ли он заговорить об инциденте при регистрации

первокурсников, но, к ее облегчению, он этого не сделал. Может быть, он забыл.

«Забыл такое? Сомнительно».

— Ага, — сказала Вэл.

— Калифор-ни-я.

— Пожалуйста, — попросила Вэл, — не надо.

Джеймсу очень нравилась эта песня. Однажды она играла в одну из его игр, в перерыве, по его просьбе.

— Ты из Калифорнии? Это далеко отсюда. — Вэл повернулась к Джейду, на мгновение показав свое недовольство. — Как тебе удалось это выяснить?

— Игра на знакомство, — вежливо сказал Джейд.

— Ой. Это. — Мэри закатила глаза. — Это был такой отстой. — Развеивая опасения Вэл, что она собирается заставить ее участвовать во всех мероприятиях по месту жительства. — Вэл оказалась умна, она сбежала пораньше. Я даже не заметила, как она ушла — Хитрая Вэл.

— Я не сбежала, — запротестовала она. — Я устала.

— Мне кажется, леди слишком сильно протестует, — протянул Алекс, постукивая костяшками пальцев по фальшивому дереву стола, так что рубин в его кольце загорелся.

— Кстати, о цитатах... — Джейд улыбнулся Вэл. — Ты когда-нибудь знал, что означает *ave atque vale*?

— О. Нет, не могу сказать. Наверное, забыл.

Когда его лицо вытянулось, Вэл сразу же пожалела, что не может сказать также.

— Джейд, — очень строго сказала Мэри, — не утомляй нас своими глупыми уроками латыни.

— Латынь не глупая — она помогла мне прокачать оценки. Вэл он сказал:

— Если тебе вообще любопытно, это означает «приветствую и прощай».

— Цезарь? — Теперь, когда она заподозрила, что задела его чувства, ей казалось вдвойне важным быть вежливой. Кроме того, она была почти уверена, что права. Все цитаты, казалось, исходили от Цезаря. Или Шекспира. Или Библии. — Правильно?

— Нет. Это из стихотворения чувака по имени Катулл.

— Фу, ты, типа, уже говоришь о учебе? — Мередит застонала. — Занятия еще даже не начались.

— Единственная латынь, которую знаю, это «Я пришла, я увидела, я победила». — Мэри засмеялась. — Это Цезарь, верно?

— *Veni, vidi, vici*, — поправил Джейд. — И да, это он.

Алекс рассмеялся. Слишком громко. Люди за столами вокруг них вытягивали шеи, чтобы посмотреть.

— Черт, это был Цезарь? Чувак звучит как настоящий братан.

— Я не могу поверить, что ты только что назвал одного из величайших умов в политической истории братаном.

— Это комплимент. Мудрые слова. Распечатай их на наклейку, потому что я сделаю эти слова своим личным девизом — хотя и не обязательно в таком порядке, — добавил он, многозначительно глядя на Мэри, которая покраснела.

Вэл уставилась на свой салат и промолчала. Она могла бы сказать, что Алекс ей не понравится. Она надеялась, что Мэри не встречается с этим придурком. Она не была уверена, что смогла бы справиться, если бы его лицо стало неотъемлемой частью их жизни в

Глава 4

Лобелия

По ее мнению, Лиза пострадала так же сильно, как и Вэл. Даже больше. В конце концов, не она связалась с этим психом. Она предупредила Вэл о нем, но глупая девчонка просто не послушалась. Как бабочка на свет, Вэл полетела к опасности. Лиза винила «Сумерки» и предвзятые представления о мужчинах (особенно опасных мужчинах), которые они, как правило, формировали в впечатлительном подростковом сознании.

Но нет, Вэл думала, что сможет спасти его.

Оказалось, что это она все время нуждалась в спасении. От него.

А потом... потом случилась та вечеринка, и Лиза больше не знала, что думать о Вэл, о мире или о чем-то еще. Все... Ну, сейчас все казалось неправильным. Все время.

Блейк понимал. Блейк был единственным, кто действительно понимал, единственным хорошим, кто вышел из этого кошмара. Но Блейк уехал в колледж, а она застряла здесь, в этом захолустном городке, пытаясь подсчитать количество своих баллов, чтобы перевестись из общественного колледжа Дерринджера. Прочь из этого города.

Просто куда угодно.

Она хотела уехать куда-нибудь, где никто никогда не слышал о Валериэн Кимбл или о том, что пресса окрестила «Бойней в поместье Мекоцци».

Может быть, в Европу. Она всегда хотела побывать в Городе Огней. «Нет лучшего места, чтобы забыть о своих горестях, чем маленькое парижское кафе», — подумала Лиза.

Она натянула ночную рубашку XXL размера и почистила зубы. Под глазами у нее были темные круги, заметные теперь, когда она смыла макияж на ночь. Она потеряла их, нахмурившись, потом вспомнила, что от хмурого взгляда появляются морщины.

— Черт, — пробормотала она. — К черту это, к черту его и к черту ее. К черту всех в этом отсталом городишке.

Это заставило ее почувствовать себя немного лучше.

Правда, совсем немного. Проклятья ничего не решили, не стерли ее страхи, не остановили кошмары.

Каждую ночь ей снились кошмары. Не то чтобы это кого-то волновало. Никого, кроме Блейка, то есть. Но он был так же изранен, как и она, и так же отвергнут, что Лиза ненавидела добавлять к его собственному грузу свои проблемы. Его голос звучал так мрачно и напряженно, когда он звонил, чтобы поболтать.

Так устало.

Что, если бы Вэл похитили? Лиза часто ловила себя на том, что задается этим вопросом. Что, если бы Гэвин просто похитил Вэл, как он хотел на первом курсе? Неужели бы ничего этого не случилось?

Родители Вэл были бы убиты горем. Ей было жаль думать об этом из-за них. Это отстойно, когда родители теряют ребенка. Но они все равно потеряли свою дочь? Просто по-другому.

Никто не знал, куда делась Вэл, хотя многие из них этого хотели. Она просто исчезла. «Унесенная призраками», — Лиза поймала себя на мысли и вздрогнула.

Глупо втягивать в это призраков и сверхъестественное. Вэл просто уехала из города. Возможно, она сменила имя, если была умной. Именно так бы Лиза и поступила, окажись на месте Вэл. Сменила имя, изменила внешность, пошла к пластическому хирургу, а затем сожгла все следы своей личности, чтобы развеять пепел по ветру.

«Не то чтобы я с самого начала оказалась в таком положении». Лиза выключила свет в ванной и забралась под одеяло. Хотя воздух был горячим, она все еще чувствовала холод. Она подумала о Джейсоне и содрогнулась.

В этом тоже была вина Вэл. Вэл предала ее, чтобы спасти собственную шкуру, — вела себя так, словно невинная овечка все это время.

От одной мысли об этом у Лизы закипала кровь. Кто бы мог подумать, что ее бывшая лучшая подруга, самая милая девушка в Дерринджере, может быть такой бессердечной змеей? Черт возьми, они с Гэвином заслуживали друг друга.

«Может быть, мне стоит сменить имя. Кто сказал, что психопат не вернется за ней? Он делал это и раньше».

Эти мысли, как и телефонные звонки Блейка, стали еще одним ночным ритуалом, хотя и гораздо менее утешительным. Такими же были и кошмары. Ее психиатр прописал ей снотворное, чтобы помочь уснуть. Но проблема была не во сне, а в сновидениях.

Когда она почувствовала давление на матрас, тяжелое тело, навалившееся на нее, Лиза подумала, что ей снится сон. Один из тех ужасных, душащих кошмаров, из-за которых она дышала слишком медленно, чтобы прийти в себя. Приступы паники. Апноэ во сне. Либо то, либо и то, и другое в сочетании с сонным параличом.

Но потом она почувствовала прохладный металл на своей вспотевшей коже. Почувствовала острую боль, когда из нее потекла кровь, почувствовала, как теплая кровь стекает по горлу, впитываясь в наволочку, и она поняла, что вторжение вовсе не воображаемое, а реальное.

Ее кошмары стали пугающей реальностью.

С хриплым криком Лиза взбрыкнула. Обтянутая кожей рука закрыла ей рот и сжала так сильно, что у нее заболели челюсти и на глаза навернулись слезы. Кислый, приторный вкус кожи наполнил ее рот и нос, и Лиза подумала, что это самое худшее, что она когда-либо чувствовала в своей жизни.

— Я бы не стал, — произнес очень глубокий, очень мужской голос, заставив ее снова вздрогнуть — на этот раз от узнавания. Гэвин.

Она беззвучно прошептала имя в его ладонь, только потом осознав, что, возможно, было бы лучше притвориться не узнавшей, хотя, возможно, он не почувствовал, как ее губы шевельнулись сквозь кожу. О боже, это было хуже, чем она могла себе представить. Он. На ней сверху. С ножом. Его ноги в джинсах натирали ее обнаженные бедра, и Лиза с острым уколом ужаса подумала, не собирается ли он изнасиловать ее.

Его губы коснулись ее уха, заставляя ужас кристаллизироваться в острую, граненую ясность. Когда он прошипел:

— Где... она? — Лиза чуть не упала в обморок от облегчения.

«Он не хочет меня».

Бессмысленный животный ужас улетучился, и гнев хлынул, чтобы заполнить пустоту.

«Конечно, он не хочет меня. Ему нужна Вэл. Это всегда связано с Вэл».

Она сглотнула.

«Успеет ли он перерезать мне горло, прежде чем я закричу?»

Не то чтобы это имело значение. Мертвый был мертв, хоть с криком, хоть со стоном. Она снова сглотнула, на этот раз с большим трудом.

— Я... я не знаю, где она.

— Ты думаешь, я поверю в это? — Его голос был холоден, даже насмешлив, но нож в его руке красноречиво говорил о темных мыслях, которые кружились под этой тщательной конструкцией спокойствия.

— Я... я не знаю. Я не знаю, я имею в виду, действительно, правда. Я не знаю. Н-никто не знает, кроме ее родителей, может быть. Она исчезла. Она исчезла... и... и я не думаю, что она когда-нибудь в-вернется.

Он пробормотал ругательство.

Лиза ждала в безмолвной темноте и снова задавалась вопросом, не умрет ли она сейчас.

— Вставай, — сказал он, на мгновение отбросив эти страхи. Она снова вздрогнула, когда он соскользнул с нее, разворачиваясь с грацией змеи, когда исчез обратно в тени.

Спотыкаясь, Лиза так и сделала. Она испуганно пискнула, когда он схватил ее сзади. Острие ножа уперлось в ее пульсирующую яремную вену.

— Если я хоть на мгновение заподозрю, что ты собираешься сбежать или закричать...

— Я не буду.

Она чувствовала слабость. Слишком слаба, чтобы попытаться сбежать. Он подтолкнул ее к стулу со спинкой у стола, на который она упала с приглушенным шлепком.

— Пока, — добавил он с рассеянной жестокостью, которая охладила ее гораздо сильнее, чем мог бы простой гнев.

Гнев был такой человеческой эмоцией.

Его жестокость казалась чем-то упорядоченным, логичным.

— Возьми лист бумаги, и что-нибудь, чем можно писать, — небрежно приказал он.

— 3-зачем? Что ты собираешься делать?

Он проигнорировал ее вопрос.

— Когда возьмешь, запиши то, что я скажу. Слово в слово.

Он задал простой вопрос, и только когда повторил его, она поняла, что это был не вопрос, адресованный ей, а слова, которые он хотел, чтобы она записала. Она написала их дрожащей рукой, затем уронила карандаш.

— Ладно. Я закончила.

— Хорошо. — Она почувствовала, как его дыхание защекотало ей шею, когда он посмотрел через ее плечо, и Лизе пришлось подавить желание ударить его. — Сложи лист. Положите его в конверт, напиши свой домашний адрес в качестве отправителя — не запечатывай его. — Последнее он прорычал.

Лиза застыла, конверт все еще был частично поднесен к ее губам. Он выхватил его у нее, теперь ослабевшей еще сильнее. Схватил конверт, по-видимому, чтобы осмотреть его. Последовала напряженная пауза. Она не переводила дыхания, пока не почувствовала, как он кивнул.

— А теперь, — сказал он, наклоняясь ближе, — ты должна слушать очень, очень внимательно. Ты слушаешь, Лиза? Потому что я подозреваю, что это талант, которым ты не обладаешь от рождения.

— Пошел ты в пиз**, — сказала она так холодно, как только осмелилась, что было не очень разумно в этих условиях.

Он рассмеялся. Ужасный звук, лишенный юмора и леденящий душу.

— Это вряд ли. Боюсь можно что-нибудь подцепить.

Она снова вздрогнула.

— Считаешь меня шлюхой, — сказала она, — очень оригинально.

— Могу предположить, что именно поэтому вы поссорились. Ты и Вэл. Ты и твое довольно бесстыдное и бессмысленное предательство с этим Джеймсом.

— Что... — голос Лизы сорвался. Она никому об этом не говорила. Это была ее самая большая ошибка в старшей школе, за которую ей ужасно стыдно. Она знала, что Джеймс тоже ничего не сказал, потому что поклялся ей хранить это в тайне — под страхом того, что она расскажет остальной футбольной команде, какой у него крошечный член и как он скрывает это набивая трусы. Откуда Гэвин мог узнать?

Имело ли это значение?

— Это не имеет к нашей ссоре никакого отношения, — сказала она, пытаясь выглядеть высокомерной и с треском провалившись.

— Интересно. В любом случае, — продолжил он, — ты скажешь им, что это письмо-извинение. Ее родителям. Попытка примирения, которую ты хотела бы направить ей при первой же возможности.

— Это все? — Когда он не ответил, она спросила. — И что дальше?

— Жди.

Прошло десять минут, пока она сидела там, застывшая, как олень в свете фар, прежде чем поняла, что Гэвин Мекоцци исчез из комнаты.

Но, как она подозревала, не из ее жизни.

***

Настал и прошел первый день занятий. К концу лекции по психопатологии Вэл была убеждена, что и сама могла бы стать предметом изучения, ей напомнили о проблемах, о которые она уже имела, и рассказали еще о нескольких, о которых она не знала.

Социология была похожа на психологию, за исключением того, что в ней было меньше науки и больше объяснений. Что казалось нелогичным, но профессор оправдывал все, что не имело смысла, тем, что люди не поддавались классификации, потому что они были такими разными.

Социальная психология показалась интересной, и Вэл действительно понравился бы это предмет, если бы занятия не проходили в лекционном зале, который вмещал четыреста человек. Волна головокружения охватывала ее каждый раз, когда она приходила, чтобы увидеть все эти головы, каждая из которых имела пару глаз, которые могли как смотреть с любопытством, так и обжигать. Она садилась сзади, откуда можно было очень быстро сбежать, что она часто практиковала.

Сочинение стало самым сложным — она получила задание на эссе в первый же день, — но это оказался самый маленький класс, и у профессора были добрые глаза. Кроме того, поскольку большая часть работы выполнялась на компьютере, учебная программа имела безличный характер, что Вэл находила чрезвычайно привлекательным. Минимальное время встречи. Никаких устных выступлений.

Совершенно не похоже на английский в средней школе.

Четверг застал Вэл сидящей на кровати, скрестив ноги, в окружении заметок. В ее руке были два маркера, желтый и оранжевый, но прошло много времени с тех пор, как она отмечала какой-либо конкретный отрывок. Мэри, суемящаяся в их общей комнате, слишком отвлекала — Вэл дважды перечитывала один и тот же абзац.

— Знаешь, если ты пометишь все свои книги, их будет не продать по той же цене, что ты купила.

— Я знаю. — Вэл уставилась на страницу и пожелала, чтобы она раскрыла свои секреты.

— В любом случае, для чего тебе нужны два цвета?

— Желтый — это то, что мы делаем в классе, оранжевый — это то, что есть только в книге.

Мэри с минуту изучала ее, потом покачала головой. Немного посмеялась, хотя и не беззлобно.

— Это необходимо?

— Да.

Она закатила глаза.

— Ну если тебе нравится разрисовывать учебник, вперед. Не важно. Как я выгляжу?

На ней были черные велосипедки — их все еще называют велосипедками? В средней школе Вэл думала, что это просто бриджи — и белая футболка с графическими деталями.

Очевидно, Мэри не считала, что выглядит презентабельно. Она стояла перед их зеркалом в полный рост последний час, взясь со щетками, расческами и всем остальным.

Учитывая, что Алекс на самом деле даже не ее парень, она, безусловно, тратит много времени на подготовку к встрече с ним.

Когда Мэри заставила ее заглянуть на свою страницу в «Фейсбуке», чтобы посмотреть фотографии, которые ее сестры тайно сделали за ужином, Вэл не могла не заметить, что статус отношений Мэри был установлен на «свободна».

Вэл помнила время, когда она была на седьмом небе от счастья из-за мужчины. Но потом звезды исчезли из ее глаз, и не осталось теплого сияния, которое могло бы поддержать ее, и тогда она поняла, каким холодным и одиноким может быть космос.

Каким страшным. Каким смертоносным.

Тот первый поцелуй был таким горячим и обжигающим, и таким сладко-ядовитым, как антифриз. Она не чувствовала его парализующих последствий, пока не стало слишком поздно.

«Алекс ее не заслуживает».

— Ты выглядишь великолепно, — сказала она вслух. Слова прозвучали фальшиво для ее собственных ушей, и Мэри не выглядела убежденной.

— Правда? — Она взяла флакон духов, поигрывая крышечкой. — Ты не просто так это говоришь?

— Нет. — Вэл напряглась, гадая, не собирается ли Мэри распылить духи. Боже, как она их ненавидела.

— Футболка не слишком детская, что скажешь? Или серьги?

«Он критиковал ее внешность».

— С ними все в порядке.

— Я не знаю, Вэл. Просто не знаю.

Запах сладкой ваты наполнил воздух, в тысячу раз слаще любого сладкого кондитерского изделия, когда-либо продававшегося на ярмарке. Брызги духов мягко разлетелись по комнате, и у Вэл заслезились глаза.

— Не думаю, что они предназначены для использования в качестве освежителя воздуха, — сказала она, поморщившись, когда острый алкогольный привкус духов вошел в ее рот.

— Ну, они слишком сильные, чтобы просто брызгать на себя, — сказала Мэри, совершенно упустив суть. — Ты должен пройти сквозь брызги. Иначе от тебя будет вонять. — Она поставила флакон обратно на стол и плюхнулась во вращающееся кресло Вэл. — Ты собираешься? Скажи, что это так.

— Собираюсь куда?

— Алло? На вечеринку.

— Вечеринки же запрещены.

— К черту запреты, ты же понимаешь.

Да. Она понимала, что Мэри имела ввиду. Мэри хотела, чтобы она приняла участие. Чтобы активно веселилась. От одной этой мысли Вэл стало плохо.

— В любом случае, кто устраивает вечеринку в четверг вечером?

— Люди, которые не записываются на занятия по пятницам. Четверг — это новая пятница, подруга. Смирись с этим.

Вэл ошетибилась. Просто потому, что она хотела закончить учебу вовремя и не нуждалась в еженедельных трехдневных выходных, Мэри намекала, что она была своего рода затворницей...

«А разве нет?»

Это заставило Вэл призадуматься: «Раньше я такой не была».

— Послушай, Вэл, я не собирался ничего говорить, но серьезно, тебе нужно выйти из комнаты. Ты всегда здесь, когда я прихожу, если только не на занятиях или еще где-нибудь, а потом ты просто возвращаешься. Ты никогда никуда не ходишь.

— Не всегда...

— Всегда. Все, что я вижу, что ты делаешь, это учишься, но ты не можешь так жить. Ты сгоришь дотла. Тебе нужно повеселиться, девочка. Тебе нужно жить, иначе жизнь пройдет мимо тебя.

Но как можно жить, когда внутри ты мертва? Когда искра жизни почти сгорела дотла, что делать? Питаться парами, пока ничего не останется? Она уже была измотана.

Она чувствовала себя старухой, запертой в теле молодой девушки.

Осознание того, что Мэри права, заставило ее почувствовать себя вдвойне безнадежной. Возможно, она не всегда была замкнутой, но сейчас она живет именно так. Так зачем вообще беспокоиться?

«Я могла бы сказать, что мне действительно нужно учиться».

Мэри согласилась бы с этим, попытавшись еще один или два раза убедить ее, прежде чем полностью сдать.

Да, она легко могла бы это сделать, но это стало бы началом клина между ней и Мэри. Вот так все и началось: серия мелких обид и оправданий между двумя людьми, которые медленно нарастали, расширяясь со временем, образуя огромную и зияющую пропасть.

Год — долгий срок для одиночества.

И это означало бы позволить ему победить.

Вэл прикусила губу.

— Ладно. Я... приму участие.

Она вздрогнула, когда Мэри обхватила ее своими украшенными драгоценностями руками вокруг шеи в огромном, удушающем объятии.

— Отлично! Нам будет так весело, это будет просто здорово. Вот увидишь.

Вэл вздрогнула.

Как люди могли так легко проявлять привязанность? Как они могли открываться навстречу боли так безрассудно, с таким беззаботным пренебрежением к своим сердцам?

«Лиза часто делала что-то подобное, когда мы еще были подругами. — Вэл почувствовала, как на глаза навернулись слезы. — Тогда, когда она не ненавидела меня».

Она прислонилась к Мэри, которая отступила назад. Выражение беспокойства промелькнуло в ее широких, дружелюбных чертах, и она поджала губы.

— Вэл? Ты в порядке?

— Да, нормально. — Она выдавила улыбку, которой совсем не чувствовала. — Ты права. Это будет здорово.

В последнее время она часто ловила себя на том, что говорит эти слова. Может быть, однажды она даже поверит в них.

Глава 5

Вискария

Шесть часов спустя Вэл вспомнила, почему ей никогда не нравилось ходить на вечеринки. Они были неловкими. Почти невыносимыми. Разговаривать с незнакомыми людьми, отбиваться от пьяных приставаний или, что еще хуже, быть полностью проигнорированной.

Весело.

Она никогда не была душой компании, и события, произошедшие за последние пару лет, никак не облегчали неловкость, которую она чувствовала, находясь в толпе.

Общение, как правило, было последним, о чем думали люди, когда обвиняли тебя в смерти золотого мальчика города.

Она пошла с ним на свидание, потому что не видела другого способа прийти в себя. Теперь казалось, что он стал ее крестом, который она будет нести вечно.

«Ты не должна думать об этом. Не сегодня».

В ее руке был напиток. Вэл не могла вспомнить, как он туда попал, и посмотрела на него с некоторым удивлением.

«Пиво. Я не пью пиво».

Неужели кто-то дал ей это?

Она отбросила банку в сторону, предостерегающие рассказы об изнасиловании на свидании звенели у нее в ушах, и услышала, как пиво выплеснулось из нее. Кто-то выругался, и Вэл быстро скрылась.

Потом она вспомнила, что направлялась в ванную, но нашла пустую банку в раковине и планировала выбросить ее, когда... когда что? Она не могла вспомнить.

«Боже, — подумала Вэл, — что со мной не так?» Мгновение спустя она горько улыбнулась. «А что так?»

Нормальные люди не стояли в стороне от комнаты, улыбаясь после того, как швырнули полупустую банку из-под пива, и Вэл огляделась, чтобы убедиться, что за ней никто не наблюдает.

«Я схожу с ума».

Жители Отэм превзошли самих себя при таком минимальном бюджете. Даже Вэл вынуждена была признать это. Каждая комната в общежитии была миниатюрной

вечеринкой сама по себе, за исключением нескольких воздержавшихся.

Вэл не была достаточно храброй, чтобы рискнуть пройти по коридору общежитие, где все звучало еще более шумно и дико, но кто-то установил стробоскоп здесь, в общей комнате ее и Мэри. Она могла видеть темные фигуры, покачивающиеся на свету, меняющие позы ошеломляюще резкими движениями фантазмагии.

Вокруг нее гремела музыка. Хард-рок, дабстеп, рэп и поп-музыка соединились вместе, образовав нестройный рев, от которого у Вэл вскоре зазвенело в ушах.

В приглушенном свете она чувствовала себя слепой, глухой, незащищенной и уязвимой: тонко связанный пучок нервных окончаний, способных разлететься в любой момент.

Вся обстановка имела сюрреалистический кошмарный оттенок. Наливая себе пунша из оранжевого бочонка, она почти ожидала увидеть его, стоящего там и наблюдающего за ней из тени.

С криком она выронила чашку с пуншем — по крайней мере, она надеялась, что это был просто пунш, — когда какой-то пьяный парень пронесся мимо по пути в ванную, напугав их обоих и вызвав проклятие.

— В чем, черт возьми, твоя проблема? — пробормотал он, уже расстегивая штаны, когда захлопнул за собой дверь ванной.

Вэл прислонилась к стене, чтобы не упасть. Огни расплылись у нее перед глазами. Болела грудь. Болела голова. В ушах звенело, и это никак не проходило. «Ты ведешь себя как сумасшедшая».

Казалось, все оглядывались на нее, наблюдая за ней, как какое-то общее Око. «Никто за тобой не наблюдает. Все это у тебя в голове». Она говорила себе то же самое на вечеринке у Гэвина — и посмотрите, к чему это ее привело.

Как звучит эта поговорка? Безумие — это делать одно и то же снова и снова и ожидать разных результатов?

Она выдохнула и, спотыкаясь, направилась к буфету. Еда была примерно такой, какую она ожидала на стипендию в колледже. Чипсы и газированные напитки всех марок и сортов, купленное в магазине печенье на распродаже, дешевая пицца из местной пиццерии. Еще стоял незнакомый ей холодильник, который, должно быть, принесла одна из подруг Мэри, и когда она открыла крышку, то обнаружила, что он набит льдом и пивом. Вэл позволила крышке закрыться как раз в тот момент, когда дородный атлет протиснулся мимо нее, чтобы схватить два «Хайнекена».

Вэл с тоской посмотрела на свою кровать. Она могла бы сказать, что выпила слишком много и опьянела — это было нормально, верно? Ей нужно прилечь после долгой ночи?

За исключением того, что это была не долгая ночь. Еще нет и десяти вечера, и Вэл почти уверена, что Мэри знала, что она не пила, потому что Мэри провела большую часть вечера, не сводя с нее глаз, как ястреб.

Кто-то похлопал ее по плечу. Она обернулась и увидела улыбающегося рыжеволосого парня, смотрящего на нее сверху вниз. Друг Мэри, Джеймс.

Нет, не Джеймс.

Краска сошла с лица Вэл, когда комната накренилась и закачалась в неверном свете стробоскопа, а звон в ушах перерос в пульсирующий рев. О Джеймс, о боже, о боже, о боже, о боже, о боже.

Джейд — это его имя, не Джуд, или Джеймс, или какое-либо другое, а Джейд, как камень, — беззвучно шевелил губами. Ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что он

говорит. Не то чтобы она могла слышать его за пульсирующим фоном компакт-диска Мэри с миксом.

— Что?

Он приложил ладонь ко рту, как рупор, и, по-видимому, повторил то, что говорил раньше. Вэл покачала головой и наблюдала, забавляясь, несмотря на горе, угрожающее охватить ее сердце, как он изобразил танец одной рукой и заставил другую руку танцевать рядом с ней.

Джейд поклонился с театральным изяществом и протянул ей руку ладонью вверх. Этот жест заставил ее кровь застыть в жилах, потому что, ну, он тоже делал это. Он также имел склонность к театральности, он сам так говорил. Он был монстром, который играл в человека: животное, маскирующееся под человека.

Танцы звучали как действительно плохая идея. Вэл чувствовала, что в любой момент может упасть в обморок.

С другой стороны, танец с Джейдом означал, что ей не придется надевать маску безразличия, притворяясь, что ей все равно, что никто другой не подойдет, чтобы поговорить с ней.

После неловкой паузы Вэл взяла его за руку.

Песня играла медленно, Вэл не могла сразу вспомнить исполнителя. Это была баллада хард-рок группы, которая достигла пика популярности несколько лет назад.

Как все может измениться всего за несколько лет....

Вэл закрыла глаза и позволила своему телу покачиваться в такт. Это было... удивительно мило. Обычно. Боже, как она скучала по тому, чтобы быть нормальной. Не быть девушкой, на которую все пялятся, о которой шепчутся, которой одержимы.

Он был последним мужчиной, который так обнимал ее. Это было как раз перед тем, как он попытался убить ее.

«Не думай об этом».

Слишком поздно. Ее конечности напряглись, когда тело осознало уязвимость обладания, в котором она сейчас находилась.

И еще был этот вальс в темноте.

Он вел в танце, но держал ее крепко. У него не было угрызений совести, из-за того, что он позволил ей упасть. Нет, он ясно дал это понять.

Поэтому так больно.

Песня в стиле медленного рока закончилась. Вэл отстранилась, когда заиграла быстрая техно-композиция, побудив других первокурсников заполнить танцпол от восторга. Джейд снова открыл рот, и наклонил голову в сторону холла, показывая, что она должна следовать за ним.

Дурное предчувствие поднялось в ее животе, как тошнота. С какой стати он хотел остаться с ней наедине?

Поколебавшись, она последовала за Джейдом в коридор. Там было намного тише — тем более, когда он закрыл за ними дверь. Щелчок защелки имитировал ее учащенное сердцебиение. Сквозь звон в ушах она все еще могла различить громкую музыку, доносившуюся из других комнат.

По крайней мере, не так оглушительно, как усилитель Алекса. Она нервно откашлялась, разглаживая юбку платья, которое Мэри навязала ей.

— Что?

— Я говорил, что не похоже, чтобы тебе было очень весело.

Неудивительно, что Мэри так пристально смотрела на нее.

Вэл уставилась в пол.

— Вечеринки действительно не мой конек.

— Или игры на знакомства?

— И это тоже.

Он улыбнулся.

— Тогда в чем же твоя фишка?

— Прогулки, чтение, искусство, животные. — Она сделала паузу. — Мне действительно нравится работать с животными. Однажды я работала в приюте. Еще дома. Я вроде как умею с ними обращаться, я думаю.

Затем она замерла, готовясь к этому неизбежному вопросу. Где твой дом? Но он удивил ее.

— Ты хорошо себя чувствуешь? Я заметил, как ты споткнулась. Ты знаешь. Когда мы танцевали. — Кончики его ушей слегка порозовели. — Ты выглядела так, словно у тебя паническая атака.

— Я... просто иногда у меня немного кружится голова. — Она слабо улыбнулась и попыталась не думать о причине.

— Могу я предложить тебе что-нибудь выпить? Или поесть?

— Выпить было бы неплохо. Все, что угодно, только без алкоголя.

— Тогда две бутылки воды. Понял.

Измученная, Вэл опустила на пол, тщательно расправляя юбку так, чтобы она скромно прикрывала ее бедра. «Он не вернется».

Могла ли она винить его? Нахмурившись, она потянула за вырез своего платья — платья Мэри — удивляясь, как она не заметила, насколько сильно оно обнажило ее грудь.

Испорченный товар.

— Вот твоя вода. — Джейд протянул ей одну из бутылок. — Извини, что так долго.

Она поиграла с колпачком. Бутылка была запечатана, как она и предполагала. Но она должна была убедиться.

— Спасибо.

— Твое здоровье.

Они коснулись бутылок с водой. Жест был глупым, но он заставил ее слегка улыбнуться.

«Может быть, по крайней мере сегодня вечером я смогу притвориться кем-то другим».

***

Внезапный уход Вэл никто не заметил. Мэри, казалось, была необычайно довольна всем этим делом.

— Вы с Джейдом так мило смотрелись вместе, — повторяла она на следующее утро, когда они поднимали с пола банки из-под содовой и пива. Кто-то принес с собой бутылку водки, и Вэл задалась вопросом, кому она принадлежала.

— Мы потанцевали один раз, — сказала она, опуская бутылку ликера в пластиковый пакет.

— Но ты ушла с ним. Я видела.

— Просто в коридор. Наверное, у меня немного закружилась голова от всех этих громких звуков. Мы пили воду и разговаривали.

— О чем вы двое говорили? Вы целовались?

— Что? Нет! Нет, я только что познакомилась с ним.

— Все может произойти довольно быстро, если ты позволишь. Ты их оставишь себе?

Фу.

Вэл подобрала несколько пластиковых браслетов, снятых с запястий рейверов прошлой ночью. Они были сделаны вручную с помощью ярких бусин и пластиковых амулетов. Вэл они вроде как нравились. Они были слишком хорошенькими, чтобы выбросить, и напомнили ей о браслетах дружбы, которые она и ее подруги делали еще в начальной школе.

— Я их помою, — сказала она, пожимая плечами. — И в любом случае, я не тороплюсь. «Я уже совершала эту ошибку раньше».

— Ладно, как скажешь, — сказала Мэри. — Но ты поднимаешь большой шум из-за того, что было ничем.

— Так ты следила за мной?

Мешок для мусора в руках Мэри опустился на несколько дюймов.

— Ну, не то чтобы я преследовала тебя или что-то в этом роде, но да, я присматривала. Чтобы убедиться, что с тобой все в порядке. Ты казалась немного подавленной, вот и все.

Снова это слово.

— Я в порядке. Я просто удивлена. Я тебя почти не видела.

— Я приходила и уходила. Алекс хотел, чтобы я заглянула к нему в общежитие и, ну... — она улыбнулась, как бы говоря: «Ты же знаешь, как это бывает». Но у них явно ничего не было. У нее вряд ли есть шанс. — По крайней мере, тебе было весело, верно?

— Думаю, да. — Было ли ей весело? Прошло много времени с тех пор, как она приписывала себе это слово. Ей понравилось разговаривать с Джейдом. Он был таким спокойным, приземленным и очень основательным. — Насколько хорошо ты знаешь Джейда?

— Немного. Он вроде как дружит с Алексом. Такими друзьями, какими вы вообще можете быть с Алексом. Не притворяйся, что он тебе понравился, — сказала она, когда Вэл сделал невинное выражение лица. — Я знаю, что он может быть ослом. Но он не так уж плох, как только ты узнаешь его поближе — в любом случае, да, Джейд был в моей группе на дне открытых дверей, как и Мередит, и я немного поговорила с ним на знакомстве.

— Хмм, — произнесла Вэл.

— Он кажется действительно хорошим парнем.

«У меня тоже сложилось такое впечатление».

Взгляд Вэл остановился на старом будильнике Мэри, затем в шоке метнулся обратно.

— О черт, это правильное время?

— Вполне. А что?

— Черт. — Вэл бросила свой мешок для мусора и отбросила рулон бумажного полотенца в сторону. — У меня занятия в три пятнадцать. Я опаздываю. — Она бросилась в ванную, чтобы быстро почистить зубы, затем снова высунула голову. — Прости. Я не увиливаю. Я уберу, как только вернусь, я...

— Остынь, Вэл. К тому времени я, наверное, закончу. — Она слегка улыбнулась, как бы смягчая свои слова, и Вэл задалась вопросом, так ли Мэри спокойно относится к этому, как притворяется. — Если устану, позвоню Алексу, чтобы он приехал и помог. Он мой должник.

Вэл внутренне содрогнулась, не желая думать о том, чем они вдвоем могли бы заняться в ее отсутствие. Она надеялась, что Алекс не настолько наглый, чтобы подумать о сексе в ее

постели.

«Ты читала слишком много ужасных историй о соседях по комнате в Интернете. Надеюсь, большинство из них были именно историями. Городскими легендами. Не настоящими».

— Отличная идея, — крикнула она из ванной. Ее лицо было бледным, с несколькими пятнами от слишком большого количества макияжа и слишком малого сна. Она подкрасила брови черным карандашом и нанесла еще туши. Затем вернула контактные линзы на место — заметила ли Мэри? — и натянула зеленую рубашку, застегнутую до горла, и потертые джинсы.

Она схватила свое черное пальто с вешалки и, просунув руки в рукава, вернулась в спальню. Как только Вэл это сделала, она заметила клочок бумаги на их коврике для обуви с ее именем на нем.

— Что это? — озадаченно спросила она.

— Хмм?

Это был бланк для получения почты.

— Кто-нибудь оставлял мне что-нибудь прошлой ночью?

— Должно быть, принесли сегодня утром. — Мэри нахмурилась. — Я думаю, что это со стойки регистрации в главном офисе. Похоже, кто-то прислал тебе пакет помощи или что-то в этом роде. Тебе повезло.

Ее родители?

«Это должны быть они. Больше ни у кого нет моего адреса».

Главный офис располагался на пути в ее класс, и она уже все равно опаздывала в любом случае. Вэл размышляла, что ей прислали родители, было ли это вообще от ее родителей.

Прохладный осенний ветерок развеивал ее волосы, пропитанный запахом дождя, прошедшего несколько дней назад. Чувство дежавю захлестнуло ее, едва не заставив Вэл отшатнуться от его силы.

«Я уже проходила через это раньше. Ровно год назад. Когда забрала то письмо в школе».

Письмо, которое отправил Гэвин.

Приглашение на его ужасную игру и начало всего этого кошмара.

Полиция так и не нашла его.

«Не думай об этом».

Он все еще был где-то там.

«Если бы он узнал, что я все еще жива...»

Он убьет ее. В этом она была уверена. Гэвин был одновременно гордым и злобным. Он не из тех, кто бросает дела незавершенными.

(Я чувствую, что мог бы убить. Чувствую, что мне это может понравиться)

Она толкнула дверь. Над головой звякнул колокольчик, и этот звук заставил ее подпрыгнуть. За стойкой регистрации сидела студентка колледжа. Она сидела за прилавком из искусственного дуба, болтая с другой девушкой на вращающемся стуле рядом с ней. Обе они подняли головы на звук, и та, что была ближе к столу, улыбнулась.

— Привет! Могу я чем-нибудь помочь?

— Я, эм. — Вэл протянула листок. — Я получила это сегодня.

— Тебе пришла посылка? — Девушка встала. — Хорошо, позволь я проверю. Всего одну секунду. Фамилия?

— Ки... Кляйн.

— Кляйн с И или Й?

— Й.

— Валери?

— Да. — Облегчение окрасило ее голос. Почему именно, она не была уверена.

— Мне просто нужно будет посмотреть студенческий билет — хорошо, — сказала она, когда Вэл показала свою пластиковую карточку. — И распишись здесь. Ладно, отлично. Спасибо. Хорошего дня!

Две девушки снова принялись болтать еще до того, как Вэл вышла за дверь. Намеренное или нет, это пренебрежение осталось незамеченным, когда Вэл разорвала внешний конверт от своих родителей, чтобы увидеть второй внутри. Она пристально посмотрела на адрес.

Его она знала наизусть.

«Почему Лиза пишет мне? И потом, что еще более тревожно, как она узнала мой адрес?»

Быстрый взгляд на первый конверт развеял последнюю тревогу. Ее родители переслали письмо. Все просто. Что касается первого...

Вэл без дальнейших церемоний разорвала письмо от Лизы. Слабый, но безошибочно узнаваемый запах духов поднялся из складок, когда шквал бело-розовых лепестков опустился на землю у ее ног.

Нет, не духи. Лосьон после бритья.

Его лосьон после бритья.

«Нет, — подумала она. — Нет, нет, нет, нет».

Сандаловое дерево и роза. Она узнала бы его где угодно. А цветы были цветами валерианы.

Но письмо было от Лизы.

Пересланное ее родителями.

Оно не могло быть от него. Не могло.

Ее взгляд упал на блестящую надпись на кремово-белой бумаге внутри. Всего два простых слова, но рука, которой они были написаны, вонзила осколок льда глубоко в ее сердце.

«Ты боишься?»

Почерк Лизы.

Его слова.

Глава 6

Ирис

— В психодинамической модели поведения есть три основных компонента, которые вы должны помнить.

В маленькой аудитории было душно. Вэл пыталась сосредоточиться на лекции, зная, что невежливо отключаться так рано в этом семестре, но ее мозг отказывался подчиняться.

«Ты боишься?»

(Я тебя пугаю?)

— Вы помните, что это такое? Кто-нибудь? Я только что рассказывал об этом.

Кто-то сзади поднял руку и дал правильный ответ.

— Ну, по крайней мере, один человек извлек что-то из сегодняшней лекции, — сказал профессор, глядя на них всех с неодобрением. — Это не сулит ничего хорошего для результатов ваших тестов.

Однако до промежуточных экзаменов, казалось, еще целая вечность. Страх Вэл, ощущался по-настоящему. В настоящем.

— Это поможет освежить вашу память.

Профессор Хендрикс щелкнул пультом дистанционного управления, и на проекционном экране появилась заставка с изображением клипа. В нем подробно описывались тонкости психодинамической модели.

ИД был неряшливо одетый мужчина с пивом в одной руке и порнографическим журналом в другой. Вонючая сигара была зажата между его мясистыми губами.

«Очень тонко». Вэл могло бы показаться такое изображение даже забавным, будь она в более восприимчивом настроении.

СУПЕРЭГО оказался элегантным мужчиной в костюме-тройке и с моноклем. Он смотрел на ИД с явным отвращением. Слова «Ну, я бы никогда!» были заключены в большой мысленный пузырь над его аккуратно причесанными волосами. По мнению Вэл, он больше походил на парня из «Монополии», чем на образец добродетели.

ЭГО изобразили измученным мужчиной с похмельем. Он был одет как регулировщик, с ручным знаком «Стоп».

— Для тех из вас, кто не занимался чтением, ИД или «оно» ориентирован на то, чтобы сразу удовлетворить свои потребности. Это называется мгновенным удовлетворением.

Эти потребности присущи нам с самого рождения и в высшей степени первобытны, подпитываются основными биологическими побуждениями к еде, сексу и различным другим видам деятельности, связанным с удовольствием, необходимым для выживания. Часть зрелости заключается в том, чтобы научиться откладывать эти потребности в пользу более абстрактных приоритетов, таких как законы и личные обязательства. Это работа СУПЕРЭГО.

СУПЕРЭГО — это голос разума. Он состоит из нашей морали и нашей способности различать, что правильно, а что неправильно. Например, вы можете отчаянно желать пончик из столовой в 6 утра, когда знаете, что он только что из духовки — несколько студентов захихикали и подняли большой палец, — но, увы, затем вы вспоминаете, что должны сидеть на диете. Ваше СУПЕРЭГО напомнило бы вам об этом и отговорило бы от покупки одного из тех восхитительных пончиков с манговым желе, которые, как оно знает, вы так любите.

Вот тут-то и вступает в игру ЭГО. У него самая сложная работа из трех. ЭГО действует как посредник между ИД и СУПЕРЭГО. Возможно, вы слышали фразу «золотая середина» какой-то момент своей жизни. Возможно, в книге «Излом времени». Концепция здесь во многом та же самая.

— Он не выглядит очень счастливым, — заметил кто-то.

— Да, конечно. — Профессор Хендрикс слегка улыбнулся. — Трудно найти баланс между двумя такими противоположными силами.

«Две противоборствующие силы — совсем как в шахматах».

— Способности ЭГО обеспечивают благополучие индивида. Возвращаясь к нашей дилемме с пончиками: ваше ЭГО может решить, что вместо пончика с желе вы можете попробовать не менее освежающий, но значительно более низкокалорийный банановый хлеб с маком.

Вэл, все еще думая о шахматных досках, подвешенных в пространстве, нахмурилась. Она пропустила его пример мимо ушей, уловив только конец. Банановый хлеб?

По крайней мере, ее лицо было не единственным отрешенным в аудитории. Пятьдесят восемь человек слушали послеобеденную — вечернюю лекцию по психопатологии, и менее половины из них выглядели бодрыми, не говоря уже о том, чтобы быть внимательными.

Профессор Хендрикс выглядел все более расстроенным. Наконец, он отпустил их всех взмахом руки и вздохом.

— Надеюсь, что вы получаете от этого больше, чем показываете, — сказал он, повышая голос, чтобы его было слышно сквозь шуршание бумаг и застегивание рюкзаков. — Следите за своим ЭГО.

Солнце уже клонилось к закату, когда Вэл вышла на улицу. Небо мерцало золотом, напомнив ей о лампочке, которая вот-вот погаснет.

Мысли о письме пронеслись в ее голове.

Адрес принадлежал Лизе, и почерк принадлежал Лизе, но слова — все они были его.

Это он?

Та ночь запечатлелась в ее памяти, и как бы она ни старалась забыть — как отчаянно ей хотелось бы забыть — она не думала, что когда-нибудь сможет.

Если это был Гэвин, то он, должно быть, добрался до Лизы. Существовала только одна причина, по которой он мог это сделать.

Только по одной причине он пошел бы на такой риск. Он знал, что она все еще жива.

— Ну, привет тебе, Вэл.

Вэл вцепилась в свою рубашку спереди.

— Джейд. О боже, ты меня напугал.

— Ты чуть не налетела прямо на меня. Ты меня не видела?

Он прав. Она почти врезалась лицом ему прямо в грудь. Вэл покраснела.

— Извини, я просто кое-что вспомнила. Я сейчас немного не в себе.

— Должно быть, твои мысли были довольно напряженными.

— Наверно.

Его взгляд скользнул по ее запястьям.

— У тебя там хорошая коллекция.

Она проследила за его взглядом и поняла, что он имел в виду браслеты.

— Ах, это? Они от рейверов. Нашла в беспорядке в нашем общежитии.

«Ты такая идиотка».

— Можно мне один?

Она пожала плечами и протянула руку, которая лишь слегка дрожала.

— Выбирай.

Джейд легко взял ее за запястье и выбрал сине-зеленый браслет. Его пальцы были шершавыми на тонкой, как ткань, коже. Что-то загудело у нее в ушах, и она почувствовала, как участился ее пульс, когда он посмотрел ей в глаза.

«Он не хочет тебя».

— Я хотел сказать тебе — и Мэри — что мне было очень весело прошлой ночью. — Он со щелчком натянул браслет, чтобы тот обхватил его руку. — Ваша комната определенно была лучшей из всех.

— Спасибо, — сказала Вэл, — но Мэри занималась всеми украшениями и прочим. На самом деле я не так уж много сделала.

— Ты была там, — объяснил он. — Ты танцевала со мной.

Жар пробежал по ее горлу.

— Да.

— Ты покраснела.

Она изучала свои кроссовки.

— Знаю.

— Слушай, это может показаться немного неожиданным — и если ты в шоке, я полностью понимаю, но — ты не хочешь как-нибудь выпить чашечку кофе?

— Ум?

— Кофе. Ничего слишком шикарного, не волнуйся. Я подумал о кафетерии в Студенческом союзе. Там довольно хорошо. — Вл вспомнила слова Мэри, сказанные ранее: «Эти вещи могут произойти довольно быстро, если ты позволишь».

Джейд говорил с ней? Говорила ли она с Джейдом? Имело ли это значение?

Вэл долгое время была одинока. Вполне возможно, что она забыла, как быстро все это происходило. Джеймс пригласил ее на свидание всего после нескольких разговоров, хотя она знала его много лет, так что, возможно, это не считалось. И Гэвин...

Гэвин разбил ей сердце.

— Да, — сказала она, медленно выдыхая.

— Да? — Джейд приподнял бровь. — Что «Да»?

— Да, я выпью с тобой кофе. Мне бы этого хотелось.

— Отлично. Какой у тебя номер? Я позвоню тебе и сообщу дату и время.

Она отшатнулась, чувствуя головокружение. Было ли это увлечением? Или это был страх?

Была ли какая-то разница между ними?

***

Прошла неделя с тех пор, как Блейк получил письмо. Или Письмо, как он его себе представлял, написанное с большой буквы и имеющее самоназвание.

На конверте из манильской бумаги были имя и адрес Лизы, но, когда он открыл его, внутри оказался еще один конверт, совсем как у одной из тех русских матрешек. Бумага кремового цвета была мокрой от кирпично-красной краски, которая капала и пачкала светло-коричневый ковер на полу его комнаты в общежитии.

Из влажных недр конверта он извлек единственную черную пешку. Верхняя половина ее была отрезана, катаясь вниз, как отрубленная голова. Был только один человек, знакомый Блейку, который мог прибегнуть к чему-то настолько больному.

Это плохо.

Он мерил шагами свою комнату в общежитии. Там было чисто — во всяком случае, чище, чем обычно, — потому что его сосед по комнате отсутствовал. Вечера пятницы означали вечеринки, и Том принимал участие во всех мероприятиях, которые позволяло его расписание. Обычно Блейк приветствовал эти отлучки, поскольку они означали, что он мог позвонить Лизе, или спокойно учиться, или играть в «World of Warcraft», но сейчас... он чувствовал себя неуютно. Одиноко.

Напуганным.

Легкой добычей.

Уже несколько недель он чувствовал, что за ним наблюдают. Блейк сделал все

возможное, чтобы взглянуть на ситуацию логически, чтобы компенсировать этот, казалось бы, иррациональный страх. После того, что произошло в прошлом году, некоторая паранойя вполне понятна. Между кошмарами и ухудшением здоровья его отца казалось удивительно, что его не заперли в какой-нибудь больнице.

Письмо все изменило. Оно было убедительным доказательством перед лицом ранее абстрактных страхов. Оно означало, что ему было чего бояться.

Блейк поднял трубку, чтобы позвонить Лизе. Одного звука ее голоса обычно хватало, чтобы поднять ему настроение, как бы банально это ни звучало. Однако в последнее время в разговорах она казалась подавленной. Он несколько раз спрашивал, не расстроена ли она или чем-то обеспокоена, но Лиза так быстро отвергла эту линию расспросов, что он начал задаваться вопросом, не в нем ли дело.

Он все еще не мог поверить, что они встречаются. Лиза что-то разглядела в нем той ночью, предположил он. Что-то, что придало ей смелости и заставило заглянуть за пределы поверхностного и всей внешней шелухи. То, что у них было — это было реально.

Или ему нравилось так думать.

Блейк был на полпути к знакомой цепочке цифр, когда услышал скрип. Половицы в общежитии были поцарапаны и расшатаны за годы жестокого обращения. Его общежитие, Вордсворт-холл, должно было быть выведено из эксплуатации следующим летом, потому что фундамент просто становился слишком старым.

Они собирались снести его, отстроить заново с нуля и упаковать поступающих первокурсников в него, как сардины в жестянку. Дерево потрескалось, покособилось и покрылось пятнами воды от постоянных зимних дождей, а на потолках все еще угрожающе виднелись следы асбеста.

Все волосы у него на затылке встали дыбом. Сегодня вечером немного сквозило, но неужели минуту назад было так холодно? Он подошел, чтобы проверить, осторожно пробираясь по полу, чтобы свести к минимуму шум, и вздохнул, когда обнаружил, что Том снова оставил наружную дверь приоткрытой.

Тихо выругавшись, все еще держа телефон в руке, Блейк закрыл и запер дверь, сделав мысленную заметку прочитать Тому лекцию о безопасности и взломах. Не то чтобы он стал слушать. О, он улыбался и кивал, но все это входило в одно ухо и выходило из другого. В этом смысле он был очень похож на Джеймса.

Теперь это была коробка, которую он не хотел открывать. Особенно сегодня вечером.

«Должно быть, это скрипнули петли». Он почувствовал себя почти больным от облегчения. Дверь развеивается на ветру.

Его облегчение длилось до следующего вдоха, который резко оборвался, когда охлажденное ночью лезвие рассекло его яремную вену. Пришла боль, уступившая место испуганному удивлению, когда теплая жидкость брызнула, его ноги подкосились, а разум погрузился в теплую бархатистую темноту, которая, как ни странно, напомнила ему о сексе.

У него было достаточно времени, чтобы подумать: «Что...», прежде чем провалиться в пустоту.

***

Две недели прошли без вестей от Джейда.

Вэл продолжала жить обычной жизнью в колледже, посещая занятия и светские мероприятия, когда Мэри звала ее — что становилось все реже и реже, — но, кроме этого,

Вэл обнаружила, что проводит ужасно много времени в одиночестве.

Когда из крошечных динамиков ее мобильного телефона зазвучала нежная мелодия, Вэл испытала волну дурного предчувствия и тоски. Это был звонок от ее родителей.

Но почему они звонили ей? Что-то случилось?

«Нет, — утешала она себя. — Все в порядке. Они, наверное, просто хотят узнать, как я устроилась».

Но чувство страха не рассеялось, и на ум пришло любопытное письмо, которое она получила от Лизы. Вэл сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Алло? Мам?

— Милая? — Голос ее матери был тонким, напряженным. Услышав его, Вэл захотелось заплакать. — Как ты? Как дела в колледже?

— Я... — Что-то удержало ее от упоминания о письме. В голосе ее матери уже звучала такая тревога. Сейчас было не время. — Я в порядке. В школе все... хорошо. Мам, что-то не так?

«Скажи «нет», — умоляла она. — Скажи «нет».

— Ну... — Пауза. — Твоя подруга Лиза звонила нам. Мне это показалось странным.

— Лиза?

— Она спрашивала о тебе. Она сказала, что это срочно.

Вэл снова подумала о письме. Это начинало выглядеть так, как будто они двое связаны. Вэл проглотила нарастающую сухость в горле.

— О чем? О чем она хотела поговорить?

— Она не сказала. Все, что она сказала, что это срочно.

Опять это слово. Срочно.

О, нет.

— Ты хочешь, чтобы я дала тебе ее номер? — Голос миссис Кимбл звучал так, словно доносился из конца аэродинамической трубы. — Я записала его, на всякий случай.

Часть ее хотела сказать «нет», и к черту Лизу. Другая хотела разразиться пронзительными криками, пока кто-нибудь не вызовет полицию или скорую помощь, или и то, и другое, и они не запрут ее — далеко-далеко — в мягкой башне из слоновой кости, где ей больше не придется иметь дело с этим.

— Да, — прошептала она, — продиктуй его мне. Пожалуйста.

Ее мать называла цифры, заставляя ее повторять их снова. В ее голосе слышалось беспокойство, но Вэл сомневалась, что мать стала бы настаивать на этом, если бы сама Вэл не заговорила о том, что ее беспокоило в первую очередь.

«И я не знаю. Я боюсь знать. Я боюсь, что это может быть хуже, чем я себе представляла».

— Ты достаточно выспалась, Вэл? Ты говоришь так словно у тебя насморк.

Забавно, как тоска по дому может заставить тебя тосковать по самым глупым вещам. Вещи, которые ты принимал как должное. Безопасность, защищенность и безусловная любовь.

— Я в порядке. Я... я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, детка. Береги себя, хорошо? Выспись как следует, а если заболешь, примите немного дополнительного витамина D.

Вэл мягко попрощалась с матерью. Она уставилась на цифры, написанные в блокноте красными чернилами. Казалось они всегда были там и всегда будут.

У Вэл возникло внезапное, неистовое желание разорвать бумагу в клочья, просто чтобы доказать себе, что она может.

Вместо этого она взяла трубку, осторожно держа ее в руках, как будто это что-то хрупкое, что можно разбить одним нажатием, как яйцо. Цифры номера были новыми, Вэл их не знала. Как и она, казалось, что Лиза тоже решила сменить свой номер.

Другая линия ответила на первом же гудке.

— Алло? — произнес женский голос. — Кто это? Откуда у вас этот номер?

Ее охватил трепет. Голос Лизы звучал точно так же. Но подозрительно, настороженно. У нее, наверное, есть идентификатор вызывающего абонента. Вэл пришло в голову, что ей следовало бы набрать *67 и заблокировать свой номер, но сейчас это вряд ли имело значение.

— Это я... Вэл. Моя мама сказала, что ты звонила.

Последовала долгая пауза. На мгновение Вэл подумала, не повесила ли она трубку, но потом Лиза тупо сказала:

— О, Вэл. Я действительно не думала, что ты мне перезвонишь.

— Ты сказала, что это срочно, чрезвычайная ситуация. Почему бы мне не перезвонить?

— Лиза не ответила, как будто причин, по которым Вэл могла не перезвонить, было так много, что у нее нет времени перечислить их все. — Что случилось?

Еще одно молчание, еще более продолжительное.

— Блейк мертв.

— Он что?

— Умер, Вэл. У-М-Е-Р. Мертв.

— Как?

— Сосед по комнате нашел его в душе. Убитым. Его горло было перерезано. Как будто он гребаное животное. — Лиза безуспешно пыталась сдержать рыдания.

У самой Вэл от сочувствия сжалось горло. Бедный Блейк. Он этого не заслуживал. У нее вырвался истерический, горький смешок. Как будто кто-то это заслуживал!

— Ты думаешь это смешно?

— Нет, я просто... мне так жаль.

— Это был он, Вэл. Твой чокнутый любовничек. Он убил Блейка. Он убил его.

Язвительность в голосе Лизы жгла так же сильно, как кислота.

— Подожди... Он не...

— Не смей его защищать!

— Я не...

— Он написал на чертовой стене кровью Блейка!

Вэл вздрогнула, когда голос Лизы, который начинался с обычной громкости, внезапно перешел в крик. Вся слюна у нее во рту испарилась.

— Что он написал?

— «Ты боишься?»

Вэл забыла, как дышать.

Перекрывая звук своих судорожных вдохов, Лиза сказала:

— Что-нибудь напоминает? Так и должно быть. Это то же самое, что он заставил меня написать в том письме, которое я отправила тебе.

О, боже, это был он.

И Лиза...

— Ты из-за этого позвонила, чтобы сказать мне?

— Это, и... я... я думаю, что я следующая. Перед смертью Блейк получил письмо. В нем была пешка — с отрубленной головой. Весь конверт был забрызган красной краской. Он позвонил, чтобы... рассказать мне об этом. Я была так напугана. Я сказала ему, чтобы он шел прямо в полицию...

Вэл услышала шепот.

— На следующий день он был убит. И сейчас... я тоже его получила.

— Ты получила?

— Она вся перерезана. — Голос Лизы сорвался. — Пешка. С помощью ножа. Полностью изуродована. Он собирается порезать меня, Вэл. Он собирается, бл*ть, порезать меня.

«Он не в себе». Паника охватывала ее с пугающей скоростью. Она знала, что он вернется... но не так. Никогда она не могла предположить, что так.

— У-успокойся. Все будет хорошо.

— Только не говори мне, что все будет чертовски хорошо!

— Я просто пытаюсь...

— Нет, ты не пытаешься. Ты ни хрена не пытаешься. Пошла ты, Вэл. Пошла ты и твои попытки тоже! Мне не нравится быть пиньяттой этого ублюдка!

— Лиза, пожалуйста...

— Я предупреждала тебя. Я предупреждала тебя держаться от него подальше. А теперь смотри. Посмотри, где мы сейчас оказались.

— Просто дай мне одну секунду. Пожалуйста. Я могу объяснить...

— Мы все мертвы.

— Это не моя вина! Я не виновата, что он психопат. Что он убил тех людей. Я не заставляла его это делать. Я не хотела, чтобы он это делал.

— Ты играла в его игру. Ты позволила ему устанавливать правила.

— Как и ты! Мы все это сделали. — Но, обвиняя друг друга, они ничего не добьются. Вэл ущипнула себя за переносицу. — Что мне прикажешь делать, Лиза? Остановить его? Я пыталась это сделать — он чуть не убил меня.

— А сейчас Блейк мертв. И Джеймс. Ты забыла о Джеймсе?

Никогда.

— Вся эта игра всегда была только о тебе. Ты — та, кого он хочет. Та, за кем он охотится. Мы всего лишь пешки. А ты тем временем прячешься, где бы ты, черт возьми, ни была, красиво сидя на обочине. Ты хочешь знать, что я хочу, чтобы ты сделала? Я хочу, чтобы ты перестала прятаться, как трус, пока все мои друзья умирают.

— Так ты думаешь, я должна позволить ему убить меня? Ты это хочешь сказать? Что я должна предложить ему себя в качестве какой-то жертвы? — Молчание Лизы сказало больше, чем могли бы сказать слова. — Ты что, с ума сошла? — пролепетала Вэл. — Ты знаешь, что он сделает со мной, если поймает?

— В любом случае, твои дни сочтены. Это просто вопрос того, скольких из нас ты собираешься взять с собой, прежде чем это станет слишком много.

Стена расплылась у нее перед глазами. Вэл опустила трубку, теплые слезы текли по влажным щекам.

Металлический голос Лизы, теперь уже далекий, произнес:

— Сколько людей должно умереть, прежде чем ты возьмешь на себя ответственность?

«Это не моя вина».

— И дело не только в нас. Посмотри про Убийства Рыжих, Вэл. Тогда ты увидишь. Если у тебя вообще осталась хоть капля совести, ты увидишь.

Телефон отключился. Так же, как и любые затаенные надежды на то, что ей не придется заново переживать этот кошмар.

Глава 7

Адокса мускусная

Вэл ворочалась и крутилась до глубокой ночи. В какой-то момент она выскользнула из комнаты, чтобы прогуляться по двору под оранжевым светом фонарных столбов. Ветер был холодным и влажным. Капли пота, выступившие на ее коже, превратились в льдинки.

Она едва это заметила.

«Посмотри про Убийства Рыжих. Тогда ты увидишь».

Что это вообще должно означать? Вэл встряхнулась, и это движение превратилось в дрожь всего тела. Ее кожа была липкой, как мясо сырых устриц. Она вытерла руки о ночную рубашку, как будто прикоснулась к чему-то грязному.

Очевидно, Лиза имела в виду серию убийств. Убийства — во множественном числе, что означало не одно. А часть про рыжих — ну, это легко. Кто-то с рыжими волосами был замешан либо как убитый, либо как убийца.

С такими навыками дедукции, как эти, неудивительно, что она получила полную стипендию.

Как будто это помогает.

Но она не могла узнать больше, пока не проверит их, как сказала Лиза, и Вэл не желала доставлять ей такое удовольствие. Потому что знала Лизу, а Лиза не стала бы поднимать эту тему, если бы не считала, что Гэвин и, в меньшей степени, Вэл ответственны за них.

Интерес к этим убийствам практически означал бы признание вины.

«И я буду нести за это ответственность».

Она знала это как факт в глубине души. Это ее ответственность — убить его. Это так, как если бы он был животным, которое почувствовало вкус человеческой крови и нуждалось в том, чтобы его усмирили, а она была той, у кого в руках винтовка. Убить или быть убитой, и, потерпев неудачу, она выпустила на свет нечто ужасное.

Что-то, что она одна могла бы исправить.

«Но только если я посмотрю».

Какими детскими были эти размышления, как будто она ребенок, прячущийся от монстров под своей кроватью и говорящий: «Если я не могу их видеть, они не могут видеть меня». Она была немногим лучше страуса, зарывшегося головой в песок, слишком напуганного, чтобы даже сопротивляться.

«Я пыталась сопротивляться. Я проиграла».

Решимости Вэл хватило всего на два дня. Ее компьютер преследовал ее, как призрак, дразня. Каждый раз, когда она входила в систему, чтобы выполнить домашнюю работу, она чувствовала подергивание нейронных связей от мозга к пальцу, которые требовали — нет, вынуждали — ее выполнить поиск.

Мысли об этом грызли ее мозг все время, что она бодрствовала, такие же

изматывающие, как любая болезнь. Все, о чем она могла думать, — стоит ли ей смотреть. Она боялась того, что может увидеть, и боялась, что увиденное может быть хуже, чем есть на самом деле.

Не знать, конечно, было хуже, чем знать. Реальность не могла быть такой ужасной, как ее собственное разыгравшееся воображение. Вэл медленно сводила себя с ума рассуждая таким образом.

«Уж лучше безумие».

Во всяком случае, так она сказала себе, когда тащила ноутбук в постель. Это было ее логическим обоснованием. Звучало гораздо лучше, чем просто болезненное любопытство, которое само по себе было довольно убедительным фактором.

«Что я делаю? Я не должна этого делать».

Вэл ввела «Убийства рыжих» в текстовую строку и нажала «поиск», прежде чем смогла передумать. Потому что за долю секунды, потребовавшуюся для поиска, она пожалела, что не сделала этого. Но было уже слишком поздно.

Результаты заполнили экран. Новостные статьи, сообщения в блогах, интервью, твиты и видеотрансляции.

«О боже», — подумала Вэл, когда увидела фотографии жертв, смотревших на нее глазами того же оттенка зеленого, что и ее собственные. Она сглотнула и вернулась к статьям, не в силах больше смотреть на изображения.

Было зафиксировано по меньшей мере девять задокументированных случаев.

Все найденные девушки были мертвы, за исключением одной — Шейлы Кавано из Аризоны, которая подверглась сексуальному и физическому насилию, а затем была оставлена умирать в пустыне. Она умерла от осложнений, не связанных с ее травмами. Сильное обезвоживание. Она не смогла опознать нападавшего.

Самой младшей было четырнадцать лет. Самой старшей — двадцать четыре. Большинство из них были изнасилованы перед тем, как их убили. Некоторые из них были изуродованы. Это тоже было сделано перед смертью.

Судебные следователи полагали, что они были ранены ножом. Они не сказали, как и где, но она могла себе представить. О боже, она могла себе это представить. Изрезанные шахматные фигуры, которые Лиза и Блейк получили по почте, были заляпаны красной краской. Вэл уже видела, как он убивал раньше. Видела, как он делал предвкушающий вдох. Видел, как он получает удовольствие от мучительной боли других.

В конце концов, она была одной из них.

Убийства начались в декабре — всего через несколько месяцев после его игры — с шестнадцатилетней Анжелики Питерс. Ни одного в январе. Два в феврале, причем первый задокументированный случай изнасилования произошел 14 февраля. Какой-то репортер предположил, что у этого серийного убийцы извращенное чувство юмора, и Вэл подумала: «Болезненное, вы даже не представляете насколько».

Ее взгляд переместился на следующую ссылку. Никаких смертей в марте, апреле или мае. Затем три в июне. Одной из них была Шейла, которую оставили в жаркой аризонской пустыне на съедение стервятникам. Именно тогда, казалось, он начал помечать тела.

Ни одного в июле.

Еще три в августе. Калифорния. Орегон.

Вашингтон. Страх скрутил ее солнечное сплетение узлами, когда в голову пришла ужасная мысль. Она нажала кнопку «назад» браузера, посмотрела на местоположение

убийства Анджелики Питерс. Коннектикут злобно смотрел на нее в ответ. Западная Вирджиния. Северная Каролина. Огайо.

Он прокладывает себе путь на север. А затем, мгновение спустя, она поправила себя. Северо-запад.

До сих пор в сентябре не было убийств — если не считать Блейка. Никто, конечно, не стал бы, так как он не девушка и у него не было рыжих волос, но...

Что, если он притворялся серийным убийцей? Что, если это была какая-то отвлекающая тактика с высокими ставками?

Нет, в этом не было никакого смысла.

И тут Вэл вспомнила тот шкаф в его доме, обшитый панелями с хищными зверями, шахматными ходами, цветами — и ее фотографиями. Фотографии, испещренные десятками крошечных дырочек, где он бросал дротики в ее изображение. Убивая ее сотни раз в образе одним легким движением запястья.

«Убивает меня в образе», — прошептала Вэл, уставившись на экран. Может быть, именно это имела в виду Лиза, обвиняя ее в том, что она берет с собой других. Гэвин не мог ее найти, поэтому убивал молодых женщин, внешне похожих на нее. Давая себе временное чувство завершенности, одновременно посылая ей сообщение: «Когда я найду тебя, это то, что тебя ждет».

Потом она вспомнила загадочное сообщение Лизы: «Ты боишься?»

Вот только это сообщение отправила не Лиза, а Гэвин. Вэл знала это так же точно, как знала свое собственное имя.

Просто так, как будто последний кусочек головоломки встал на свое место, все обрело смысл. Он ожидал, что она поймет это раньше. Если у него и была слабость, так это предположение, что другие смогут следовать его собственной блестящей, запутанной логической цепочке. Он дразнил ее, издевался над ней.

Охотился на нее.

Желудок Вэл скрутило, и ей пришлось броситься в ванную, чтобы ее не вырвало на ковер.

«Он собирается меня убить».

Но как он мог? Он понятия не имел, где она. Вэл вцепилась в это, как в спасательный круг. «Он не знает, где я. И даже если бы знал, ее имя было другим». Она встретила свои собственные незнакомые глаза. Она была другой. Леопард не мог изменить свои пятна, но другие животные могли. Они могли изменить свои цвета, сделать себя тусклыми. Слиться с окружающей средой. Вэл прополоскала рот ополаскивателем, и когда ее дыхание вернулось к нормальному ритму, она провела поиск серийных убийц.

Многие из них были мотивированы сексуально или удовольствием. По какой-то причине убийство включало дофаминовый взрыв удовольствия, побуждая их убивать снова и снова. Их убийства носили циклический характер с периодами отдыха между плотными группами жертв. Было несколько имен, которые она узнала сразу, и от сравнений ее затошнило.

Она провела поиск по «Гэвину Мекоцци». Шахматные сайты, которые она помнила с первого курса, были перекрыты статьями, посвященными его участию в убийствах той ужасной ночи. Были также фотографии с судебного процесса. Ничего нового, кроме предположений о его исчезновении и предложений о вознаграждении за любую информацию о его местонахождении.

Она посмотрела на его фотографию в темном костюме с которой он смотрел изучающе и серьезно, и ее сердце сжалось, когда она увидела его красивое лицо.

Никто не связывал его с этими убийствами.

Да и как его связать? Он не оставил бы улики. Он был гроссмейстером в шахматах, привыкшим думать на несколько ходов вперед в каждой партии. Он принял бы во внимание все возможности, от самых больших до наименее вероятных, и планировал бы каждую соответственно.

Вэл снова посмотрела на его фотографию, ту самую, которая заставила ее плакать, когда ей было четырнадцать и она только что узнала, что значит, когда твое сердце разбито — не просто разбито, а использовано, избито и полностью уничтожено. Там было что-то...

Она вернулась к другой открытой вкладке со статьями о серийных убийцах. Да. Там тоже была фотография. Один из тех ужасных людей на суде. У него было такое же выражение лица. Это сходство заставило ее похолодеть. В лице серийного убийцы было своего рода податливое раскаяние, которое так же легко могло превратиться в веселье в другой форме света. Эти мертвые, бездушные глаза...

У Гэвина был самый пристальный взгляд. Большинство людей не могли слишком долго смотреть в глаза другому человеку, не чувствуя себя неловко, но его зрительный контакт всегда был непоколебимо продолжительным.

Зазвонил телефон. Вэл уставилась на него, как будто он превратился в скорпиона, готового ее ужалить. Она подумала, не перевести ли звонок на голосовую почту. Но что, если это было важно?

Что, если это Лиза?

Один взгляд на определитель номера сказал ей, что это не так, но она все равно сняла трубку, отвернув лицо, чтобы ее прерывистое дыхание не было слышно на линии.

— Д-да?

— Привет. Это Вэл?

На этот раз она забыла отвернуться.

— К-кто это?

— Это Джейд. Ну, помнишь, вечеринка... друг Мэри.

— Джейд? — Ее губы онемели. Она поняла, что сжимала их, чтобы не задохнуться в ожидании плохих новостей. — Ох. Ох, слава богу.

— Какая необычная реакция. — Его голос был легким. Обманчивым? Вэл не знала его достаточно хорошо, чтобы судить.

— Нет, я просто... эм, да, да, наверное, так и было. — Она заставила себя рассмеяться. Для ее собственных ушей смех прозвучал фальшиво. Может быть, он спишет это на связь. — Прости.

— Это круто. Так что в любом случае, я собирался спросить, не хочешь ли ты еще пойти выпить кофе. Может быть, завтра?

— Кофе. Завтра. — Вэл закрыла глаза и попыталась составить мысленный календарь. Он оказался пустым. В ее мире не было места для кофе. Все, что она могла видеть, были глаза этих молодых девушек. И убийцы. — Хорошо.

— Увидимся в шесть?

— Хорошо, — повторила она.

— Ты нормально себя чувствуешь? У тебя больной голос.

— Отлично. Я в порядке. Аллергия. Ну ты знаешь.

Откуда взялась вся эта ложь? Она никогда не умела хорошо лгать. Даже в детстве ей было легче признать свою вину и сказать правду.

«Это не я».

Страх преображал ее, перестраивал ее. Она превращалась в версию самой себя, которую больше не узнавала, и это пугало Вэл.

Она не думала, что Джейд купится на такое явно надуманное оправдание — она даже не шмыгала носом, — но он, должно быть, поверил, потому что сказал:

— Тогда увидимся завтра? В Студенческом союзе?

— Ага.

Вэл подождала, пока он повесит трубку. Она уставилась на телефон в своей руке. Детали их разговора начали становиться туманными всего через несколько секунд. Она чувствовала себя так, словно ее разум плыл, а конечности были свинцовыми грузами, удерживающими его на месте. Люди умирали. Люди умирали из-за нее. А у нее намечалось свидание.

Реальность выбрала этот момент, чтобы поразить ее со всей силой потерявшего управление грузовика. Она никогда не сможет жить нормальной жизнью. Прошлое настигнет ее, что бы она ни делала. И даже если бы прошлое не догнало ее, Гэвин сделал бы это. Разницы в принципе никакой.

(Я — ее будущее, а она просто — моя)

Вэл бросила телефон и зарыдала.

***

Студенческий кафетерий был небольшим, уютным местом с обшитыми панелями белыми стенами и пластиковыми столами. «Комфортно» — не то слово, которое Вэл использовала бы для описания своего нынешнего душевного состояния. Неловко, нервно, параноидально — да. Удобно? В меньшей степени.

Факты о серийных убийцах и мелочи всплывали в ее голове, периодически выскакивая на поверхность, как монстры из глубины. Их убийства часто основывались на фантазии и фетишизме, извращениях настолько ужасных, что ни один нормальный человек никогда не стал бы действовать так, не говоря уже о том, чтобы обладать ими.

Она не могла перестать задаваться вопросом, делал ли Гэвин что-нибудь из того, о чем она читала. Каннибализм. Некрофилия. Отвратительные поступки, которые были универсальны в том отвращении, которое они вызывали. Она видела, как он слизывал кровь, ее кровь, как будто это вызывало у него какое-то эротическое возбуждение. Вампиризм. Она вздрогнула.

Колледж должен был стать ее безопасным местом. Она покрасила волосы, сменила имя. Только родители знали ее адрес и номер телефона, хотя Лиза, вероятно, тоже знала последнее. Сейчас.

Бедный Блейк. Бедный, бедный Блейк.

Единственное преступление, которое он совершил — это выжил в той страшной игре.

Вэл выбрала свободный столик в дальнем конце кафетерия. Она старалась не заикливаться на автоматических дверях. Обрывки разговора доносились до нее, но она не могла разобрать ни одного слова. Приглушенные тона, отзвуки и интонации просто подпитывали ее истерику, имитируя голоса в ее собственной голове.

«Никто здесь не знает, кто ты такая».

Вместо того чтобы утешить Вэл, эта мысль заставила ее почувствовать себя потерянной, плывущей по течению в пугающем море злобных незнакомцев. Она взглянула на часы. Пять минут. Пять мучительно долгих минут.

Мэри вернулась домой, когда Вэл собиралась, и уговорила ее приодеться. Теперь Вэл чувствовала себя чопорной и чересчур разодетой. Как неловко, если он ее бросит. Все об этом узнают.

«Жалкая».

Слезы навернулись ей на глаза. Как будто всего остального было недостаточно, ей придется еще иметь дело с отказом. Она поморгала. Та маленькая гордость, которой она все еще обладала, приказывала не плакать. Только когда она останется одна, где никто не увидит, как она расстроена.

— Привет, ты пришла.

Вэл подняла голову.

Джейд держал в одной руке два готовых эспрессо, в другой — учебник. Его наряд казался более официальным, чем в общезитии. На нем была голубая рубашка того же цвета, что и его глаза, и джинсовая куртка. Из-под воротника рубашки выглядывало ожерелье из ракушек каури.

«Хорошо, что он принарядился, правда?»

Предполагается, что это для нее? Мэри бы знала. Мэри умела разбираться в подобных вещах. Она нет.

— Тебе нужна помощь с этим? — спросила Вэл по поводу предметов в его руке.

— Нет, я справлюсь. Раньше обслуживал столики у Денни. — Он поставил напитки и книгу на стол, не пролив ни капли. — Кстати, об ожидании, ты давно здесь?

— Я? Нет. Только что пришла. Ты сказал в шесть, верно?

— Да, я пришел рано. Мои часы спешат. — Он сел, бросив рюкзак на сиденье между ними. Потому что это удобно или в качестве барьера?

— О, — произнесла Вэл, которая не носила часов.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Аллергия. — Это было оправдание, которое она дала ему, не так ли? Она печально улыбнулась. — Хотя сейчас мне немного лучше.

— Это хорошо. — Он улыбнулся в ответ. — Я уже начал беспокоиться, что в конечном итоге сам выпью и то, и другое, пока не увидел эти часы. — Джейд кивнул на часы на стене. — Тогда я почувствовал себя полным придурком.

— Нет.

— О, да. Мне не хочется тебя огорчать, но я довольно странный, Вэл.

— Даже если так, все равно слишком много кофе.

— У меня был тест. Он сжигает много энергии.

Она в этом сомневалась. У Джейда не было темных кругов под глазами, как у большинства студентов колледжа. Она бы заметила — его светлый цвет лица не скрывал никаких недостатков. У Джейда казалось полно внутренней энергии. Совсем как у Мэри.

Боже, эти двое, наверное, были активистами в старшей школе. Вэл могла только представить. Но мысли о старшей школе заставили ее подумать о... других вещах.

Она сделала глоток кофе. Было слишком горячо, но хорошо. Совершенно не похоже на пойло, которое Мэри продолжала оставлять плесневеть в кружках на своем подоконнике.

Вэл улыбнулась. Она стала называть их «чашками Петри» Мэри, и вместо того, чтобы обидеться, Мэри от души расхохоталась.

Ее соседка по комнате была немного неряхой — они обе, на самом деле, — но она была доброй неряхой. Слишком добра, чтобы иметь такую негодную соседку по комнате.

— У тебя снова такое выражение лица.

Вэл слишком быстро поставила стакан с кофе. Немного молочно-коричневой жидкости выплеснулось за край.

— Какое выражение?

— Как будто ты за миллион миль отсюда и не прочь оказаться еще дальше, если бы могла.

Вэл сглотнула. Здесь он был совершенно прав. Она улыбнулась, как всегда, и сказала:

— Не миллион. Только восемьсот.

— Скучаешь по дому?

«Нет, меня тошнит от дома».

— Что-то в этом роде.

— Скучаешь по кому-то конкретному?

— Нет. — Слишком оборонительно.

— Никого?

Его глаза задержались на ней, пока она не опустила взгляд на свой стакан и не подумала, не сказала ли она слишком много. Горький вкус кофе прилип к ее языку с едкостью желчи, и она поймала себя на том, что судорожно сглатывает, чтобы подавить его.

О чем, черт возьми, она думала, говоря такие глупости? Была ли это какая-то ошибка по Фрейду? Признание собственной скрытой вины, пытающейся вырваться из ловушки подсознания, как муха, попавшая в паутину?

«Я бы хотела, чтобы он перестал так на меня смотреть. Как будто он видит меня насквозь».

Однако, если бы он мог, то сбежал бы в горы.

— Ты всегда такая задумчивая?

— Нет, да. Я не знаю. — Она посмотрела на свои руки, пока играла с крышкой от кофе.

Прошло еще несколько минут, прерываемых взрывами смеха, доносившимися с других столов. Периодически Джейд наклонял голову в том направлении, на его губах играла слабая улыбка, как будто он тоже хотел смеяться.

— Итак, эм, — она нащупала еще одно отверстие, — Маленькая птичка сказала мне, что твой папа преподает латынь?

— Что это за птичка?

— Птичка-Мэри, я думаю.

Это было невероятно неубедительно. Но он рассмеялся, благослови его господь.

— Она права.

— Ты хоть немного говоришь по-латыни? — В ту секунду, когда эти слова слетели с ее губ, она поняла, насколько глупым был этот вопрос. — Я имею в виду, помимо того, что ты сказал раньше. На знакомстве.

Джейд оперся руками о стол. «У него красивые руки, — поймала она себя на мысли. — Сильные».

— Что-то конкретное?

— Все, что угодно, мне все равно.

— Aliquid. Mea non refert.

— Что это значит?

— Все что угодно. Мне все равно.

Ей потребовалось мгновение, чтобы понять, но потом она услышала свой смех и прикрыла рот, внезапно почувствовав себя очень застенчивой.

— Это не то, что я имела в виду.

— Ладно, ты права. Хмм. Как насчет... — Он сделал паузу. — Pulcher es.

— И что это значит?

— Это значит: «Ты прекрасна».

Вэл уставилась на него. Легкий розоватый оттенок появился на его щеках и окрасил кончики ушей.

Блейк краснел так же.

Флуоресцентные лампы, окружающая болтовня, запахи смешанной еды и кофе — всего этого стало слишком много. Ей нужно бежать, бежать, бежать.

— Нет, я не такая. — Вэл покачала головой, отгораживаясь от него, от шума, от обстановки. — Я действительно не такая.

Ей нужно убираться отсюда.

К счастью, она была избавлена от мыслей о приемлемом оправдании. Ее телефон выбрал именно этот момент, чтобы зазвонить. На этот раз время решило в ее пользу. Затем она увидела, что номер на дисплее принадлежал Лизе.

— Это Вивальди?

Вэл уперлась костяшками пальцев в лоб, который начал пульсировать с каждой секундой. Она чувствовала, что Джейд смотрит на нее, и это ужасное выражение беспокойства снова появилось на его лице. Она поиграла с идеей не отвечать на телефонный звонок, а затем решила этого не делать. Лиза не переставала звонить, пока не получала ответа, и она не могла больше ни минуты сидеть в этом месте.

— Прости. — Вэл не сомневалась, что теперь он считает ее дурой. Это опечалило ее, и она удивилась этому. Удивилась, что такие маленькие раны все еще могут жалить. — Я должна ответить на звонок. Это своего рода чрезвычайная ситуация.

— Все в порядке?

Он выпрямился, как будто собирался встать и пойти с ней, как странствующий рыцарь, который думал, что сможет спасти девицу, попавшую в беду.

«Нет, не все в порядке, и ты не можешь меня спасти. Не от этого».

Вэл поспешно сказала:

— Возможно, я надеюсь на это. Просто семейное дело, с которым нужно разобраться. Я... мы сделаем это снова, хорошо? Как-нибудь в другой раз?

— Да, — тихо сказал он. — Как-нибудь в другой раз.

Тогда она повернулась к нему спиной, не желая видеть его лицо. Когда раздвижные стеклянные двери раздвинулись и вечерний ветерок пощекотал ее влажную, вспотевшую кожу, она сказала:

— Ладно, в чем дело, Лиза? Что теперь?

— О, я не Лиза, а что касается того, чего я хочу, ну, почему бы тебе не рискнуть предположить?

Вэл уронила телефон.

Он падал медленно, как во сне. Кошмарном сне. Она слышала, как его смех спиралью

поднимался из динамиков, как завитки дыма.

Дерьмо.

Она упала на колени, вздрогнув, когда влага пропитала ее джинсы, пока нащупала телефон. Если шел дождь, он обязательно был в Вашингтоне. То же самое относилось и к этому печальному беспорядку, который она называла жизнью.

На линии воцарилась тишина, когда она снова поднесла трубку к уху. Вэл даже не слышала его дыхания. Была ли сим-карта повреждена мокрой травой? Часть ее все еще цеплялась за надежду, что ей все привиделось: даже безумие было бы предпочтительнее... этого.

— Лиза? — Счетчик на экране ее телефона молча отсчитывал продолжительность звонка. — Лиза? Ты здесь?

— Это всего лишь я, Вэл, — его голос. О боже, это был его голос. — Побереги дыхание. У тебя так мало осталось.

Его слова и скрытый за ними подтекст потрясли ее до глубины души.

— Ч-что ты сделал с Лизой?

— Почти ничего. Не сравнится с тем, что я планирую сделать с тобой. — Он выдержал паузу, красноречивую паузу, чтобы дать ей осознать его слова. — Она была очень сговорчива, твоя Лиза, и к тому же особо не сопротивлялась.

— Ты убил ее. — Ее колени снова стали мокрыми. Вэл снова упала в пучок травы и клевера. Ей было все равно. — Ты ведь убил ее?

Он ничего не сказал.

— О боже, — глухо проговорила она, — и Блейк... и эти девушки... ты убил их. Ублюдок. Я звоню в полицию прямо сейчас. — Этого не может быть... он — он чудовище.

— Я бы не стал этого делать, Валериэн. Скажи мне, какая погода в Вашингтоне в это время года? Холодно?

«Он гадает. Он не может знать».

— Откуда я знаю.

— Жаль. Я хотел выяснить, следует ли мне брать с собой теплое пальто, когда отправлюсь к тебе. Но наверно лучше что-нибудь легкое. В чем легко передвигаться. Что-нибудь, на чем не будет видно крови.

Вэл попыталась заговорить и вместо этого издала слабый, кашляющий вздох. Это было хуже, намного хуже, чем она себе представляла. Потому что потребовался кто-то психически нездоровый, кто-то абсолютно и недвусмысленно бессердечный, чтобы вообразить что-то такое ужасное.

— Д-держись от меня подальше.

Он издал звук, который она не могла истолковать, или, по правде говоря, у него не было названия, но он пробрал ее до костей.

— Попробуй остановить меня, — сказал он тихим голосом, от которого все волосы на ее теле встали дыбом. — Ты скоро узнаешь, насколько я грозный охотник, моя дорогая.

Часть разума Вэл откололась, и при отрыве этой важнейшей части все сдерживаемые ужасы и страхи, которые она безуспешно пыталась держать взаперти после всех этих лет, хлынули наружу, затопив ее сознание, как прорванная плотина.

— Нет. Я обыграла тебя. Ты не можешь этого сделать. Я обыграла тебя.

— Не совсем. — Тихим голосом, который она едва могла расслышать из-за собственного бешеного сердцебиения, он добавил:

— Надеюсь, ты все еще помнишь, как бежать.

Он отключил связь прежде, чем она смогла ответить.

Глава 8

Рябчик

Она чувствовала себя так, словно попала в клетку, и решетчатые стены сдвигались, сжимались, удушающе плотно. Его присутствие было таким, подавляющим и наэлектризованным. Непреодолимым. Несомненно, именно так чувствовала себя муха перед тем, как ее испепеляла электромухобойка.

Вэл обхватила себя руками. Его голос, такой соблазнительный, даже когда он угрожал ее жизни. Намеренно морочит ей голову. Как он мог все еще оказывать на нее такое влияние даже сейчас?

Мэри заметила, что она дрожит, и в своей обычной манере спросила, не случилось ли чего.

— Я просто переживаю о... экзаменах.

— Тебе не стоит переживать. Ты умная.

«Не настолько я умна». Если бы она была умной, то не вляпалась бы в эту историю.

— Я уверена ты прекрасно справишься.

И с этими словами Мэри разразилась тирадой о своих собственных заданиях и экзаменах, в то время как Вэл сделала нерешительную попытку создать вид, что слушает, пока одевается.

(Побереги дыхание. У тебя его так мало осталось)

«Вашингтон — большой штат, — сказала она себе. — Здесь сотни городов.

Но сколько телефонных кодов? У него есть телефон Лизы. У него есть мой номер».

***

Она была на пути к своей аудитории, когда увидела его.

Это случилось так неожиданно, так внезапно, что Вэл, споткнулась и остановилась как вкопанная. Она не смогла бы пошевелиться, даже если бы захотела. Ее конечности полностью окаменели. Все, о чем она могла думать, было: как он так быстро нашел меня?

Он стоял перед кафетерием в Студенческом союзе, где она встречалась с Джейдом на прошлой неделе. Оглядывался по сторонам, одной рукой просовывая пальцы в петли ремня джинсов, а другой поигрывая металлической цепочкой на шее. Под черной кожаной курткой, блестящей в серебристом свете, как моторное масло, была темно-серая рубашка.

«Что-то, на чем не будет видно крови», — подумала Вэл. Он выглядел таким... другим.

О, но настоящая разница проявлялась в его лице, в его глазах. С его изможденными скулами, легкой щетиной, создающими резкий рельеф на угловатых чертах лица, он выглядел — она сглотнула — голодным.

Несколько девушек смотрели на него с любопытством, с явным интересом, и Вэл с болезненным чувством ужаса поняла, как именно он заставлял своих жертв приходиться к нему, потому что он применял ту же тактику на ней все эти годы с большим эффектом. Когда она была невинна. Когда она не знала ничего лучшего.

Он вел себя как европейский распутник с благородной южной пристойностью — и

обладал всей моралью бесчувственного психопата. Два первых маскировали последнее, как листья, прикрывающие ловушку. Ты не замечал стальных челюстей, пока они не вонзились в твою плоть, а к тому времени становилось уже слишком поздно бежать.

Вэл хотелось крикнуть им, чтобы они бежали, бежали, пока могли. Бежали, пока у них еще оставалась жизнь, за которую можно бороться. Он не притворяется опасным. Он на самом деле опасен.

Но с другой стороны, эта его необузданность казалась частью его привлекательности... по крайней мере, так было вначале. Пока она не поняла, как глубоко это уходит, мимо безрассудства, прямо в моральную пустоту.

Пока она не узнала, что он может убивать.

Пока она не узнала, что ему это может нравиться.

Она смотрела прямо перед собой — «не смотри, не смотри, не смотри», — пытаясь не обращать внимания на боль в груди. Вэл не осмеливалась дышать. Любое движение или звук могли привлечь его внимание. Он уже однажды мимоходом взглянул в ее сторону, сравнивая ее с пейзажем, и даже этот беглый взгляд заставил сердце замереть, потому что она помнила, что он искал именно ее.

Никогда в жизни она так остро не ощущала присутствие другого существа. Вдыхая свой ужас перед ним, как будто он был более сильным, чем сам воздух, Вэл чувствовала, что разум ей не принадлежит.

Почти на месте.

А затем...

Она споткнулась.

Ее книги упали с тяжелым хлопком, который отозвался эхом, как выстрел, в пустеющем дворе. Она не смогла бы привлечь его внимание к себе более эффективно, если бы попыталась. Эти серые глаза снова уставились на нее, и его губы слегка изогнулись в усмешке. Не из-за того, кем она была, а просто потому, что упала. Потому что она была слаба.

Вэл отвела глаза и попыталась поймать свои бумаги, прежде чем их унесет ветром. Никто не двинулся, чтобы помочь ей, хотя некоторые — те немногие, кто даже обратил на это внимание, — посмеялись вместе со своими друзьями.

Сквозь темную завесу своих волос она рискнула еще раз взглянуть на него. Гэвин все еще наблюдал за ней. Его взгляд стал задумчивым и слегка угрожающим.

Ее пульс бился, как открытая рана. Она прижала книги к груди и неуверенно поднялась на ноги, стараясь не раскачиваться слишком сильно. Вэл хотела убежать, но это вызвало бы реакцию погони. В конце концов, он был хищником, а она — добычей.

Вэл с трудом сглотнула и посмотрела вперед.

«Я невидима, — подумала она. — Не смотри на меня».

Она снова искоса взглянула на него. Ее мантра не сработала. «О, пожалуйста, нет».

Его рука шевельнулась, когда она проходила мимо него. Нет! Она не смогла подавить произвольную дрожь, уловив знакомый запах его лосьона после бритья. Сандаловое дерево и роза. Что он вытаскивал из своей куртки? Пистолет? Конечно, нет. Не в университетском городке, полном свидетелей. Нет — сотовый телефон. Она выдохнула, не смея надеяться. Просто сотовый телефон. Но тогда почему?..

Снова Вивальди. Вэл порылась в кармане пальто, почти онемев от облегчения из-за

того, что отвлеклась, а затем замерла, увидев идентификатор вызывающего абонента.

Медленно она подняла голову... и чуть не закричала, когда увидела выражение его лица, когда Гэвин с тихим торжеством помахал ей телефоном Лизы.

Этот взгляд заставил ее тело бежать еще до того, как она полностью осознала его тонкие угрозы и намеки. Только когда она полностью пришла в движение, Вэл поняла, что это был взгляд человека, который собирался убить без пощады или угрызений совести, взгляд того, кто будет наслаждаться убийством. Он не блефовал, он действительно собирался ее убить.

(Я надеюсь ты помнишь, как бежать)

Ей не нужно было оглядываться, чтобы понять, что он преследует ее. Она слышала его быстрые и тяжелые шаги, которые нарастали с пугающей скоростью.

Люди уставились на них. На этот раз ей было все равно.

***

Харпер-холл представлял собой двухэтажное здание, в котором размещались два лекционных зала, в основном используемые для лекций по естественным наукам, в дополнение к лабораториям экспериментальной психологии и нейробиологии, а также кабинетам профессоров и аспирантов этого факультета.

Окруженная тщательно ухоженным садом с живой изгородью из можжевельника, кипарисов и шелковицы, территория представляла собой лабиринт тени и зелени. Еще лучше то, что внутри можно было так же запутаться.

Вэл обогнула квадратную живую изгородь, направляясь к боковому входу. Она не была слишком хорошо знакома со зданиями, но из первых рук знала, что средний коридор соединялся перпендикулярно двум смежным залам в форме буквы «Н», что, как правило, вызывало у всех находящихся внутри легкое замешательство. «Надеюсь, он тоже будет плутать». Вэл стиснула зубы, набрала скорость и резко свернула за угол, сделав следующий резкий поворот, чтобы проскочить по коридору, в котором находились многочисленные кабинеты профессоров.

«Чтобы кто-нибудь услышал твой крик?»

Его голос насмехался над ней — настоящий или воображаемый? Она не оглянулась, не проверила, бежит ли он за ней. Если она не посмотрит, монстры не доберутся до нее, и она будет в безопасности. Но только если сначала она не позволит превратить себя в соляной столб.

В конце коридора находился лифт. Она проскользнула внутрь так резко, что ее кроссовки закрипели по мраморным плиткам. Вэл вздрогнула от этого звука и нажала кнопку второго этажа, глядя в конец коридора с колотящимся сердцем. Она чувствовала себя запыхавшейся. Прошли годы с тех пор, как она активно занималась бегом. Она сильно потеряла мышечный тонус и выносливость, которые делали ее такой хорошей в легкой атлетике в средней школе.

Когда двери начали закрываться, Гэвин завернул за угол. Он встретился с ней взглядом с другого конца коридора.

— Мне нужна всего одна минута, Вэл.

Ее пальцы крепче сжали книги, когда он легко направился к лифтам. «Закрывайся быстрее», — она подтолкнула двери.

— Вэл...

Двери двигались так медленно. Он собирался добраться до нее, и тогда датчики не закроются. Дерьмо. В отчаянии она швырнула ему в лицо самый тяжелый из своих учебников.

Глухой стук других ее книг, упавших на пол после того, как она их уронила, заставил ее вздрогнуть, поэтому, когда она швырнула в него учебник социологии, бросок оказался неудачным с самого начала. Если бы он был сильнее и точнее, книга легко могла бы сломать ему челюсть.

Гэвин отбил книгу предплечьем вместо того, чтобы остановить двери, как он намеревался, ударив по плоской поверхности локтем. Двери закрылись с сильным грохотом, который эхом разнесся вверх и вниз по узкому коридору.

Она снова могла дышать... но только на мгновение.

Вэл вылетела в коридор второго этажа. Бегущие шаги донесли его присутствие с лестницы в конце коридора. Вэл повернулась и направилась к пожарной лестнице. Двери не были заперты, и вели прямо наружу, на противоположную сторону здания.

У нее зазвонил телефон. Вэл подняла глаза, сосредоточившись на дверях над ее головой, когда нащупала телефон, чтобы выключить питание.

Двери на третьем этаже распахнулись — очевидно, он предположил, что она поднимется вверх, а не спустится, — и он ударил по балкону достаточно сильно, чтобы металлические перила задрезались в их рамах.

— Ты только оттягиваешь неизбежное. — Гэвин говорил достаточно громко, чтобы можно было разобрать слова. — Пойдем со мной сейчас. Давай поговорим. Прошло так много времени с тех пор, как я слышал звук твоего голоса. — Он подошел ближе к каменным ступеням. — На самом деле, почти год.

Она покачнулась раз, другой, заگیпногизированная, захваченная в плен этим голосом. Потом дернулась. «Нет».

Вэл возилась с дверью. Та открылась, окутав ее ослепительным светом. Задыхаясь, Вэл оглянулась через плечо. Он все еще стоял там, наблюдая, как она убегает. Гэвин провел пальцем по шее и послал ей воздушный поцелуй, все в одном красноречивом жесте.

Она поняла, что это была не угроза, а обещание.

(Ты боишься?)

Она мучилась вопросом, кто теперь умрет вместо нее. Ей было интересно, сколько времени пройдет, прежде чем она присоединится к ним.

***

Попытка замаскироваться означала, что даже она понимала, что была добычей — его добычей — прибегая к таким ухищрениям.

Он позаботился о том, чтобы она была в отчаянии, потому что люди бывают неосторожны, когда они в отчаянии. В данном случае он не возражал против того, чтобы ошибаться, потому что всегда ценил вызов и потому что ее коварство его забавляло.

Притвориться мертвой не удалось, поэтому возникла необходимость в новой линии обороны. Она изменила свои цвета, чтобы слиться с пейзажем. Это почти сработало.

Когда он увидел ту темноволосую девушку, стоявшую в стороне, она не сразу вызвала в воображении образ Вэл. Нет, даже когда она упала, или, когда он видел, как она карабкалась за своими бумажками. Он только подумал, как жаль, что у нее нет рыжих волос, ведь она так хорошо вписывалась в его желанный образ.

А потом она посмотрела на него, и он почувствовал, как этот взгляд знакомо сжал его пах, потому что в этом взгляде было что-то знающее: узнавание — и неприкрытый страх. Но что, если вообще что-нибудь, могла знать незнакомая девушка о нем или его привычках? Несмотря ни на что, он был заинтригован.

В конце концов, правила были созданы для того, чтобы их нарушать. Унылый маленький ворон, выделяющийся среди его яркой коллекции кардиналов.

Когда она проходила мимо него, он заметил, как она вздрогнула: крошечная дрожь, которую она изо всех сил пыталась подавить. Да, больше страха, но в этом было и что-то сексуальное, и он почувствовал, как его собственное тело начало отвечать тем же, потому что в этот момент он уловил ее запах на ветру. С ним он узнал бы ее где угодно, даже в темноте.

Это была она.

После всего этого времени она оказалась так близко.

Погоня за Вэл была чисто инстинктивной. Ему пришлось думать об этом не больше, чем ястребу, когда он пикировал вниз, чтобы поймать неосторожную полевую мышь.

Уже несколько недель пьянящая жажда крови наполняла его сны, пробуждая мощную потребность в насилии и мести в его венах, как будто разжигая огонь. Но теперь разгорался пожар иного рода, раскаленный добела и ослепляющий. Он не видел ничего, кроме фалд ее пальто, когда она бежала, хлопающего на мокром от дождя ветру, как крылья птицы в полете.

Мысль, когда она все-таки пришла, запятнала эту чистоту. Когда загнал ее в угол в лифте, он увидел бледный изгиб ее шеи, упругой, как кожура спелого плода. Вздымающуюся грудь в вырезе рубашки, ее длинные ноги, полные бедра и тугие ягодицы, образующие чувственный триумvirат. Его желание убивать угасло, выпустив взамен желание более земное, первобытное и все более сильное из-за этого.

«Но убить можно и позже», — подумал он. Даже самый могучий хищник иногда соизволяет поиграть со своей добычей.

Воспоминания об этой обнаженной покрасневшей коже вызвали призрачные ощущения, которые заставили его взглянуть на нее в новом свете. Ее тело больше не было невинным и юным, у нее появились новые изгибы и контуры, которые противоречили ее жилистой фигуре.

Она могла бы принадлежать ему, чтобы он мог покорять и исследовать, но это был бы не ее выбор. Она ясно дала это понять, когда ударила его тем осколком стекла, загнанная в угол, и всего несколько сантиметров отделили их от завершения.

Нет, ее придется связать и заставить подчиниться. Он заставит ее подчиниться, и, если она будет сопротивляться, это причинит боль.

Их союз стал бы насильственным, окрещенным кровью, потом и ненавистью, такой яростной, что она граничила со страстью. Вэл будет бороться с ним, он будет давать отпор сильнее, когда они потеряются в старейшей из битв, которые велись между мужчиной и женщиной.

Она поймала его взгляд и напряглась, и он знал, что она поняла, и этот мерцающий остаток силы внутри нее восстал при этой мысли. И он серьезно раздумывал взять ли ее прямо там, у стены этого лифта, или перерезать ее тонкое горло.

А потом она швырнула в него этой книгой, и он почувствовал, как еще одна волна ощущений захлестнула его кровь. Он пришел в это место в поисках быстрого убийства, но

понял, что вместо этого его ждет битва.

Те другие женщины тоже боролись с ним, когда он, наконец, ясно выражал свои намерения. Такая тщетная борьба, он получил всего несколько царапин. Ничего больше. Но Вэл удалось сбежать от него — и не один раз, а дважды. А теперь в третий раз. Он коснулся шрама на своем горле. Она, одна, оставила свой след. Она была неуловимой и осторожной дичью. Идеальная добыча для самых искушенных охотников.

Он с нетерпением ждал возможности ее догнать. На этот раз она не сбежит. Мечь и сладострастие в одном флаконе.

Нет, он не мог припомнить, чтобы когда-либо чувствовал себя таким живым.

Глава 9

Гладиолус

Проходили дни, потом недели, а Вэл не видела Гэвина больше ни разу. Вместо того чтобы найти в этом утешение, она поняла, что на самом деле это не имело значения. То, что она не могла видеть монстров, не означало, что их не существовало, что они не рыскали там, в поисках жертвы. В ее поисках.

Должно быть, так чувствовала себя мышь, зная, что на каждом шагу что-то где-то планирует ее гибель. Жизнь преследуемого. Страх и бдительность. Бдительность и страх. Неудивительно, что бедняжки бросались врассыпную, когда из ниоткуда налетал ужас в виде ястреба.

Она всегда по глупости воображала, что ее жизнь буквально остановится и резко оборвется, если она снова его встретит. Что это будет началом эпохи, такой же холодной и неприветливой, как ледниковый период. Что будут предупреждения.

Жизнь не остановилась. Жизнь продолжалась, как безжалостный прилив, увлекаая Вэл по течению против ее воли. Она не оставалась в постели, запирая все двери и окна и задергивая шторы, умирая от страха и боясь каждого шороха, как грызун, притворяющийся мертвым.

Она продолжала ходить на занятия, хотя ее мозг был неспособен усваивать информацию. Она продолжала встречаться с Джейдом, хотя ее сердце было не с ним. Она продолжала жить так, как будто все в порядке, и живая ткань росла и формировалась вокруг гангренозной язвы ее души.

Она была котом Шредингера, одновременно живой и мертвой.

В этот период Вэл получила первую «С», которую не получала со времен средней школы. Потом еще одну. Затем «Д». Низкие оценки огорчали, но она ничего не могла поделать. Страх затуманил ее разум. Она не могла учиться и с трудом концентрировалась. Если бы она еще старалась хорошо учиться, ее мозг просто бы закипел.

Когда Вэл не ходила на учебу, она спала. Иногда глубоко... так глубоко, что однажды, когда сработала пожарная сигнализация, Вэл даже не дернулась. Мэри тогда отчитала ее так сурово, что Вэл вышла из себя и крикнула ей, чтобы она заткнулась, — а иногда она просыпалась посреди ночи с широко раскрытыми глазами от бессонницы.

Когда не спала и не училась, что случалось нечасто, она встречалась с Джейдом, которого Мэри теперь считала парнем Вэл. Уже несколько недель они общались исключительно друг с другом.

— Он не мой парень, — сказала Вэл, когда Мэри впервые заговорила об этом. Она

сидела за компьютером, печатая эссе, которое нужно было сдать завтра. Ее реакция была близка к автоматической. — Мы просто друзья.

— Ты видела, как этот парень смотрит на тебя?

Нет, она этого не видела. Мир, в котором она жила, был односторонним зеркалом. Вэл была всего лишь пассивным наблюдателем, невидимым, незаметным, невидящим. Джейд для нее был статистом. Она не приписывала ему никаких реальных мыслей и эмоций.

— Вэл, — снова попыталась Мэри, ее голос звучал сурово, — Джейд хороший парень. Я не хочу видеть, как ему причинят боль. Если ты не чувствуешь к нему того же, если ты просто водишь его за нос, тебе нужно сказать ему об этом. Я видела слишком много хороших парней, которым пудрили мозги из-за того, что девушка не может забыть какого-то придурка.

— Я знаю, — сказала Вэл, потому что она действительно знала. Сколько раз она говорила себе одно и то же? Насколько проще была бы ее жизнь, если бы она встретила хорошего мальчика, милого мальчика, в которого бы изначально влюбилась? — Ты думаешь, я этого не знаю?

— Иногда мне кажется, нет, Вэл, и мне это ненавистно. Потому что я хочу уважать тебя. Но, девочка, иногда это очень трудно делать.

На ум пришли десятки возражений, но Вэл не смогла произнести ни одного. «Она права, — прошептал этот коварный голос. — Ты знаешь, что она права».

Высказав свои мысли, Мэри выскользнула за дверь, чтобы пойти поужинать со своими друзьями. Она не пригласила Вэл. Она даже не попрощалась.

Мэри никогда по-настоящему не злилась на нее раньше, даже когда Вэл однажды накричала на нее, но после того конкретного разговора чернокожая девушка была холодна с ней несколько дней. Вэл не могла чувствовать ни малейшего гнева или разочарования в ответ, потому что знала, что заслужила это, но и заставить себя переживать и за размолвки между ними, она не могла.

Все, о чем она могла думать, был страх.

Ей действительно было интересно, сказала ли Мэри что-нибудь Джейду. Вэл знала, что они иногда разговаривали и тусовались вдвоем без нее, но это никогда не беспокоило ее и не заставляло ревновать. Она не считала себя ревнивой и не могла понять девушек, которые пугались, когда видели, как их парни веселятся с другими девушками. Почему? Просто в этом не было ничего особенного. Она, конечно, не возражала.

Что ее действительно задевало, так это то, что люди предавали ее секреты за ее спиной, а затем оставляли ее в неведении. Как будто они считали себя более способными решить ее проблемы, чем она сама. И, возможно, Джейд и Мэри все-таки поговорили, потому что вскоре после того катастрофического разговора Джейд позвонил ей по телефону.

Вэл поначалу почувствовала раздражение. В этот день у них не было назначено свидание, и он разбудил ее после дневного сна. На этот раз ей не снились никакие кошмары. Вэл с досадой подумала, чего же он хочет. Она надеялась, что он звонит не для того, чтобы позвать ее куда-нибудь сегодня вечером. Не тогда, когда она так устала.

— Вэл? — Он казался нервным, что было непривычно. Неожиданный провал в доверии. Ее решимость смягчилась и угасла. Вэл узнала эту кротость, потому что та часто звучала в ее собственном голосе. — Как ты?

— Прекрасно. — Ложь сорвалась быстро. — А ты?

Он проигнорировал формальное продолжение, решив вместо этого сразу перейти к

делу.

— Я думал... Ну, о многих вещах. О наших отношениях.

Вэл замерла и попыталась заговорить, но не смогла. «Он бросает меня».

Облегчение, которое принесла эта мысль, испугало Вэл. Может быть, не испытывать ревности нормально, но радость от того, что тебя собираются бросить определенно нет.

«Никогда не думала, что могу быть такой холодной».

— Вэл? Ты еще здесь?

— Да, — проговорила она слабо.

— Видишь ли, я хотел бы поднять наши отношения на другой уровень, и я не совсем уверен, что тебе это понравится, — он сделал паузу, оценивая тишину. — Я бы предпочел обсудить это лично, наедине. Если ты не возражаешь.

— Хорошо, — сказала Вэл.

— Хорошо? — повторил он.

— Да, прекрасно.

«Лед должен дарить онемение, замораживать».

— Слушай, давай встретимся в Кloverридж-парке. Поговорим там. Мы могли бы даже устроить пикник — принести еду и все такое. Тебе нравится идея?

— Да.

«Мне слишком холодно».

— Часов в шесть вечера?

Но она все еще недостаточно замерзла. Вэл посмотрела на часы.

У нее оставалось чуть меньше двух часов на подготовку. Конечно, если предположить, что у нее нет других планов. Она так ничего и не смогла придумать потому что ее мысли превратились в ленивые, неосозаемые вихри, ускользающие в клочья пара в тот момент, когда они оказывались в ее руках.

— Да.

— Увидимся тогда.

— УГ-м.

Ее всегда было мало.

Она была неполноценной.

«Я — дымка».

***

Вэл принесла две банки содовой, которые стащила на собраниях в общежитии, и две банки пива, купленные в последнюю минуту в кафетерии Студенческого союза.

Кloverридж-парк находился прямо напротив здания Студенческого союза. Это была короткая прогулка, недостаточно долгая, чтобы обдумать все то, что она боялась, ей придется сказать.

Джейд уже был там. Он расстелил старое одеяло на влажной траве. Он выглядел так, словно недавно вылез из машины, весь в морщинах, комочках ворса и таинственных коричневых пятнах. Кофе? Кровь?

— Привет, — сказал он, глядя на нее снизу-вверх. — Ты добралась сюда нормально?

Она отвела взгляд от пятен.

— Да.

— Ты сегодня немногословна.

— Я устала. — Она плюхнулась и чуть не раздавила бутерброды в маленьком бумажном пакете. Она вспомнила о них как раз вовремя и предложила ему больший из двух. — Сэндвич?

Он некоторое время тупо смотрел на нее, прежде чем отодвинуться в сторону.

— Спасибо, что согласилась встретиться со мной так быстро.

Вспомнив свою прежнюю обиду, Вэл покраснела.

— Эм... да, конечно.

— Знаешь, я хотел поговорить о том, куда мы с тобой движемся как пара.

У нее внутри все сжалось.

— Э-э-э?

— Я очень... физически проявляю свою привязанность.

Это было правдой. Он всегда пытался взять ее за руку, поцеловать, прикоснуться к ней, когда она этого не ожидала. Эти прикосновения напоминали ей о Джеймсе, что заставляло ее подпрыгивать, а затем чувствовать себя виноватой за это.

— Мы встречаемся уже месяц, — говорил он, — я хотел бы иметь возможность, э-э, знаешь. Поцеловать тебя... и, может быть, даже больше... без того, чтобы ты всегда отшатывалась.

— Прости, — проговорила она автоматически.

— Не извиняйся. Это не твоя вина. Я просто хотел бы знать, почему — если ты можешь мне сказать — и из-за меня ли это, или я что-то делаю не так, или просто тебе не нравлюсь. — Слова вырвались внезапно, как будто он боялся, что не сможет их произнести, если не будет говорить достаточно быстро. — Что было бы хорошо, — добавил он после неловкой паузы. — Я просто... хотел бы знать.

— Ты мне нравишься, — сказала она, задаваясь вопросом, были ли эти слова правдой, даже когда они слетели с ее губ. Она говорила так много лжи, что сама уже и наполовину не знала правды.

— Тогда в чем дело? — он мягко настаивал. Почему люди настаивали на том, чтобы прокладывать свои разговоры с такими моральными ловушками?

— Джейд, я...

«Почему он так на меня смотрит?»

Она открыла банку с коллой и сделала глоток.

— Мне нужно тебе кое-что рассказать.

— Хорошо.

— Что-то... ужасное. Правда, действительно ужасное.

Он моргнул.

— Что это? Что случилось?

— Есть один человек, который... хочет меня убить.

Поддерживающая улыбка сползла с его лица, показывая недоверие и... ну, это было почти похоже на злость. На мгновение она была уверена, что он обсудил это с Мэри, что они вдвоем беспокоились о ней, как пара сплетничающих старых леди. Так же быстро эта уверенность исчезла, и защита вернулась, когда он сказал:

— Убить тебя?

— Да.

На ее глазах выступили слезы. Вэл нетерпеливо сморгнула их, зная, что они заставляют ее выглядеть слабой и манипулирующей.

— Это правда. Клянусь. Мое имя — мое имя на самом деле не Валери Кляйн. Мне пришлось его сменить.

— Что как в программе защиты свидетелей?

Вэл покачала головой.

— Нет, не по суду. Но мне пришлось его изменить. Он уже пытался убить меня раньше. Я должна была сбежать. Я не могла оставить никаких следов. Но теперь он снова нашел меня.

— Если это шутка...

— Это не шутка.

— ...то довольно паршивая...

— Это не шутка. — Теперь она почти кричала. Ей было все равно. — Он психопат. Блестящий, но безумный. И изворотливый. И садист. И безжалостный.

— Черт возьми. Даже если это правда... как, черт возьми, ты познакомилась с этим парнем? У тебя была стычка с мафией?

— Нет, боже, нет. Ничего подобного... Он кажется таким нормальным. Он гроссмейстер, и... художник, — добавила она через мгновение. Она не была уверена, почему. Такая подробность казалась излишней. Ненужной. Имело ли значение его хобби? — Он учился в моей средней школе.

— Черт. Я не могу в это поверить.

— Ты возможно возненавидишь меня сейчас.

— Что? — Он уставился на нее. — Нет... нет, я не ненавижу тебя. Но... Ну... как это случилось? Почему ты не обратилась в полицию?

— Это только сделало бы его более решительным.

Джейд, казалось, не понимал этого. Он покачал головой.

— Но это полиция. Как же они... Он должен быть сумасшедшим, чтобы продолжать...

— Вот именно. Он сумасшедший. Если бы я пошла в полицию, он воспринял бы это как вызов. Он думает не как нормальный человек, он думает не так, как ты.

— Очевидно, что нет.

— С ним все — игра. Что-то, что можно проиграть... или выиграть. Включая меня. Он пытался завоевать меня. И когда это не удалось, он попытался уничтожить меня. — Мельком взглянув на его лицо, она добавила. — Мне так жаль. — Она положила руку ему на плечо. — Пожалуйста... прости меня.

— Я не сержусь на тебя. — Он выглядел ошеломленным.

— Ну, а должен. Я ужасный человек. Я знаю, что меня следует запереть где-нибудь, где я не смогу причинить никакого вреда. Потому что людям вокруг меня всегда кажется, что они страдают. Но... я слишком эгоистична, чтобы быть одной.

— Это ужасная вещь, чтобы так говорить о себе.

— Это то, что люди думают.

— Никто так не думает.

Она отстранилась, прежде чем его пальцы успели коснуться ее руки.

— Думают. Они мне говорили. Я знаю. — «Они думают, что я должна покончить с собой, чтобы избавить их от страданий».

— Тебе нужно обратиться в полицию.

— Нет, Джейд. Ты не знаешь, на что он способен. Он обманул всех присяжных, заставив их думать, что он невинная жертва, а я сошла с ума. Они даже сняли с него все обвинения.

Он такой убедительный.

Она все еще плакала. Слезы превратили его лицо в сострадательное пятно.

Вэл злобно зажмурилась, втирая соль глубже, и вытерла влажные руки о джинсы. Она устала на желтый одуванчик, высунувший головку из клевера, и вздохнула.

— Я почти забыла, каково это — не бояться каждый день, все время.

Осторожно он снова протянул руку — на этот раз, чтобы коснуться ее лица. Вэл вздрогнула.

— Вэл, я бы не причинил тебе вреда. Я бы никогда не причинил вреда ни тебе, никому-либо другому. Но особенно тебе.

Она закрыла глаза, когда он провел пальцами по ее щеке, вытирая слезы.

Гэвин прикасался к ней вот так... но в его ласках чувствовалась какая-то собственническая атмосфера, которой не было в прикосновениях Джейда. Недостаток силы. Гэвин всегда давал ей смутное ощущение, что он скрывает что-то ужасное. Что-то, что может быть выпущено в любой момент. Джейду нечего было скрывать.

...Неужели он?

— Почему особенно меня?

— Потому что ты мне нравишься.

— Почему?

— Много причин.

Он обхватил рукой ее сзади за шею. Плечи Вэл инстинктивно напряглись, готовясь к резкой хватке на горле. Но Джейд не схватил ее. Он погладил ее по спине, нежно разминая узлы напряжения, которые скрутили ее позвоночник. И она почувствовала такое облегчение, такое замешательство, что разрыдалась.

Его рука замерла прямо под ее лифчиком, и он тихо спросил:

— Что он с тобой сделал? — Его прикосновения оставались нежными, но его голос мог бы ограничить алмаз.

Вэл зажмурилась и ничего не сказала.

— Пожалуйста. Поговори со мной. Я хочу помочь тебе. Я не смогу этого сделать, если ты отгораживаешься от меня. Я не хочу причинять тебе боль. Не хочу усугублять ситуацию.

Он был таким нежным. Так стремился угодить. Полная противоположность Гэвину.

— Почему ты так ко мне добр?

— Потому что... если то, что ты сказала, правда... тогда, это не твоя вина. Это ужасно. Кошмарно. Но это не твоя вина.

Вэл посмотрела на его красивое, встревоженное лицо и почувствовала, как на нее снизошло странное спокойствие, когда поняла, что у нее нет ни страхов, ни сомнений в том, что он сделает что-то сверх того, что она позволит.

Это знание ее собственной власти вызвало новые эмоции, пьянящие и странные по своей силе и интенсивности. Вэл наклонилась навстречу его прикосновению и поцеловала его.

Это был первый раз, когда они поцеловались.

Озадаченный, он поцеловал ее в ответ и легонько, как бабочка, поцеловал в лоб, прежде чем отстраниться.

— Давай отвезем тебя домой, — сказал он после паузы, — становится... что ты делаешь?

Она убрала руки с рубашки на его груди.

— Я подумала...

— Что? — Джейд рассмеялся. Это был вымученный смех. — Что ты подумала?

— Я думаю ты хочешь меня.

Он покраснел очень интересным алым оттенком.

— Конечно, хочу.

— Тогда что?

— Для начала? — Он огляделся. В это время вечера парк был по большей части пустой, но кое-кто еще оставался. — Кроме того факта, что кто-нибудь может увидеть? Ты плохо соображаешь, ты подвергалась насилию.

— Он не насиловал меня, — ее голос звучал неровно, уродливое слово застревало во рту.

Джейд поморщился.

— Это не то, о чем я говорил.

Ее начало раздражать, каким спокойным и умиротворяющим он был.

— Тогда я не понимаю.

— Есть более чем один способ причинить кому-то боль. Сексуально, физически... эмоционально.

Вэл стиснула зубы так, что они заболели до самых корней, и сказала:

— Я не ранена.

— Я бы чувствовал, что использую тебя в своих интересах.

— Что, если это то, чего я хочу?

Он неловко рассмеялся.

— Не ставь меня в такое положение. Я не из тех парней, которые носят презервативы в бумажнике. Ты мне нравишься. Я не хочу все испортить. Я действительно думал, что мы просто собираемся... мп-пф-xxx.

«Это то, что я хочу».

Слова слабо отозвались в ее теле.

«Это то, что я хочу».

«... Правда?»

Джейд поцеловала ее, нежно и сладко, явно с опытом. Джеймс всегда был неуклюжим — и у него никогда не будет шанса стать лучше, выкинул ее мозг, — а Гэвин, ну, он был кем-то совершенно другим, кем-то не подающимся никакой классификации.

«Не думай об этом. Не думай ни о чем из этого». Вэл позволила своим глазам закрыться, когда Джейд начал очерчивать рукой круги на ее бедре.

Он прервал поцелуй и серьезно посмотрел на нее, как раз в тот момент, когда она начала терять голову.

— Надеюсь, ты делаешь это, потому что хочешь, а не потому, что думаешь, что я этого хочу.

И снова она почувствовала вспышку раздражения.

Джейд слегка улыбнулся. Его глаза все еще были полны сомнения.

— Скажи мне, если захочешь, чтобы я остановился. — Он вытащил одну из пуговиц на ее рубашке из отверстия, проведя пальцами по краю, чтобы расстегнуть воротник. — В любое время. Пожалуйста.

— Я доверяю тебе.

— Это большая ответственность для любого мужчины.

Затем он улыбнулся настоящей улыбкой, которая сделала его вдвойне привлекательным, и наклонил голову, чтобы прикусить ее горло. Вэл запустила пальцы в его волосы и невидящим взглядом уставилась на звезды.

«Это то, что я хочу».

Она ахнула, когда его зубы царапнули ее кожу, выгибая спину, и, подумав, что причинил ей боль, Джейд прошептал:

— Прости, — и коснулся мягким, извиняющимся поцелуем того места, где укусил ее, прежде чем поцеловать в губы.

Потому что женщинам не полагалось испытывать удовольствие. Они должны чувствовать только безразличие или, если они достаточно невинны, боль. Сам акт занятий любовью, казалось, требовал холодной и стерильной хирургической точности: незначительная процедура, выполняемая без анестезии, потому что дискомфорт не стоил таких затрат.

Вэл внезапно почувствовала себя плохо и отстранилась.

Джейд расстегнул его собственную рубашку, чтобы лучше дышать, и она уставилась на пушистые рыжеватые завитки на его груди. Того же цвета, что и у нее, — или были когда-то. Он увидел, что она смотрит на него, и снова покраснел.

— Как говорится, — пробормотал он, — ковер подходит к портьерам.

От холода она задрожала, несмотря на пальто.

— Ты поддержишь мою руку?

— Ты такая милая. — Он переплел свои пальцы с ее. — Конечно, поддержу.

— Не так. — Она скользнула за его рукой, на мгновение прервав контакт, и обхватила его пальцы вокруг своего запястья. — Вот так.

На его лице появилось странное выражение.

— Тебе так удобно?

— Мм. — Она откинулась назад, Джейд лежал на ней сверху, и нежно поднял ее руки над головой, прижимая их к траве, когда он прижался к ней, длинные полосы теней заключили их обоих в клетку.

Одна из теней сделала внезапное резкое движение, и в лунном свете блеснула серебристая вспышка. Сок засочился из ствола молодого деревца, как кровь из свежей раны. Листья захрустели, затем зашуршали.

А затем парк снова погрузился в тишину.

***

Это была самая холодная ночь в году, и впереди еще много более холодных ночей.

Хотя стоял только конец октября, листья покрывала блестящая решетка щетинистого инея. Ее дыхание замерзшим шлейфом поднималось к огромной луне, когда она возвращалась в общежитие.

Встретившись с Джейдом, она почувствовала себя еще более опустошенной.

Вэл смотрела на календарь с самого их первого неловкого свидания. Считая дни, недели, гадая, когда же ее наконец заставят переспать с ним. Каждый проходящий день означал, что она на день приближалась к этому важному решению.

Ей нравился Джейд, она даже находила его привлекательным, но мысль о том, что он голый, в постели с ней, вызывала у нее смутное отвращение. Почти тошноту. Она поняла это, когда почувствовала, как его эрекция слегка вдавилась ей в живот, когда он ее поцеловал.

Холодный ветер шелестел листьями ближайших деревьев. Слева от нее был небольшой анклав, заполненный столами для пикника и ивами, изящно изогнутыми дугой. Справа — заросли можжевельника и кипариса, и отсюда она чувствовала сосновый запах, такой острый, что он обжигал.

Где-то позади нее хрустнула ветка.

Вэл застыла, как вкопанная, наклонив голову на звук. Она стояла у кипарисовой рощи, а в можжевельнике шуршали маленькие щебечущие существа.

Слишком малы, чтобы издавать такие звуки?

Она ускорила шаг, плотнее кутаясь в пальто. «До общежития оставалось совсем немного, — рассуждала Вэл, — и, следовательно, она, в относительной безопасности». Чуть дальше по улице находился полицейский участок кампуса, и несколько близлежащих аудитории все еще были освещены. Норт-Пойнт был очень безопасным кампусом. Все так говорили.

Но у всех статистических данных существовали погрешности.

Сначала она не обратила внимания на руку, почувствовав ее только как удар в живот, как будто врезалась в решетку ворот. К тому времени, когда Вэл поняла, что это было, ее развернуло, и один из грубых стволов тутового дерева впился ей в поясницу.

Лицо нападавшего было в тени, но она знала, кто это. Знала еще до того, как лезвие, сверкающее украденным звездным светом, оказалось у ее горла, знала до того, как услышала его голос, темный и глубокий, полный гнева, скрытого в насмешке.

— Куда-то собираешься?

— Н...

Он прижал ее к дереву плоской стороной лезвия.

— Это был риторический вопрос. Ты никуда не уйдешь. — Он провел тыльной стороной ладони по ее щеке, а затем, аккуратно повернув запястье, взял ее за подбородок, чтобы приподнять ее голову. — Ясно?

Вэл попыталась ударить его коленом. Но он навалился на нее всем своим весом, прижимая к сучковатому дереву, причиняя ей боль, и поцеловал ее там, укрытую в уединении теней.

Обжигающий и плотоядный, его полный страсти поцелуй оставил мятный привкус, который покалывал и жалил, как иней на листьях. Она боролась с ним, пытаясь закричать, и замерла, когда нож вонзился в ее кожу.

— Я предупреждал тебя не убегать.

Под таким углом она была вынуждена посмотреть ему в глаза. Ее обнаженное горло заставило Вэл осознать, как легко он мог убить ее здесь, когда свидетелем была только тьма.

— Ты должна была прийти ко мне добровольно, когда у тебя имелся шанс.

Ее легкие сжались и свернулись в груди, и она задалась вопросом, не могут ли они вырваться изо рта, как жуткий джек-попрыгунчик из коробки.

— Я не дура.

— Ты производишь прекрасное впечатление. — Он наклонил ее голову ножом, изучая что-то, что привлекло его внимание, и проговорил:

— Боже, боже, боже... что это у нас здесь? — Вэл уставилась на него, шевеля губами, когда его обтянутые кожей пальцы коснулись ее кожи.

— Кто он?

— Никто.

— И все же ты позволяешь ему помечать тебя. Это означает, что ты либо лгунья, либо шлюха. Что из этого, Вэл?

Она продолжала молчать.

Гэвин положил ей руку на талию, поглаживая дюйм обнаженной кожи между краем рубашки и поясом.

— Ты слишком неопытна, чтобы попытаться начать карьеру шлюхи, так что это должно быть первое, в чем ты ненамного лучше. — Он наклонился, словно собираясь поцеловать ее, но она отвернулась. — Скажи мне его имя.

— Он... никто. Он не имеет к этому никакого отношения.

— Я попросил ответа. Не оправданий.

— Пожалуйста. Не трогай его.

Его хватка на ней усилилась.

— Ты, — сказал он холодным властным голосом, — не смей ничего от меня требовать. — Он снова приблизил ее лицо к своему. — Имя, Вэл. Я больше не буду просить об этом.

Она отшатнулась от ножа.

— Джейд.

— Как... забавно.

Вэл отвела глаза.

— Чего ты хочешь?

— Забывчивая и непостоянная. И почему я не удивлен? — Он вытер руку о джинсы. Как будто прикоснулся к чему-то грязному. Вэл чувствовала его ярость, как будто это была осязаемая сила, покрытая льдом и горькая, как ветер. Он наклонился ближе, пока она не ощутила его горячее дыхание на своей замерзшей щеке, и произнес:

— Я говорил тебе год назад, в тот самый день, когда ты пыталась убить меня.

Последовала секунда потрясенной тишины, пока ее мозг производил вычисления. Затем она дернулась вперед. Однако он, казалось, ожидал именно такого ответа, потому что схватил ее за талию и сжал с такой силой, за мгновение как ее тело пошевелилось, а затем Вэл оказалась прижатой спиной вплотную к его груди.

— Я был недоволен тобой, — продолжил он, как будто не было никакой паузы, и это просто обычный разговор между двумя совершенно незнакомыми людьми, как будто он не приставлял нож к ее горлу, — на самом деле, можно сказать, что я был довольно сильно расстроен.

Вэл подумала, что его слова необычайное преуменьшение.

— Я думал, что покончил с этим делом. Что ж, возможно, это скрытое благословение. Мне и раньше приходилось иметь с тобой дело довольно поспешно, а судьба не часто дает нам второй шанс. Но какую форму должна принять моя месть, а? Есть так много вариантов. Я даже применил некоторые из них на практике, но это была бледная имитация того, чего я хотел: тебя. Твоих страданий. И вот ты в моих руках.

— Кто-нибудь спасет меня, — хрипло проговорила она.

— Сомневаюсь в этом. — Его смех заставил ее вздрогнуть. Вэл чувствовала его грохот у себя за спиной, как гром, предвещающий бурю. — Я не планирую улаживать дела здесь.

«Я — всего лишь «дело». Он низвел меня до вещи, до объекта». Для этого было название. Дегуманизация. Это был первый шаг, который человек совершает, когда психологически идет на убийство.

Она попробовала еще раз.

— Моя соседка по комнате ждет меня.

— Да, уверен, что ты приняла все меры предосторожности. По крайней мере, на сегодня. — Он сильно дернул ее за прядь волос, и она тихонько ахнула. — Но как насчет завтра?

— Я... я не понимаю, о чем ты.

Продолжая держать нож, он вложил что-то ей в руку. Вэл сжала пальцы вокруг предмета, который поддался в ее крепкой хватке.

Бумага.

Визитка.

— Что это?

— Читай.

Она с усилием опустила глаза, когда нож снова вонзился ей в горло. Вэл разглядела что-то похожее на номер комнаты в гостинице, напечатанный мелким шрифтом. Было указано и время.

Вэл сглотнула. Ее язык казался налитым свинцом.

— «Пеннироял». Это... — она облизнула губы, — это отель?

— Вообще-то, гостиница.

— Я... я никогда не слышала о ней.

— Конечно нет.

— Что...

— Пеннироял — болотная мята — означает «побег» на языке цветов. Викторианская трактовка, знаешь ли. Вполне уместно, подумал я. Предлагаю не убегать слишком далеко, чтобы я не почувствовал себя вынужденным последовать за тобой.

Его рука соскользнула с ее талии, и он отступил на шаг от нее.

— Нельзя заставлять соседку по комнате ждать.

— Ч-что ты собираешься делать?

— Одна или две вещи действительно приходят на ум.

Неожиданно он улыбнулся. Это была холодная улыбка, жесткая и всепрощающая, и все же почти непристойная.

— Я не советую идти за помощью. Ты мало что получишь с этой стороны и только разозлишь меня.

Он качнулся вперед, задумчиво наклонив голову.

— Некоторые из них были еще живы, когда я использовал это.

Гэвин поднял нож, чтобы она поняла. Поверх острого лезвия он рассматривал ее глазами, лишь немного более тусклыми по сравнению со сталью.

— Если ты все-таки обратишься в полицию, я могу использовать его против твоего маленького любовника. Думаю, я начну с его лица.

Вэл вздрогнула и, споткнувшись, прислонилась спиной к дереву.

— Ты психопат.

— Мм, да, изворотливый, и безжалостный и садист... ничего не забыл?

Она снова вздрогнула, услышав, как ее прежние слова обрушились на нее. Он был там.

— Ты не можешь оскорбить меня словами, моя дорогая, ты вообще не можешь зацепить меня. — Нож исчез обратно в кармане его куртки. Он начал уходить, остановившись только для того, чтобы оглянуться через плечо и сказать:

— Если ты все-таки придешь, приходи одна. Но, как я уже говорил, это всего лишь

предложение.

(Не заставляй меня причинять тебе боль.

Не заставляй меня причинять боль твоим друзьям.)

Он был не прав.

Это была угроза.

(Только если ты сделаешь это)

***

Джейд смотрел на экран своего компьютера.

Раздражающего друг его соседа по комнате казалось слишком много, и, по-видимому, он не мог понять намеков, потому что продолжал говорить Джейду на ухо о каком-то глупом чате, где он проводил все свое время, споря на форумах с другими прыщавыми очкариками вдвое моложе его.

Джейд закрыл глаза и пожалел, что не может сделать то же самое со своими ушами.

Где, черт возьми, Митч? Это его гость.

Глухой стук привлек внимание Джейда к двери. Он встал, благодарный за вежливый предлог, чтобы закончить этот монолог о мемах и их различном происхождении.

— Кто там?

Он нахмурился, когда ответа не последовало. Розыгрыш? Некоторые из других первокурсников были склонны немного похулиганить, но обычно они не могли сдержать своего пьяного хихиканья, и их топот был отчетливо слышен сквозь стену.

Джейд медленно открыл дверь, какой-то инстинкт заставил его держать защелку на замке. Коридор был пуст, если не считать маленькой коричневой коробки, стоявшей в дверном проеме. Коробка выглядела достаточно безобидно, но в ней была какая-то неправильность, которую он не мог понять, вызванная бесчисленными предупреждениями в автобусных терминалах и аэропортах о бесхозном багаже.

Не то чтобы он думал, что это бомба, но все же, что она там делала? Доставка почты и посылок осуществлялась студенческими службами на стойке регистрации. Они, конечно, не ходили от двери к двери. Так кто же ее оставил? И почему? Была ли это шутка или что-то более зловещее?

«Паранойя после 11 сентября, — подумал он. — Ты ведешь себя так, будто боишься коробки. Возьми себя в руки».

Бросив последний взгляд по обе стороны коридора, Джейд осторожно поднял коробку и закрыл за собой дверь. Он положил ее на свой стол, рядом с компьютером, наполовину законченное эссе все еще было на экране.

«Если это бомба, то это эссе будет последней из твоих проблем».

Друг Митча заглянул ему через плечо, когда он открывал коробку.

— Чувак, вот это мерзость.

Впервые за весь вечер Джейд полностью согласился с ним.

Внутри коробки был маленький пластиковый предмет, в котором Джейд в конце концов узнал шахматную фигуру. Слон, подумал он, так как фигура выглядела слишком высокой и детализированной, чтобы быть просто пешкой. Однако высота была резко уменьшена из-за того, что слон был расколот надвое.

Когда Джейд наклонил коробку, чтобы лучше рассмотреть, верхняя половина скатилась вниз, оставляя за собой следы краски. Вся коробка была забрызгана ею, в цвете,

подобранном так, чтобы походить на кровь.

— Кто-то ненавидит тебя, чувак, — сказал друг Митча. Джейд едва слышал его.

К крышке была приклеена записка. Он осторожно снял ее, не желая, чтобы краска попала ему на руки. Не тогда, когда она была еще влажной. Он был слишком напуган, чтобы смущаться из-за того, что проявил такую брезгливость. Краска просто слишком сильно походила на кровь, и во всей этой ситуации было что-то хреновое. Даже самый пьяный из членов братства не нашел бы эту мерзкую маленькую шутку забавной.

Он расправил бумагу на своем столе, надеясь, что она даст какую-то подсказку — какую-то причину — почему именно он, из всех — был выбран в качестве получателя. Так оно и оказалось. Блестящими чернилами того же цвета, что и краска в коробке, Джейд увидел эти наспех написанные слова:

«Держись, бл*ть, подальше от Валериэн Кимбл».

Глава 10

Тигровая лилия.

«Гостиница Пеннироял. Секвойя-авеню. 3 часа дня. Комната 217».

Эти слова были выжжены в ее зрительной коре. Вэл видела его паучьи письмена, даже когда закрывала глаза.

Мэри все еще была холодна с ней, хотя уже достаточно оттаяла, чтобы спросить:

— Куда ты идешь?

Вэл застыла. Это был тот самый момент. Момент, когда она может искупить свою вину, когда она может повернуть все вспять. А потом она подумала о Джеймсе, и Джейде, и обо всех этих молодых девушках, и слова застряли на языке.

— Повидаться с другом, — слабо сказала она.

Мэри не сказала: «Я не знала, что у тебя есть друзья», но слова повисли между ними невысказанными, как открытая тайна.

— Ну что ж, повеселись, тогда.

Вэл не была уверена, хочет ли она смеяться или кричать. Она промолчала и кивнула.

«Посмотри на себя — ты действительно его пешка».

Или возможно, его марионетка.

Она села в междугородний автобус, один из четырех, тот самый, на который она побежала по ошибке в свой самый первый день. Начался дождь, как это часто бывало в западном Вашингтоне, и каждая капля заставляла ее вздрагивать, когда они бились о стекло пулементными очередями.

— Секвойя-авеню — это то, что вы спрашивали, верно, мисс? — Водитель автобуса нелепо улыбнулся, или, может быть, ее воображение сделало его улыбку именно такой. (*У тебя все еще есть оно, не так ли?*) — Вот она.

«Да, — подумала она, — вот она — для меня».

Он указал на уличный знак, удобно расположенный возле старомодного здания, на котором плавным шрифтом было написано «Гостиница Пеннироял» на кремово-белом навесе, зловеще хлопающем на дождливом октябрьском ветру.

Ее сердце ухнуло вниз, как тяжелый якорь.

Само здание было достаточно безобидным. Покрытое белой краской с желтой отделкой,

выцветшей за годы изменчивой погоды, оно напоминало английский коттедж. Завершали образ желтые розы, растущие по обе стороны каменных ступеней, ведущих к дверям в стиле бутика. Матовые окна были покрыты витыми узорами, которые мешали разглядеть интерьер, но она подозревала, что внутри оно было не менее роскошным.

Вэл посмотрела на занавешенные окна на втором этаже, как открытые, так и закрытые, и не могла не задуматься, какое из них его.

Как странно переходить от сомнений к такой твердой уверенности. Но это определенно было похоже на то место, которое он бы выбрал. Одни только розы могли отринуть все сомнения. Она вспомнила, как Гэвин говорил ей, что желтые розы означают неверность и умирающую любовь. Здесь и сейчас, его слова казались, произнесенными в совершенно другой жизни.

Волна ужаса пробежала по ее спине и превратила ноги в вату. На мгновение показалось, что ее сейчас вырвет на гранитные ступени, или, возможно, все ее тело превратится в дрожащее месиво ужаса.

Внезапно его слова, все его слова, приобрели новый и зловещий смысл.

Те женщины, нет некоторые из них были юны — они не умерли быстро.

Часть из них была изнасилована сначала. А другие и вовсе изуродованы ножом.

(Люди найдут меня)

Он может убить ее.

(Я в этом сомневаюсь)

Он может сделать еще хуже.

Если она не придет, он порежет Джейда... изрежет его лицо, как будто он был фруктом.

По крайней мере, так он говорит.

Нет. В это она верила. Посмотрите, что он сделал с Лизой... с Блейком... с Джейсоном... со всеми теми невинными девочками, единственным преступлением которых было рождение с редким фенотипом.

«Я могла бы вернуться в автобус. Никто бы не узнал».

Вэл полуобернулась в сторону улицы только для того, чтобы увидеть, как автобус отъезжает от остановки и снова вливается в движение, сливаясь с поворотом на бульвар Пуансеттия. Она смотрела, как он исчезает из виду, и, не сверяясь с расписанием, знала, что следующий придет только через час.

Дождь продолжал идти.

Ей показалось, что она увидела, как одна из штор на втором этаже сдвинулась.

Как будто кто-то сверху наблюдал за ней, стоящей внизу, на тротуаре.

Чтобы быть уверенным, что она не сбежала.

Вэл сглотнула и запрыгала вверх по ступенькам, избегая упавших лепестков роз. Она открыла двери, и запах благовоний чуть не сбил ее с ног — пьянящий, темный и дико мужской: сладкий мускусный аромат был таким приторным, что Вэл едва могла дышать.

Кровь дракона. Она была густой и вязкой, когда горела, но в раздавленном виде имела отчетливый малиново-коричневый цвет, который выглядел устрашающе похожим на засохшую кровь. Вэл вспомнила, что где-то читала, что драконью кровь путали с киноварью, смертоносными кристаллами ртути, которые иногда образуются возле вулканических горячих источников. Она удивилась, почему эта мысль пришла ей в голову сейчас.

За огромным столом, похожим на полированное розовое дерево, но, вероятно, таковым не являвшимся, сидел пожилой администратор индийского происхождения. Он поднял

глаза, сверкнув очками, когда звонок над дверью возвестил о ее прибытии.

— Я могу вам помочь? — спросил он, оглядывая ее с ног до головы. В его резком тоне не было и следа акцента.

Вэл задумалась, как она выглядит для него — очень бледная девушка с растрепанными черными волосами, собранными в хвост, одетая по осенней прохладной погоде в джинсы и бушлат. Она похожа на гостью? Как будто ей нужна помощь? Она пребывала далеко за пределами всякой надежды на последнее.

— Я... нет. — Она направилась к лестнице.

— Вы одна из наших гостей? — Услужливость исчезла из его голоса. Теперь в нем слышалось подозрение. — Если нет, то, боюсь, я должен попросить вас уйти.

— Ч-что?

Она боялась, что не расслышала правильно... и еще больше боялась, что расслышала.

Вэл не ожидала отсрочки. Конечно, она не ожидала, что одна из них будет подана ей просто так, как будто на серебряном блюде.

Но мужчина продолжал:

— В вестибюле нельзя слоняться без дела, хотя вы можете вернуться, если решите снять номер. — Его голос дал понять, насколько отдаленной он считал такую возможность.

Надежда разлилась внутри нее, такая обильная, что, казалось, заставила ее грудь расширяться. Вэл чувствовала себя бодрой от этого. Она могла бы поцеловать сварливого мужчину, похожего на черепаху.

— Хорошо, — сказала она, задыхаясь от облегчения. — Я уйду. Простите.

— Я прослежу, чтобы вы это сделали.

Он выглядел таким же довольным, как и она, когда вернулся к своим бумагам. Как человек, который верил, что избежал того, что могло быть очень неприятной ситуацией.

Затем зазвонил телефон, нарушив тишину пронзительным звуком, и администратор бросил на нее последний испытующий взгляд, прежде чем ответить. Его голос был мягким бормотанием, приглушенным, встревоженным и подобострастным. Вэл не слышала, как они обменялись словами. Она смотрела только на свободу.

Она едва добралась до мраморных колонн, когда услышала звук шагов, стучащих по зеленой крапчатой плитке, и крик:

— Подождите!

Вэл обернулась, с удивлением увидев, что администратор гостиницы спешит за ней, слегка запыхавшись, и почувствовала первые приступы тревоги. Ей хотелось убежать. Быстро, оставив администратора бесплодно гоняться за ней.

«Но он оказался бы не единственным, кто преследовал бы меня».

— Извините, мисс, — проговорил администратор, снова проявив вежливость. — Мне ужасно жаль, но вас зовут Валериэн Кимбл?

Ее сердцебиение стало неровным, когда она услышала имя, на которое не отвечала месяцами, произнесенное вслух из уст незнакомца. Она сглотнула и прохрипела:

— Вэл.

Этого, по-видимому, оказалось достаточно.

— Я приношу свои извинения. Пожалуйста, идите прямо вверх. Вас ждут.

Ждут.

Это слово и его значение послали иглы страха, покалывающие ее кожу.

— Я не знал, что вы посетительница, — проговорил администратор, и что-то в том, как

он сказал «посетительница», и в том, как он посмотрел на нее, когда сказал это, заставило Вэл задуматься, что прошептал голос на другом конце линии. — Если бы вы могли просто расписаться в гостевой книге...

Вэл написала свое имя — свое старое имя — без обычного размаха и, как ни странно, почувствовала себя так, словно только что подписала смертный приговор.

— Я полагаю, что ваш джентльмен в номере двести семнадцать. Это на втором этаже. «Почему вы его так называете? В нем нет ничего нежного».

Gentle в переводе с англ. языка – нежный.

Потом она поняла, что означали эти слова. Он знал, что она здесь.

Он следил за ней.

Желание бежать стало сильнее, чем когда-либо. С усилием она подавила его. Гэвин ясно дал понять, что последствия бегства будут хуже, чем то, что он планировал на этот день.

Она снова замерла в коридоре, как испуганный кролик, разрывающийся между лестницей и лифтом. Ее ноги казались резиновыми, и она не была уверена, что сможет справиться с подъемом. С другой стороны, лифт будет быстрее, а она не торопилась добраться до места назначения.

В конце концов она поднялась на лифте. Когда он остановился, она споткнулась и неловко растянулась на винно-красном ковре коридора, оклеенного старыми обоями в стиле флер-де-лис.

Проходившая мимо горничная с любопытством посмотрела на нее, прищелкнула языком и продолжила толкать тележку с чистящими средствами. Вэл едва заметила это предостережение. Когда она приподнялась, в ее мозгу оставалось место только для одной мысли, и она пронзительно завизжала, как клаксон, заглушая все остальное:

«Не ходи, не ходи, не ходи, не ходи».

Двести семнадцатая выглядела не более зловещей, чем другие одинаковые двери, расположенные вдоль коридора. Из рамы не капала кровь ягненка, не было ни жуткого света, ни криков боли. На самом деле это было не что иное, как то, что казалось на первый взгляд: совершенно обычная дверь. И это, по мнению Вэл, делало ее ситуацию еще более ужасающей, потому что означало, что никто никогда не заподозрит что-то неладное — никто, кроме нее, то есть.

Именно так, как он хочет.

Вэл глубоко вздохнула, слегка покачнувшись и постучала в дверь.

Дверь со скрипом распахнулась, открыв комнату, оформленную в различных оттенках розового с акцентами вишневого дуба. Она вздрогнула, как кошка, от ржавых петель, но, когда никто не ответил, толкнула дверь шире. Сначала робко, а потом все смелее.

Неубранная кровать единственный признак того, что здесь кто-то есть. Не было ни одежды, небрежно брошенной на стульях или столах, ни обуви у двери, ни чемоданов, ни еды.

Никаких личных вещей.

Но затем за диваном — поскольку она постепенно переступила порог и вошла в комнату — ее взгляд упал на шахматный набор, тщательно установленный и готовый к игре на прикроватной тумбочке. Когда она открыла единственный ящик, внутри обнаружила библию и телефонную книгу.

Дрожащей рукой она закрыла ящик и уставилась на шахматный набор. Если раньше у

нее и были какие-то сомнения, то шахматный набор их развеял.

«Это его комната. Я стою в его комнате».

Однако одной из шахматных фигур не хватало. Она заглянула под тумбочку, задаваясь вопросом, не подошла ли слишком близко и случайно не сбила ли ее сама, но бледно-серый ковер легко показал бы одну из блестящих деревянных деталей.

Вэл повернулась, с тоской посмотрела на открытую дверь и оглядела остальную часть комнаты. Шкаф был открыт. На стальной перекладине висело несколько предметов одежды. Рубашки черного, белого и бордового цветов. Там было два костюма и несколько ремней и галстуков. Комод содержал похожую цветовую гамму, хотя, когда она поняла, что в одном из них находится нижнее белье, Вэл покраснела и прекратила поиск, пытаясь очистить голову от образов, которые непрошено пришли ей в голову.

Тот факт, что она все еще была способна думать о нем таким образом, шокировал и вызывал у нее отвращение почти так же сильно, как и его угрозы — за исключением того, что на этот раз все это отвращение и омерзение были направлены на себя.

Она не нашла ни книг, ни газет, хотя там лежал небольшой дневник в кожаном переплете, в котором записывались различные цифры и буквы. Да, она это помнила. Она видела точно такой же пять лет назад. Шахматная нотация. Вэл перевернула страницы, поражаясь огромному количеству игр. Он должен был играть по меньшей мере двадцать раз в день.

Может пятьдесят.

Но для этого потребуется полный комплект, так где же черная королева? Внезапно ей показалось необходимым, найти ее, эту недостающую часть. Почему, она не могла сказать.

Мусорная корзина была почти пуста. Там валялись огрызок яблока, пластиковый контейнер, в котором когда-то хранился одеколон с надписью по-французски, пара салфеток и несколько скомканных бумажек, которые оказались квитанциями.

Вэл снова оглядела комнату. Каждый ее шаг звучал слишком громко, и в гулкой тишине она отчетливо слышала стук собственного сердца, похожий на большой барабан литавр.

Каждый инстинкт в ее теле теперь говорил ей — нет, кричал — уйти. Сейчас. Пока она еще могла. О, и она отчаянно хотела этого, но ей придется подождать, потому что, если она хотя бы не попытается играть по правилам, он без колебаний накажет ее и людей, о которых Вэл заботилась больше всего.

Любая подсказка, которую она найдет, может помочь. По какой-то причине Гэвина, похоже, поблизости не было. Может быть, после всех этих лет она наконец получит доказательства, необходимые ей, чтобы уничтожить его раз и навсегда. Так же, как он уничтожил ее.

Единственное место, куда она не заглядывала, была ванная, осмотр которой занял бы меньше всего времени. А потом, после этого, она будет считать все это соглашение — или что бы это ни было — недействительным.

Гэвин не сможет обвинить ее в том, что она бросила ему вызов. Администратор поддержал бы ее.

«Верно, — насмеялся ее мозг. — С каких это пор он играет по своим собственным правилам?»

Он менял их, когда ему это было удобно. И разве Гэвин не позвонил, чтобы передать свои инструкции? Это должно означать, что он знал, что она здесь. Он или кто-то еще замешан в этом, в чем она сомневалась.

Но тогда, где он?

И где черная королева?

Дверь в ванную оказалась закрыта — она была закрыта раньше? — И когда Вэл открыла ее, первое, что она заметила, это пар. Было так жарко и влажно, что она чувствовала, как вьются ее волосы. Под краской у нее все еще были рыжие волосы того же цвета и консистенции, что и медная проволока.

Вэл сбросила бушлат и огляделась, обмахиваясь рукой. Ванная комната была оформлена так же, как и спальня — розовые полотенца и коврик для ванной, мыло цвета слоновой кости и коллекция шампуней и лосьонов в сверкающих тонах, предоставленных гостиницей. Все казалось безупречно, кроме зеркала. На запотевшем стекле кто-то написал слово «мат». И там, да, там, в мыльнице, лежала пропавшая черная королева.

Кто-то вбил гвоздь в то место, где находилось бы сердце, если бы оно было человеческим. Символизм этого не ускользнул от Вэл, и она получила дополнительный бонус, увидев свою реакцию в зеркале: широко раскрытые глаза, приоткрытые в немом ужасе губы.

Она громко ахнула, вцепившись в дверную ручку изо всех сил, когда пол под ней зашатался.

Он оставил королеву там. Он оставил ее там, чтобы я нашла. Он действительно хочет убить меня. Он не блефовал. О боже, я должна выбраться отсюда.

За ее спиной хлопнула дверь.

Вэл, спотыкаясь, вышла из ванной, поскользнувшись и проскользнув на все еще влажных полах, и столкнулась лицом к лицу с ним — Гэвином — гроссмейстером — человеком, который преследовал ее в ночных кошмарах почти пять лет и который теперь стоял здесь, во плоти, прислонившись к закрытой двери со скрещенными руками.

На нем была прежняя черная кожаная куртка поверх белой рубашки, половина пуговиц осталась расстегнутой. Его черные брюки выглядели свежеевыглаженными, со складками, такими острыми, что они казались смертельно опасными.

— Вэл.

Серебряная цепочка сверкнула на его обнаженной шее, издав мягкий звенящий звук, когда он наклонил голову так, что напомнил ей хищника.

— Не думал, что ты придешь.

Его слова разбили тишину, как множество выпущенных стрел. Вэл заметно вздрогнула при звуке его голоса. Гэвин оглядел ее с ног до головы, и его губы растянулись в улыбке, которая совсем не была дружелюбной.

— Видишь ли, я до конца не был уверен, что могу сделать, если снова тебя увижу. — Он сделал несколько быстрых шагов, не сводя глаз с ее лица, когда приблизился. — Но сейчас? Да, теперь я знаю, потому что ты помогла мне принять решение.

Вэл стало трудно дышать. Теперь он был всего в нескольких футах от нее. Если бы она захотела, то могла бы протянуть руку и коснуться его. Но она не желала этого. Время не сделало ничего, чтобы умерить его ярость. Она могла видеть пламенную напряженность, горящую в его светлых глазах так ясно, как если бы они были окнами в его извращенную душу.

Что-то изменилось.

И тогда она поняла. Что именно изменилось, она не знала. Но что бы это ни было, это заставило ее страх за свое собственное благополучие затмить страх за благополучие Джейда.

Ее крик слетел с губ, как испуганный мотылек, и закончился так же внезапно, как и начался. А потом ее ноги вспомнили, как работать, и Вэл сделала первую разумную вещь, с тех пор, как решила приехать в это ужасное место, — она побежала. Побежала, не оглядываясь, потому что звук его шагов сказал все, что ей нужно было знать.

Он был быстрым.

Она была быстрее, но лишь чудом. Вэл узнала это на собственном горьком опыте в Харпер-холле. Складка на ковре, один неверный шаг, и он ее поймает.

Она оббежала вокруг и перепрыгнула через мебель, чуть не споткнувшись в спешке, и сумела добраться до двери. Резко дернула ручку. Дверь не открывалась. Он запер замок.

Вэл развернулась как раз в тот момент, когда его руки ударились о стену по обе стороны от нее с таким грохотом, что ее тело дернулось.

— Я не закончил, — сказал он негромко, но интонация выдавала его злость.

Он взял ее за подбородок, наклоняя его ближе для осмотра. Вэл чувствовала его дыхание, быстрое и легкое от бега, шевелящее влажные волосы вокруг ее лица. Гэвин поворачивал ее лицо то в одну, то в другую сторону.

— Посмотри, как ты выросла.

— Пожалуйста, не делай мне больно.

Он наклонился так близко, что она смогла различить его запах — дикий и мускусный, с цветочным оттенком, который вызывал в воображении образы шипов, а не лепестков, — и когда его губы мимолетно коснулись ее губ, слишком быстро, чтобы быть поцелуем, она почувствовала, как внутри у нее все сжалось. Это не были действия человека, который прислушивался бы к голосу разума.

— Не нравится, когда тебя трогают, Вэл?

Он провел рукой по ее груди, один раз, насмешливо, прежде чем обхватить ее за шею и притянуть к себе для глубокого поцелуя, от которого ее голова откинулась к стене.

Гэвин сбросил весь свой налет цивилизованности. Вот что изменилось.

Он весь превратился в волка, больше не заботящегося о соблюдении приличий.

Она сглотнула, и его взгляд упал на ее горло, а затем хватка на ее шее исчезла, сменившись его ртом.

— Какая жалость. — Он провел языком по ее уху, просто чтобы увидеть, как она вздрогнула. — Я всегда задавался вопросом... какой бы ты была на вкус.

Ее взгляд метнулся к нему.

Он выгнул бровь, и, как у василиска, казалось, что его глаза могли убивать.

— Да, я всегда задавался вопросом... это, помимо всего прочего. — Он потянул ее за мочку уха, прежде чем спуститься к мягкой впадинке, где соединялись челюсть, горло и ухо. — Вещи, которые ты даже представить себе не можешь. — Он улыбнулся своей леденящей, невеселой улыбкой. — Но я думаю, что покажу тебе. Да, как насчет этого, Вэл? Ты готова к последней игре?

Она ударила его по лицу.

Сложно сказать кто выглядел более потрясенным.

Она не могла поверить в то, что сделала. Ее кулак, казалось, действовал сам по себе, и она уставилась на него с таким потрясением, как будто на ее руке внезапно выросли щупальца.

Что еще более шокирующе, от ее удара пошла кровь. Кровь Гэвина. Капелька зависла на его нижней губе, которая была разорвана зубами при соприкосновении. Она никогда не

думала, что он способен истекать кровью.

Очевидно, он мог.

Ярость безудержно вспыхнула на его лице, как молния, преследуемая другой эмоцией, которую Вэл не могла прочесть. Своего рода знание, такое же зловещее, как гром, предшествующий буре, хотя она даже не могла предположить, что он думал, что знает о ней.

Она снова ударила его, пытаясь проскочить мимо. Он схватил ее за запястья, почти выдернув ее руки из суставов, когда закинул их ей за голову.

Вэл никогда не думала, что можно захлебнуться воздухом, но теперь она поверила. О, да.

Рукой, которая не держала ее, он прикоснулся двумя пальцами к губе. Подушечки его пальцев были вымазаны красным, окрашивая завитки кожи. Он на мгновение уставился на кровь, затем посмотрел на нее прищуренными глазами. Вэл отпрянула, увидев, как напряглась его рука, думая, что он собирается ударить ее, и когда она ахнула, он размазал кровь со своих пальцев по ее губам.

Она чувствовала его вкус, его кровь. Вкус напомнил ей о старых, грязных монетах, которые она когда-то в детстве клала в рот. Медный, густой, грязный.

— Это было очень неразумно.

Его зубы сомкнулись на ее пульсирующей жилке. Она почувствовала, как его язык скользнул по ее коже, а затем он прикусил ее. Не настолько, чтобы разорвать, но достаточно, чтобы заставить извиваться. Достаточно, чтобы заставить задуматься, не было ли несколько капель крови, возможно, наименьшей из ее забот.

— Правила изменились.

Его слова прозвучали приглушенно, но она поняла их достаточно ясно.

— За неповиновение предусмотрены наказания. Раньше были другие, кто взял на себя вину за твою... — Он подул на ее влажную кожу и отстранился, чтобы рассмотреть ее. — Порывистость.

Она прислонилась спиной к стене.

— Нечего сказать? Никаких смелых слов? Нет... остроумного ответа? — Казалось, он только сейчас заметил, как побледнело ее лицо. — О, я понимаю. Я тебя пугаю?

Что за вопрос? Конечно он пугал ее.

— В чем дело, Валериэн? Ты думаешь, я не смогу заставить себя пометить твою прекрасную кожу? Я возьму свой нож, чтобы убить тебя, если решу. Я вырежу свое имя на твоей груди, чтобы каждый удар твоего сердца напоминал тебе, что ты моя... и только моя. Потому что кровь связывает, и потому что я предпочел бы видеть тебя уничтоженной, чем свободной или во владении другого, поэтому предлагаю не испытывать меня, или ты будешь страдать так, как не страдало ни одно земное существо. — Он ударил ее спиной о стену. — Или когда-нибудь будет. Но это предложение, и ты вольна пренебречь им на свой страх и риск. Но ты ответишь на мой вопрос.

Желчь, скопившаяся у нее в горле, мешала говорить.

— Какой вопрос? Я... не помню.

Он притянул ее лицо ближе шарфом.

— Я спросил, пугаю ли я тебя.

— Да, — проговорила она слабым голосом.

— Да, что?

— Да, ты пугаешь меня, — она вздрогнула. Он отпустил ее руки.

— Ч-что ты делаешь?

На его лице появилась эта улыбка. Та, что она научилась бояться, потому что это была улыбка, которой он одаривал Вэл сначала, когда пытался ее схватить, а затем снова, когда пытался убить.

Когда он разбил ей сердце, а потом и разум.

— Ты собираешься убить меня?

Он похлопал ее по подбородку.

— Беги.

На этот раз он преградил путь к двери.

«Всегда на пять шагов впереди», — подумала она, в прямом и переносном смысле.

Она направилась в ванную, в которой, как она помнила, был замок, и он бросился за ней, его шаги повторяли ее шаги, когда он преследовал ее. Его глаза были полны решимости.

Вэл нырнула за диван, пытаясь удержать его между ними, когда у нее перехватило дыхание.

— Устала?

Она закричала, когда почувствовала, как он ударил ее по руке.

— Не прикасайся ко мне! — прошипела она. Шипение, перешедшее в визг, когда он перепрыгнул через спинку дивана, заставив его опрокинуться с громким стуком.

— О нет, — сказал он, забавляясь, когда Вэл взглянула на дверь. — Это тебе не поможет.

Теперь он был ближе, его поза намеренно мешала.

Вэл сделала ложный выпад вправо — он двинулся влево, блокируя другой выход. Она огляделась с диким отчаянием, и заметила шахматную доску. Да. Она схватила ее и швырнула в него как раз в тот момент, когда он был почти рядом с ней. Вместо того, чтобы схватить ее, он прикрыл лицо предплечьем, и фигуры упали на пол со звуком, похожим на дождь, который все еще шел снаружи.

— Какой дикой ты стала.

Вэл подняла тумбочку, слегка кряхтя от ее веса, но он схватил ее за ножки, прежде чем она смогла швырнуть в него и это тоже.

Она сильно толкнула его, ударив ножками тумбочки ему в грудь и заставив сделать шаг назад. На его губах появилась неохотная улыбка, но она быстро исчезла.

Вэл крепче ухватила за деревянные края, когда он начал отбирать у нее тумбочку. Однако ее ладони были скользкими от пота и крови в тех местах, где острые края порезали ее, а он был довольно сильным. Она вонзила пятки в ковер, чтобы удержаться, все ее тело напряглось.

Гэвин в последний раз сильно дернул. Они оба отшатнулись друг от друга, и она потеряла равновесие и упала на ковер. У него осталась тумбочка, которую он отшвырнул к стене. Дерево расколосось. Она почувствовала, как от удара задрожал пол. В штукатурке появилась вмятина размером с обеденную тарелку, на которой были крошки белой краски и гипсокартона, осыпавшиеся на ковер, как сахарная пудра.

Она пнула ногой ковер, когда он целеустремленно зашагал туда, где она упала. Но, как в кошмарном сне, воздух был слишком густым, и она двигалась слишком медленно. Она начала ползти. Гэвин подхватил ее, одной рукой обняв за талию, а другой обхватив за ягодицы, и поднял с той же силой, с какой швырнул тумбочку.

Он тяжело дышал, от напряжения и чего-то еще. Что-то, что заставило ее удвоить

борьбу. Вэл отбивалась от него всеми конечностями и когтистыми пальцами.

Он бросил ее на кровать, и ее плечи подогнулись под его весом, когда он скользнул вперед, чтобы оседлать ее сзади. Ее лицо было зарыто в одеяло. Она не могла приподнять туловище, чтобы снять давление с груди. Она не могла дышать.

Он схватился за рубашку и потянул. Раздался рвущийся звук. Несколько пуговиц оторвались и закатились под кровать. Вэл ахнула, втянула воздух и ударила ногой. Она соприкоснулась с чем-то слишком твердым, чтобы быть матрасом, и слишком податливым, чтобы быть столбиком кровати. Его спина, подумала она. Она пинала его изо всех сил, вкладывая муть в каждый удар. Толстая кожаная куртка смягчила большую часть удара, но это тоже не могло быть приятно.

Гэвин соскользнул с нее, развернув так, что она упала, растянувшись, ему на колени. Ее фланелевая рубашка едва держалась на одной единственной пуговице.

Его губы прижались к ее губам, когда он расстегнул пуговицу, стянув чашечки ее лифчика. Достал из кожаной куртки веточку жасмина и подразнил ее соски звездообразными цветами.

— Жасмин, для желанья. — Он закрыл глаза и медленно выдохнул. — Какой ты прекрасный образец.

Образец. Что-то запертое в банке, где-то в шкафу или приколото для вскрытия.

Когда она почувствовала его руки на себе — вот так, заявляющие на нее права, как на кусок мяса, что-то внутри нее оборвалось. Вэл вцепилась пальцами в цепочку у него на шее и потянула — сильно. Его хватка на ней непроизвольно усилилась, когда он задохнулся от удушья. Да, она уже пробовала это раньше. Но на этот раз она не хотела причинять ему боль, она хотела его убить. Она сцепила пальцы в цепочке, не оставляя слабину. Металл жестоко впился в его кожу. Он начал сопротивляться.

Вэл оскалила зубы в беззвучном шипении, довольная, что может причинить ему такую боль. Радовало, что она вообще способна причинить ему боль. Но потом она поняла, что он не просто боролся; он катался взад и вперед, набирая скорость, и как только она поняла это, он набрал достаточно силы, чтобы подмять ее под себя.

С прерывистым вздохом он расстегнул защелку на цепочке и с тяжелым лязгом отбросил ее в сторону. Над красными отметинами, оставленными металлом цепочки символов бесконечности, бледнел розовый шрам, который она слишком хорошо помнила. Он провел по нему пальцами.

— Я получу твою кровь за то, что ты ударила меня.

Она вонзилась в него пальцами, скользнув рукой под его расстегнутую рубашку и прочертив дорожку царапин через его правое плечо до самого левого соска. Капли крови выступили из разорванной кожи. Он схватил ее за руку, а она другой попыталась попасть ему в глаза, и когда он закрыл лицо, она запустила пальцы в его спутанные волосы на груди и дернула так яростно, как только могла.

Он вырвал из себя ее когти и, сделав это, отпустил ее другое запястье. Она толкнула его в раненое плечо, и он выхватил ее руку из воздуха, прежде чем она смогла снова ударить его этой рукой. Давление было мучительным, и она жалобно вскрикнула, когда он довольно сильно укусил ее в плечо.

— Ты хочешь драться со мной? Это то, чего ты хочешь?

— Нет.

— Твое тело говорит мне об обратном. Опустит глаза. Обнажит свое горло. Покажи, что

ты понимаешь. Да, очень хорошо, — одобрительно сказал он, когда она повернула голову. Она отодвигалась только потому, что думала, что он намеревался поцеловать ее.

Вэл захныкала, когда он приблизил свою руку к ее лицу, но только для того, чтобы заправить еще один цветок за ухо.

— Тигровые лилии означают ненависть.

Он приподнялся, чтобы закончить расстегивать рубашку. Вэл поджала колени и ударила. Раздался громкий глухой стук. Вэл не потрудилась проверить, в сознании он или нет. Она вскочила с кровати и направилась к двери...

Только для того, чтобы быть сбитой с ног.

Во второй раз за этот день она ударилась об пол так сильно, что у нее затрещал череп. А затем ее шарф туго обмотался вокруг горла, заставляя ее отступить, чтобы ослабить давление, и когда она двинулась, чтобы осмотреть повреждения, Вэл обнаружила, что ее запястья тоже связаны, завязаны за спиной концами мягкой эластичной шерсти.

Он толкнул ее обратно на кровать, так что они оказались в том же положении, что и раньше.

С одним отличием.

— Должен ли я рассказать тебе, что сделал с другими девушками, Вэл? Как они кричали? Как они умоляли? Они задавали один и тот же вопрос — почему я это делаю? Но не ты. Ты знаешь очень хорошо почему.

Лезвие пахло цветами, было испачкано пылью и — она сглотнула — чем-то, что могло быть старой кровью.

Вэл издала тихий звук, когда ледяное лезвие ножа скользнуло по ее ребрам. От страха у нее отяжелел мочевой пузырь и закружилась голова. Она крепко зажмурилась. Да, она знала почему.

— Покончи с этим. Пожалуйста. Что бы ты ни собирался сделать... — Лезвие ножа прижалось к ее рту, заставляя замолчать. Но не поранило.

Еще нет.

— Такая идеальная мученица.

Она собралась с духом. Нож разрезал бретельки ее лифчика. Затем она услышала, как он со стуком упал на пол, когда Гэвин швырнул его через всю комнату.

— Но тогда мы чувствуем себя наиболее живыми, когда находимся ближе всего к смерти.

Он сбросил свою куртку, рассыпав пригоршню зеленых листьев по ее расprostертому телу.

— Базилик. Добавим еще немного ненависти.

Языком он обвел ее грудь, отодвигая в сторону один из листьев базилика, и ее сдавленный вздох вернул эти бледные, прикрытые веками глаза к ее лицу. Его рот сомкнулся вокруг соска, и глотание для Вэл стало невозможным, так как его язык сделал то, что раньше сделала веточка жасмина. Она уставилась в потолок, ее сердце колотилось в груди, как будто пыталось вырваться на свободу.

— Нет.

— Ты не согласна?

Он укусил.

— Или не веришь, что я могу... должен... убить тебя?

Она вздрогнула, ее мышцы напряглись, когда он проложил дорожку горячих липких

поцелуев по ее коже.

— Ох, Вэл.

Он укусил ее с упреком. Не так сильно, как раньше, но все равно было больно.

— Ты недооцениваешь меня.

Его язык обвел ее ареолу.

— Всегда.

Он подул струей прохладного воздуха на ее влажную кожу, отчего по ней побежали мурашки, а затем долгим движением, которое длилось от бедра до лодыжки, снял с нее джинсы и нижнее белье, раздвинув ее ноги своим коленом. Не отрывая взгляда, он приподнял бедра, чтобы стянуть свои брюки.

Под ними на нем ничего не было.

Вэл начала кричать. Он накрыл ее рот рукой... рукой, которой прикасался к себе, — и она почувствовала, как головка его члена потерлась о внутреннюю поверхность ее бедра, оставляя за собой влажный липкий след. Она вонзила зубы в мясистый узел кожи у основания его большого пальца и сердито извивалась, пытаясь освободиться. К своему ужасу, она почувствовала, как он дернулся и напрягся.

Гэвин скользнул пальцами между ними, чтобы поиграть с кусочком плоти, который скрутил ее разум и тело одновременно. Дискомфорт превратился в мучение, с удовольствием, вспыхнувшим по краям, как шипящее пламя.

Ее бедра дернулись, и его улыбка стала кривой.

— Желтые розы, — выдавил он. — За неверность.

Он откинул бедра назад, и Вэл поняла, что он намеревался сделать, только когда Гэвин врезался в нее, разрывая, и последовавшая за этим боль затопила ее бедра, образовав колыбель огня.

Она почувствовала урчание его удовлетворения, глубокое, до самого низа живота, и впиалась ногтями в ладони. Он дышал тяжелее, а зрачки его глаз расширились, отчего радужка стала черной.

— Кричи для меня, мой цветок.

Всхлипывая, задыхаясь так сильно, что едва могла говорить, она сказала ему то, что, по ее мнению, он хотел от нее. Она говорила ему, пока не охрипла.

Это ничего не изменило.

Это изменило все.

Глава 11

Гиацинт

Джейд постучал в дверь комнаты Вэл в общежитие. Его облегчение, когда она открылась, было ощутимым, хотя лицо вытянулось, когда он понял, что девушкой в прихожей была Мэри.

— Джейд! Привет! Давно не виделись. Как ты... — она увидела выражение его лица и запнулась, — поживаешь. Что-то не так?

— Вэл с тобой?

— Нет. Она сказала, что собирается навестить друга. Я подумала, что она имела в виду тебя. — Понимание осенило, и ее глаза сузились. — Она дала тебе отставку? Нам с ней

нужно поговорить?

— Нет, ничего подобного. — Джейд глубоко вздохнул. — Черт. Эм, могу я войти? Пожалуйста?

Гнев исчез с лица Мэри, оставив только замешательство.

— Конечно, но... в комнате беспорядок. Что случилось?

— Мне нужно кое о чем с тобой поговорить. Внутри. — Джейд оглядел обе стороны коридора. — В общем, я думаю, что Вэл в беде.

— О каких неприятностях мы здесь говорим? Типа, проблемы с законом? Потому что я не хочу в этом участвовать. — Она улыбнулась. Это была жесткая улыбка, горькая и измученная. — По очевидным причинам, — добавила она.

Джейд покраснел.

— Нет. Но... это плохо.

Мэри позволила двери распахнуться немного шире, только тогда заметив, что Джейд держал коробку из-под обуви под мышкой.

— Что в этой коробке?

— Я тебе покажу. Закрой дверь.

— О, черт возьми, нет. — Она захлопнула дверь. — Ты ведь не принес сюда наркотики или что-то в этом роде?

— Нет.

— Жук? Там нет ничего живого?

— Нет, ничего подобного. — Джейд сделал паузу и зловеще сказал. — Я бы предпочел, чтобы это был жук.

— Господи. — Мэри перекрестилась. — Я этого не вынесу. У меня разыгралось воображение. Открой эту чертову шгуку.

Джейд сдвинул крышку и наклонил коробку, чтобы Мэри могла заглянуть внутрь. Она отшатнулась с криком.

— Это кровь?

— Краска.

— Ты уверен?

— Да. Понюхай.

Мэри сделала еще один шаг назад.

— Э-э-э. Я так не думаю.

Джейд полез в коробку, не обращая внимания на красные хлопья краски, которые покрывали его руки, как язвы. Он показал ей изуродованную шахматную фигуру.

— Я думаю... думаю, что это должен быть я.

— Это отвратительно. Так, так мерзко. — Она покачала головой. Ее кожа потеряла несколько оттенков цвета. — Ты позвонил в полицию?

— Еще нет. Я хотел сначала зайти к вам. Надеялся поговорить с Вэл... Посмотри.

Она прочитала карточку, которую он протянул.

— Валериэн Кимбл. — Она нахмурилась. — Кто это?

— Наша Вэл, я думаю.

— Нет. Нашу Вэл зовут Валери Кляйн... хотя имена действительно звучат похоже, скажу я тебе.

— Я не думаю, что это ее настоящее имя, — быстро пересказал он детали своего предыдущего разговора с Вэл. Когда он закончил, Мэри твердо сказала. — Тебе нужно

позвонить в полицию. Сейчас же.

— И что им сказать? Что кто-то оставил мне большую страшную коробку? Может быть, когда они закончат смеяться надо мной в участке, они начнут испытывать сочувствие.

— Они не будут смеяться — это угроза. И Вэл пропала.

— Это университетский городок. Люди, которые «пропали без вести», обычно занимаются сексом или засиживаются в круглосуточном учебном классе, готовясь к экзаменам. Они не воспримут это всерьез, если только она не пропадет на какое-то время, по крайней мере, несколько дней, и они скажут, что это какая-то шутка братства. — Он поднял коробку. — Гребаная Неделя набора новичков. У вас здесь есть интернет?

— Да.

— Могу я воспользоваться твоим компьютером?

Она разрешающе махнула на свой открытый ноутбук.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь погуглить. Валериэн — необычное имя. Мы должны легко получить совпадение.

Несмотря на свои заверения, он не ожидал многого. Честно говоря, хотя это всегда срабатывало на телевидении, реальная жизнь была гораздо более неорганизованной и расплывчатой. Он был удивлен, когда первый результат поиска совпал с местной газетой под названием «Дерринджер трибюн». Он был еще больше удивлен, когда увидел заголовок: «ДЕВОЧКА-ПОДРОСТОК НАЙДЕНА БРОШЕННОЙ УМИРАТЬ В ДОМЕ УЖАСОВ».

— Умирать? — Мэри читала через его плечо. — Черт возьми.

— Помолчи секунду.

Джейд пробежал глазами статью. Он чувствовал, как его желудок сжимается с каждым словом. Игнорируя вопросы Мэри, хотя даже не регистрировал их, он отыскал еще несколько статей. Некоторые были из более крупных газет, и, просмотрев около трех из них, он смог собрать всю историю целиком.

Валериэн Кимбл (17 лет) присутствовала на том, что она считала тематической вечеринкой, вместе со своими тремя друзьями, включая тогдашнего бойфренда Джеймса Льюиса (17 лет). Хозяином был мужчина по имени Гэвин Мекоцци (21 год), шахматист мирового класса, которому, согласно статье, уже предъявляли обвинение, а затем оправдали за попытку сексуального насилия — Вэл, в возрасте четырнадцати лет.

Четырнадцать. Еще ребенок.

Вечеринка была предлогом для отвратительного плана мести. Гостей вечеринки поощряли убивать друг друга под угрозой более неминуемой смерти от рук их так называемого хозяина. Среди погибших были Шарлин Бенвенист (18 лет), Джейсон Маклеод (18 лет) и Джеймс Льюис.

Лиза Джеффрис (18 лет) и Блейк Доусон (17 лет) смогли сбежать и предупредить полицию незадолго до того, как Гэвин сжег это место дотла. Сразу же после этого Блейк был госпитализирован с ножевым ранением, которое перешло в сепсис. Brent Бэйлор (17 лет), обвиняемый в убийстве Джеймса Льюиса, был схвачен во время побега с места происшествия и в настоящее время ожидает суда за убийство второй степени.

Валериэн выловили со дна бассейна, как будто она была мусором, синяки на шее, легкие наполнены водой. По словам Нэнси Рамирес, фельдшера, которая ее реанимировала, местные службы едва успели добраться до нее вовремя. Она была госпитализирована со сломанным ребром, переохлаждением и другими осложнениями, которые не были подробно

описаны, но почти наверняка носили психологический характер.

Она была так молода... что может сделать подобная травма с впечатлительным умом?

(Он не насиловал меня)

Было ли это правдой? Имело ли это значение?

(Просто я слишком эгоистична, чтобы быть одной)

Этот ублюдок пытался убить ее и всех ее друзей. Если он способен это сделать, он мог сотворить все, что угодно. *(Я ужасный человек)*

Печаль, написанная на ее лице, могла бы заполнить целые тома.

(Я думала, ты хочешь меня)

Его член дернулся при этом воспоминании.

(Не так — вот так)

Как могла одна девушка — один человек — пройти через такое и все еще жить?

— Валериэн исчезла из общества, — прочитал он вслух, переставляя ноги, — из-за беспокойства о ее личной безопасности.

— О боже, — голос Мэри испугал его. Джейд забыл, что она была там. Она указывала на фотографию, старую школьную фотографию. У девушки на экране были рыжие волосы вместо черных, зеленые глаза вместо голубых, но на ее лице было то же самое затравленное выражение.

(На самом деле меня зовут не Валери Кляйн)

— Это она. — Джейд потянулся к изображению, желая, чтобы оно было настоящим. Он опустил пальцы, и рука сжалась в кулак, он ударил по бедру. — Это действительно она... вот черт.

***

Она проснулась в серебристо-голубом предрассветном свете в одиночестве.

На мгновение ей показалось, что это... все... было просто ужасным сном. Чудесный, ужасный сон, который она однажды сможет забыть. Возможно, она даже смогла бы убедить себя, что этого не произошло, как она забыла многое другое в эти дни, но затем ее взгляд упал на простыни разных оттенков розового, теперь испещренные странными коричневыми пятнами.

Пятна крови.

Ее кровь.

А потом она поняла, что голая, ее одежда валялась на полу как лохмотья. То, что осталось от ее одежды. Это была вторая худшая вещь в мире. Первой стала ее попытка пошевелиться, которая ускорила боль от жестокого обращения с ней. Воспоминания Вэл о прошлой ночи накатывали волной, которая несла безумие и вызывала желание закричать.

Вэл не совсем понимала, как она смогла заснуть, хотя, должно быть, ей это все-таки удалось, потому что часы на прикроватной тумбочке показывали 4:55 утра. Она помнила, как он рухнул, обняв ее за талию с непринужденным собственническим чувством. Через несколько минут она попыталась выскользнуть из-под него, потому что думала, что Гэвин уснул, но оказалась в ловушке. Он холодно сказал:

— Не помню, чтобы говорил, что ты можешь уйти.

Затем он убедился, что она не сможет.

После того, как он закончил — на этот раз быстрее, так как ее крики от боли, казалось, подтолкнули его к кульминации, — она лежала там, немая и парализованная страхом, в то время как он ласкал ее дрожащее, не реагирующее тело и шептал ужасные вещи ей на ухо.

Гэвин рассказал ей тем мягким соблазнительным голосом, который обычно приберегают для сладких пустяков, что именно он сделал с каждой из этих девушек.

Она плакала. Мысль об их семьях, озадаченных и осиротевших, разбила ей сердце, и она заплакала. Ведь только она знала, почему они были убиты — она и Гэвин, оба. Она плакала, потому что знала, что горе этих семей перерастет в ненависть, потому что они тоже будут винить ее, как и все остальные. Как делал сам Гэвин после каждого ужасного воспоминания, глядя ее по волосам и слизывая соленые слезы с ее лица.

«Как ты смеешь убежать от меня? Неужели ты думала, что я позволю тебе уйти? Я позволил тебе убежать так далеко, чтобы ты почувствовала себя в безопасности, а потом стал охотиться за тобой. Ты моя. Твое сердце принадлежит мне. Твое тело принадлежит мне. Твоя плоть и твоя кровь — все мое. Ты мой трофей, Вэл, и я буду иметь тебя так, как сочту нужным».

А потом он рассмеялся.

До Гэвина она никогда не видела обнаженного мужского тела. Она никогда не понимала, насколько подавляющей может быть мужская форма. Насколько мужской член похож на оружие. Женская фигура, по сравнению с ним, была ничем иным, как открытой раной, легко ранимой, если за ней тщательно не ухаживать.

Тигровая лилия, теперь обмякшая, прижималась к ее щеке. Листья базилика оказались прилеплены к телу, а несколько звездообразных цветов жасмина разбросаны по груди. Теперь там еще были розы. Желтые. Должно быть, он украл их из палисадника. Капли росы все еще покрывали их бархатные лепестки.

Желтые розы, за неверность — и за умирающую любовь. Мучительная любовь. Любовь стала злой, злобной и жестокой.

Вэл начала садиться. Болезненные ощущения заставили ее всхлипнуть, и она зажала рот рукой, прежде чем звук смог вырваться, потому что теперь, в темноте, увидела, что Гэвин встал и сидит за шахматной доской, которую поставил на сломанную тумбочку и приготовил для игры.

Вэл прижала простыню к груди, когда он молча поднялся, прихватив с собой шахматный журнал. Неужели он добавил ее имя в эти длинные списки побед и поражений? Без сомнения, и ясно под какой колонкой она оказалась. Он поймал ее взгляд и закрыл журнал с приглушенным стуком, который заставил ее взглянуть ему в лицо.

— Ты всегда так боролась в шахматах, — проговорил он, — интересно, это они подарили тебе вкус к сражению?

— Ненавижу шахматы.

Ей пришлось заставить себя оставаться неподвижной, когда он приблизился. Он наклонился, чтобы поцеловать ее, слегка проводя ногтями по ее обнаженной спине. Она чувствовала винный вкус на его языке — это был портвейн, и металлический привкус танинов, который так сильно напоминал ей кровь, вызывая тошноту.

— Я не имел в виду саму игру.

Вэл резко вдохнула и увидела, как его глаза потемнели, а зрачки расширились, поглощая радужку.

— Я хочу уйти.

— Ты хочешь сопротивляться мне. Почувствуй потребность в этом, на самом деле, потому что, пока ты сопротивляешься, ты невинна. Безупречна. Заблудившийся маленький ягненок на заклание.

— Я серьезно. Ты не можешь держать меня здесь. Ты не можешь... — Она замолчала, задыхаясь, когда он заполз на кровать.

— Не говори мне, что я могу и чего не могу делать.

— Я не...

— Именно.

Она попятилась и, сделав это, забылась. Боль пронзила ее, расколов надвое, и ее ноги, теперь слабые, как у новорожденного жеребенка, запутались в простынях. Запах роз становился удушающим, когда лепестки были раздавлены их телами.

Он приподнял ее и убрал влажные волосы с ее шеи.

— Возможно, ягненок хотел почувствовать укус волчьих зубов. — Гэвин провел пальцем по веснушкам на ее шее от уха до плеча, прежде чем позволил своей руке снова опуститься на ее талию. — Иногда телу трудно отделить ужас от экстаза. Ощущения так похожи. Контекст — это все.

Вэл уставилась вперед, и кровать заскрипела, когда он наклонился так близко, что его дыхание шевельнуло пряди персикового пуха на ее шее.

— Как легко было ягненку потеряться в глазах волка в тот первый раз. Она была не готова. Она испугалась. Ее маленькое сердечко бешено колотилось. Кровь прилила к ее конечностям. Ее дыхание перехватывало... и учащалось.

Он вдохнул, касаясь ее кожи.

— Возможно, волк съел бы ее. Я думаю, что в большинстве случаев он бы так и сделал. Да. Но этот ягненок обладает чем-то, что возбуждает его любопытство — и заставляет его жаждать чего-то большего, чем плоть или кровь.

Она почувствовала, как его губы коснулись ее пульса.

— И вот волк возлег с ягненком.

Она яростно содрогнулась, ненавидя то, как ее живот дернулся, как от ножа, и тепло просочилось в ее чресла, как кровь.

— Так не бывает.

— Мм, ну, я всегда считал себя довольно... неординарным. — Он сделал паузу. — У меня для тебя кое-что есть.

— Я не хочу этого, — автоматически сказала она. Холодная тяжесть легла ей на ключицу.

«Он пытается задушить меня».

Она схватила его за руки, прежде чем Гэвин успел натянуть металлический шнур. Он оттолкнул ее.

— Если бы я собирался убить тебя, — заметил он, — ты бы уже не дышала.

Она попыталась повернуться, чтобы посмотреть, и он наклонил ее голову к зеркалу. Это было ожерелье, тяжелое, вероятно, из жидкого серебра. Тонкие нити металлических звеньев, предназначенных для того, чтобы быть такими же текучими, как масло. Металлоконструкции были прекрасными, изящными и блестящими, с большим тонким кольцом, четко вписанным в узор. Она просунула под него палец, потянув за металл.

Ожерелье казалось не менее собственническим, чем руки, обнимающие ее за талию.

— Ты чувствуешь желание бороться, — тихо сказал он. — У меня тоже есть определенные желания.

— Это... это ошейник. Ты думаешь, что можешь владеть мной — как будто я... какое-то домашнее животное? Ты болен.

Она дернула плечами, нанося удар локтем. Ее рука, все еще цеплявшаяся за ожерелье, дернулась сильнее, когда Вэл приготовилась сорвать кольцо, которое теперь служило замком для какого-то ужасного поводка или цепи в ее воображении.

Гэвин схватил ее за запястье.

— Не начинай со мной игры, которые ты не готова проиграть, Вэл. Это быстро перерастет во что-то, что, я уверен, тебе не понравится. Я полагаю, мы говорили об индальгенциях. Хорошо. В вопросе контроля я стою твердо. Я не потерплю твоих попыток оспаривать мою власть, и, если ты будешь упорствовать в этом, мне, возможно, придется причинить тебе боль, чтобы доказать свою точку зрения. Животных убивали и за меньшее в дикой природе.

Его хватка, которая была болезненной, ослабла до давления, которое стало терпимым. Он коснулся ее ожерелья свободной рукой.

— Это тонко, со вкусом. Если кто-то достаточно проницателен, чтобы осознать его значение, все, что оно скажет им, — это то, что ты моя. А теперь, ты переоденешься во что-нибудь более подходящее для цивилизованной компании, а потом мы вдвоем выпьем по бокалу хорошего вина. Нам нужно многое обсудить.

— Нам нечего обсуждать. Я не собираюсь быть твоей игрушкой!

— Ты будешь той, кем я тебе скажу, — он сурово посмотрел на нее. — Я думал, мы достаточно изучили этот урок, но если тебе нужно напомнить, полагаю, мы можем отложить твою смену одежды на несколько часов...

Она отпустила ожерелье, как будто оно загорелось.

— Где одежда?

— Я принесу. — Он соскользнул с матраса с легкостью, которая заставила бы ее возненавидеть его, если бы она уже не пульсировала ненавистью. Вэл наблюдала, как он достал большую сумку, которую она каким-то образом пропустила раньше, во время своего первоначального беглого осмотра комнаты. Если только он не принес ее позже.

И с этой мыслью она убежала в ванную, прихватив с собой простыню.

У нее защипало в глазах. «Слезы», — подумала она, пока не вспомнила о своих линзах. Они были косметическими и не предназначались для длительного ношения. Ее соленые слезы и потекший макияж вызвали раздражение. Вэл вымыла руки и оценила тонированные силиконовые диски. Они годились, по крайней мере, еще на несколько ношений, но она выбросила их в мусорное ведро.

После, намочила кусок ткани и начала приводить себя в порядок. Когда она добралась до бедер, ей пришлось остановиться, потому что комната начала наклоняться и расплываться. Вэл схватилась за кран, вцепившись в фарфор, как моряк в мачту тонущего корабля, и плеснула в лицо холодной водой.

Ужасно холодной. Ледяной. Замораживающей, как и его глаза. Снова и снова, пока ее щеки не утратили смертельную бледность, а ощущение жжения не сменилось приятным онемением.

В сумке лежали дорогие джинсы, шелковая блузка и нижнее белье — все ее размера.

Вэл не была уверена, что нервировало ее больше: тот факт, что он знал ее самые интимные подробности из первых рук, или возможность того, что он приобрел эти вещи заранее. Она их не видела, это правда, но если бы он не хотел, чтобы их нашли, она бы этого не сделала?

«Это насколько надо быть жестоким, чтобы намеренно и методично планировать такое

унижение... Ты хоть слышишь себя сейчас?»

Вэл упала на колени перед унитазом и ее вырвало, но желудок оказался пустым. Она ничего не ела, думала умрет. Вэл разгладила блузку и вытерла лоб. Очевидно, нет. Она мрачно посмотрела в зеркало.

Блузка плотно облегалась ее изгибы, с вырезом ниже, чем тот, который она выбрала бы для себя. Но не настолько низко, чтобы быть неприличным, она почти слышала, как он сказал бы это.

Джинсы, напротив, были свободного кроя, что очень эффектно подчеркивало ее стройные ноги. Это был его стиль.

Вэл чувствовала себя более обнаженной, чем была только в простыне. Когда она повернула голову, рассматривая себя под другим углом, то увидела отметины, которые он оставил на ее горле, похожие на алые буквы. Она провела пальцами по ушибленной коже, сжимая ожерелье в кулаке. Она хотела уничтожить эту проклятую штуку, но... нет, она не осмелится.

Гэвин не обернулся, хотя, должно быть, слышал, как открылась дверь ванной. Он полулежал на диванчике, предоставив ей выбор между креслом или письменным столом, так как она не собиралась садиться рядом с ним. Он наблюдал, как она садится, приподняв бровь.

— Какой замечательный эффект.

Она резко подняла глаза. Он кивнул на ее блузку.

— Я никогда не верил, что рыжие не должны носить красное. Этот особый оттенок алого довольно красив на твоей коже, как кровь на снегу. — Он задумчиво провел пальцем по одной щеке. — Да, — размышлял он, — ты выглядишь просто восхитительно, моя дорогая Белоснежка.

Делало ли это его Охотником? Она задавалась вопросом, был ли его выбор слов преднамеренным. Восхитительно. Какое ужасное слово — сказать, что кто-то выглядит достаточно мило, чтобы взять его против воли. Она сложила руки на груди, затем опустила их, когда поняла, что этот жест приподнял ее грудь, дав ему прекрасный обзор.

— Возможно, даже слишком. Я приношу свои извинения за мою... жадность. Нужно было быть аккуратнее. В следующий раз я проявлю больше сдержанности.

— В следующий раз.

Ее слова падали в тишине, как камни.

Он поймал выражение ее лица за мгновение до того, как она смогла его изменить. Его губы изогнулись в довольной улыбке.

— Неужели ты надеялась, что я захочу тебя только один раз? О боже, ты еще наивнее, чем я думал. Почему я должен был пройти через столько неприятностей ради простого свидания? Разве человек ездит на жеребце только один раз, прежде чем обречь его на бойню? — Он наполнил хрустальный бокал и протянул ей за ножку. — Мне кажется, что нет. Пей свое вино.

Так оно и было. Его «извинения» всего лишь предлог, чтобы пустить в ход этот новый ужас, переворот в шахматной игре, который изменил шансы в пользу одного игрока.

Его.

Ему все равно, причинит ли он ей боль. Он был неспособен на огорчение, и точка. Он ясно дал это понять четыре года назад, и все же она отдала ему свое сердце, чтобы оно снова и снова разбивалось. Почему? Зачем она это сделала?

— Ты ублюдок. — Она схватила бокал с вином, выплеснула содержимое ему в лицо, а затем позволила бокалу разбиться. — К черту твое вино. Пошел ты.

Он вскочил с дивана прежде, чем она успела моргнуть, схватив ее за ворот блузки.

— Ты, кажется, не понимаешь. Ты бросила мне вызов, и проиграла. — Шелковистая ярость в его голосе заставила ее задрожать еще сильнее. — И я намерен заставить тебя заплатить за твое высокомерие. Сейчас мы играем в мою игру по моим правилам, и у меня есть все твои фигуры. Ты, моя дорогая, одинокая пешка без надежды на повышение. Как бы ни были многочисленны твои чары и насколько бы привлекательны они ни были для меня, ты — движимое имущество.

Вэл покачала головой, словно пытаясь вытряхнуть из себя его слова. Это не было жестом неповиновения, и он, казалось, знал это, но вел себя так, как будто она сопротивлялась, запуская пальцы в ее спутанные волосы и откидывая ее голову назад.

— О, да, — сказал он, — ты ничто — и ты даже не понимаешь, что это значит, но ты поймешь. — Он прочистил горло. — Через три дня я дам тебе ключ к разгадке. Эта подсказка будет представлять, как фигуру, так и игрока. У тебя будет одно предположение. Одно. Угадаешь неправильно, и этот игрок умрет. Медленно, я думаю, и довольно болезненно — на тот случай, если смерть не покажется тебе достаточной мотивацией.

Он бросил на нее лукавый взгляд.

— Насколько полезна подсказка, будет зависеть от того, насколько я доволен тобой в данный момент.

— Ты чудовище.

— О, правда? Я чудовище? — Он рассмеялся.

Она попыталась отстраниться, но он заключил ее в объятия.

— Спроси себя, что человек без коварства может сделать с твоим телом в темноте. — Он взглянул на окно — солнце поднималось, посылая золотые лучи, пронзающие тень, — и добавил: — Или при дневном свете. На солнце еще хуже. Заставляет все это казаться намного более... неизбежным.

Вэл втянула в себя воздух. Да...она вспомнила...

— Я бы с удовольствием посмотрел, как твое тело сияет днем в золотом свете саванны. Или, если ты равнодушна к классицизму, в мокрой драпировке римлян. Ну, вообще-то, греков. Когда Рим завоевал Грецию, они присвоили себе все, что им приглянулось. В этом я очень похож на своих предков.

— Ты сошел с ума.

— Рим покорил еще и бриттов. Помнишь тот набросок, моя дорогая? Единственным женщинам, которым разрешалось носить тоги, были куртизанки. История может быть такой информативной... тебе не кажется? Возможно, ты согласишься снова попозирировать мне.

— Нет.

Она снова попыталась отстраниться. Он поймал ее за руку.

— Ах, ах, ах — не так быстро. Есть еще одна вещь. Это личная игра, которая должна остаться между нами. Никаких друзей. Никаких любовников. Никакой полиции. Ясно? Я буду очень зол, если ты бросишь мне вызов. Ты бы этого не хотела.

— Нет. — Она не хотела.

— Тогда можешь идти. Мы здесь закончили. — Он отпустил ее руку, указывая на жалкую грудку черной ткани за дверью ванной. — Я полагаю, что твое пальто цело. Смотри, не забудь о нем. — Он взглянул на нее через плечо. — Ты бы ведь не хотела умереть от

холода.

«Я уже умерла от него».

Глава 12

Аквилегия

Она стояла в автобусе по дороге домой, хотя он был пуст, вцепившись в поручень дрожащей рукой. Водитель автобуса пару раз посмотрел в ее сторону, но ничего не сказал. Вэл предположила, что если ты достаточно долго водил автобус, то в конце концов учишься видеть только дорогу.

(Неужели ты надеялась, что я захочу тебя только один раз?)

Она бы солгала, если бы сказала, что никогда втайне не задавалась вопросом, на что это будет похоже... если сдать. Подростковые фантазии были капризны, и в четырнадцать, семнадцать лет она была беспомощна перед лицом его откровенной сексуальности. Конечно, она задавалась этим вопросом.

Она поплотнее закуталась в пальто, радуясь, что высокий воротник закрывает большую часть ее шеи.

Когда она шла в свое общежитие с остановки, Вэл казалось, что все знали о ее жесткой походке и ее значении. До сих пор она никогда полностью не понимала концепцию «прогулки позора».

Теперь, да. О, теперь она поняла.

Мэри не было дома. Вэл проверила все, даже ванную. В комнате никого не было. Небольшие радости. Она уронила свои вещи на пол и упала спиной на кровать, приземлившись так, что ее спина первой ударилась о матрас. Осторожно она позволила своим бедрам коснуться кровати, а затем позволила себе разреветься, ревела сопливыми слезами и с красным лицом, которые, казалось, никогда не показывали по телевизору.

Сначала он вырвал у нее сердце. А потом разрушил ее разум. Теперь он сломал ее тело. Ничего больше не принадлежало ей, больше нет. Все это принадлежало ему.

Сквозь туман, в который превратилось ее зрение, она могла различить, как меняются светящиеся цифры на ее часах. Она зажмурила глаза, вытирая их достаточно, чтобы увидеть, что автобус, на котором ей нужно было добраться до учебы, скоро прибудет. Учеба.

Она представила, как выбирается из дома. У нее не будет времени принять душ. Его запах будет оставаться на ее коже весь день, как зуд, который она не сможет выцарапать. Она увидела себя в стерильном классе, в неудобном кресле под дешевыми флуоресцентными лампами, которые мигали так быстро, что у нее подергивались глаза. Она представила, как притворяется, что все в порядке, в то время как внутри все, чего она хотела, — это разорвать себя на куски.

Она больше не могла разделять эти две жизни. Это разделение убьет ее.

«Но, может быть, это то, чего он хочет».

Она вспомнила, что он сказал о том, что предпочел бы видеть ее уничтоженной, а не свободной.

Он не оставил ей выбора.

Только его.

Она стянула с себя (его) блузку и расстегнула свой (его) лифчик. Подняла с пола футболку большого размера. Хлопок был мягким, как объятие, и ей снова захотелось

плакать, потому что она не могла вспомнить, когда в последний раз у нее было такое.

Она скинула свои (его) джинсы и, после первых колебаний, нижнее белье тоже. К ее ужасу, там, где они соприкасались с кожей, было несколько пятен крови, и она выбросила трусы в мусорное ведро под несколькими скомканными заданиями, чтобы ей не пришлось их видеть.

Ей нужно, чтобы мир отключился на несколько часов. Это самое лучшее, что было бы после смерти.

Вэл пошарила возле своей кровати и нашла полупустую бутылку воды. Ей могло быть от нескольких дней до нескольких месяцев. Но ей все равно. Она откупорила бутылку и проглотила две прописанные ей снотворные таблетки. Гэвин не давал ей уснуть.

«Интересно, что бы случилось, если бы я проглотил все таблетки. Одну за другой, точно так же, как считать овец».

Как соблазнительна была эта мысль. Это пугало ее, знание, что она может покончить со всем одним глотком. Ее самообладание утекало сквозь пальцы, как вода. Вэл вздрогнула и отшвырнула бутылку. Колпачок слетел, когда упал на пол. Таблетки рассыпались по коричневому ковру, как белые личинки.

Она чувствовала, как таблетки проникают в ее сознание, делая ее мысли вялыми и тяжелыми. Но они не покинули ее совсем, просто двигались медленно. Вэл легла на спину и стала ждать, когда придет сон. Казалось, она закрыла глаза меньше чем на секунду, но, когда проверила время, прошло по меньшей мере четыре часа.

Где-то что-то звенело, и ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что это звонит ее телефон.

— Вэл? Это ты?

— Джейд? — прошептала она.

— О, Господи, слава богу. Мы все звонили и звонили... где ты? С тобой все в порядке? Мэри говорит, что ты так и не вернулась домой.

Он знает.

— Я в общежитии. Сплю.

Последовала пауза.

— Спишь?

— Да, Джейд, сплю. — Она ненавидела себя за этот тон, но не могла его контролировать. Она была фонтаном уродства, и весь яд, гноящийся внутри нее, извергался наружу.

— Нам нужно поговорить.

— О чем?

— Думаю, ты знаешь.

— Нет.

Она знала.

— Можно мне приехать? Около шести? Мэри тоже придет.

— Это через три часа, — сказала Вэл вслух.

— Нормально? Мы знаем, что случилось, — проговорил Джейд. — Это не твоя вина.

«Да, это ее вина, — хотела она закричать ему. — Ты не знаешь ничего! Ничего!»

Она повесила трубку и нащупала свою одежду. Запихнула вещи в рюкзак и направилась в ванную. Она принимала душ почти два часа. Винили ли ее Джейд и Мэри или нет, у нее не было абсолютно никакого намерения их ждать, как ребенок, ожидающий наказания.

Ей нужно было выбросить это из головы.

Ей нужно убираться отсюда.

***

Никто не ответил, когда Джейд и Мэри постучали в дверь в шесть часов.

— Она сказала, что спала. — В холле было холодно, и Джейд переминался с ноги на ногу. — Может быть, она по-прежнему спит.

— Возможно. Она действительно много спит. Вэл? Ты здесь? — Мэри постучала в дверь тыльной стороной ладони и прижалась ухом к окрашенной в коричневый цвет поверхности. Ничто не шевелилось. Она послала Джейду взгляд, который он не совсем понял, и открыла дверь своим ключом. Внутри было темно и тихо.

Мэри вошла первой, чтобы включить свет, в то время как Джейд с любопытством оглядывался по сторонам. Вэл никогда раньше не приглашала его наверх и была так скрытна в своей личной жизни.

Было легко догадаться, где ее сторона комнаты. Желтое одеяло с цветами, одновременно и детское, и старомодное. Изношенные простыни. Заваленный бумагами стол. Единственным намеком на мягкость была маленькая плюшевая кошка, наполовину спрятанная под подушкой. По какой-то причине при виде этой мягкой игрушки у него защемило сердце.

— Ее здесь нет, — сказала Мэри.

Джейд сел на стул за столом Мэри, так как стул Вэл был завален сброшенной одеждой. Он думал об этой коробке, сделанной так, словно она была полна пролитой крови. Он думал об этом человеке — о том, кого так боялась Вэл. Он задавался вопросом, насколько больным нужно быть, чтобы убивать без совести. Чтобы убить девушку, которую, как ты утверждал, желал. Он даже представить себе не мог.

Наверное, это хорошо.

Мэри изучала сторону комнаты Вэл, качая головой. Ее брови были опущены, почти соприкасаясь, между ними пролегла глубокая линия.

— Она, должно быть, приходила, — продолжила она, указывая на мятую красную блузку. — Этого здесь не было, когда я уходила раньше. Я не думаю, что когда-либо видела ее на ней раньше.

— Может, ей пришлось уйти, — рискнул предположить Джейд. Он вообще не верил в это — очень уж вовремя, — но он не хотел выглядеть собственником перед Мэри.

— Все ее вещи перенесены в ванную, — Мэри скрестила руки на груди. — Ее кровать смята.

— Может она на занятиях?

— Не так поздно. — Мэри обошла стол Вэл. — Конечно, если она вообще на них появлялась.

— Почему?

Мэри подняла лист бумаги.

— Она работала над этим пару вечеров назад, сказав, что сдавать надо сегодня. Я действительно начинаю переживать — помню, потому что она попросила меня вычитать работу для нее.

— Значит, что-то должно было произойти между тем и этим. — Что-то хрустнуло под его кроссовкой. Джейд посмотрел вниз и увидел белую пыль и бутылочку с таблетками, одну из тех обычных оранжевых. Он поднял ее, перевернул. «Амбиен».

— Не смотри на меня. Я никогда не видела это раньше.

— Это выписывают по рецепту.

— Не хочу знать. — Мэри сделала предостерегающий жест. — Положи обратно. Я никогда этого не видела.

— Она заметит раздавленные таблетки, — сказал Джейд.

— Тогда, может быть, она подумает, что сделала это сама. — Ее взгляд упал на мусорную корзину.

— Хмм.

Джейд услышал шелест бумаг, огляделся и покачал головой. Рыться в мусоре Вэл казалось слишком навязчивым. Он уже чувствовал себя неловко из-за того, что нашел ее таблетки. Он уже собирался сказать это, когда услышал, как Мэри ахнула.

— Что не так? — Он хотел подойти, но Мэри отмахнулась от него.

— Бумагой порезалась.

— Ты думаешь мы должны подождать?

— Я не думаю, что она появится. — Мэри пошла в ванную, чтобы вымыть руки. — Она слишком хорошо знает мое расписание, чтобы это могло быть случайностью.

Джейд вздохнул.

— Хочешь пойдём в столовую?

Она закрыла кран.

— Что я хотела бы сделать, так это пойти в полицию.

— Не поговорив сперва с Вэл?

— Она ужасно уклончива во всех разговорах. Девушка-эскиз. Я имею в виду, серьезно. Ты не ведешь себя так, если тебе нечего скрывать.

— Мы знаем, что она скрывает, — напомнил ей Джейд. — Этого достаточно.

Мэри не ответила.

— Давай обсудим это за ужином. Я проголодался.

Мэри посмотрела на дверь перед ними.

— Я надеюсь она в порядке.

— Думаю, тебе следует больше беспокоиться о себе. Это ты получаешь угрозы. — Мэри колебалась. — Если что-то пойдет не так, можно подумать, что она предупредила бы нас.

Глава 13

Белладонна

Вэл закончила тем, что заснула в круглосуточном кабинете. Она проснулась с болью в шее и позвоночником, который ощущался как холодный железный столб. Она застонала, отодвигаясь от стола, разминая затекшие плечи. Все болело, кроме ее живота, который просто казался пустым.

Одно блаженное мгновение она не могла вспомнить, где она и почему здесь.

Это сделало воспоминания еще более болезненными. Потому что в конце концов она все-таки вспомнила. Все это нахлынуло, как вонючий прилив.

Сегодня был Первый день.

Телефон зазвонил, когда она выходила из здания. Она закинула рюкзак на одно бедро, чтобы порыться в нем. Ее телефон был на самом дне, и ее руки и плечи снова заныли, когда она повернула их, чтобы дотянуться до него.

— Алло?

— Отвечаешь на звонки во время занятий?

Она остановилась, и студентам, идущим ей навстречу, пришлось свернуть, чтобы избежать столкновения. Они посмотрели на нее раздраженным взглядом, которого она не заметила.

— Полагаю, мне не следует удивляться. Я знал, что у тебя есть склонность к неповиновению, да, но не до такой степени. Твое поведение было... мм, по меньшей мере, поучительно. Однако я должен сказать, мне показалось, что стойкости и выносливости тебе скорее не хватает.

Она зажала рот рукой и тут же пожалела об этом, так как почувствовала запах желчи в своем дыхании.

— Отъе*сь.

— Хотя, возможно, твой энтузиазм заслуживает похвалы.

— Перестань искажать мои слова, — сказала она в телефон.

— О, мне не нужно искажать твои слова. Не тогда, когда у меня есть ты, чтобы делать все за меня. Вернее, подо мной. Я мог бы почти поверить, что тебе никогда раньше не приходилось умолять, но мы оба знаем, что это не совсем так. — Его голос, прежде легкий, теперь стал жестким. — Верно?

Ей хотелось заткнуть уши, но его голос был подобен нейротоксину. Он оставил ее ошеломленной и неподвижной.

— Отвали, — слабо поправилась она.

— Я не позволю тебе говорить со мной в таком тоне. — Боже, он был ужасен. Неужели он всегда был таким ужасным? Или он так хорошо умел это скрывать?

— Не смей вешать трубку, — прорычал он, заставив ее вздрогнуть, потому что ее большой палец медленно полз к кнопке «отключится», а она даже не осознавала этого. — Ты будешь слушать меня, каждое слово... и знаешь почему?

Она покачала головой, потом вспомнила, что он не мог этого видеть. Казалось, это не имело значения.

— Потому что тебе нравится, когда я заставляю тебя бороться. Куда бы я не вел, ты следуешь за мной. Разве не так?

— Нет. Нет, это не так.

— Да, это так. Ты хочешь, чтобы кто-то заставил тебя чувствовать себя незащищенной, уязвимой, преследуемой. Я мог бы убить тебя, и ты можешь чувствовать это, когда лежишь со мной. Ты любишь эту власть, мою власть — власть, которую я имею над тобой. — Последовала напряженная пауза. — Теперь твое тело принадлежит мне больше, чем тебе. Я чувствую твой запах на своей одежде. Страх и желание, и чистая, сладкая покорность.

Вэл дико огляделась по сторонам, уверенная, что кто-нибудь догадается о содержании их разговора. С криком она повесила трубку, услышав его смех, слишком поздно осознав, что только что нарушила его запрет.

Она поехала на автобусе обратно в общежитие, слишком сосредоточенная, чтобы беспокоиться о своей помятой одежде или замечать лица вокруг. Ее мысленный взор то и дело возвращался к этому холодному, жестокому взгляду и темному, хриплому голосу. Если бы леопарды могли говорить, они бы говорили так же, как он.

Вэл подумала, что пойдет в общежитие, почистит зубы, а затем отправится в столовую, чтобы успеть на последний час завтрака. Большая часть еды была бы несвежей и

переваренной. Хрустящий черный бекон — если там еще остался бекон — резиновые яйца, сырые картофельные оладьи. Но даже это было лучше, чем она того заслуживала.

Она распахнула дверь. Первое, что Вэл увидела, было лицо Мэри. Оно наполнило ее тревогой с первого взгляда, и ей потребовалось некоторое время, чтобы понять почему. Она видела этот взгляд у людей дома, да — осторожность, презрительную жалость и холодное, холодное осуждение.

«Нет». Она снова проецировала, видя, как ее худшие страхи отражаются в зеркале дома развлечений, в которое превратился ее мир. Мэри заботилась о ней. Мэри не думала о ней в таком ключе.

«Только потому что она не знает правду».

Но теперь она знала. Один взгляд в ее глаза, и Вэл все поняла. Один взгляд в ее глаза, и сердце Вэл пронзили ледяные лезвия паники.

— Что происходит?

— Где ты была?

Застигнутая врасплох, Вэл сказала только:

— А?

— Ты сказала, что будешь здесь. В шесть. Джейд и я оба пришли. Мы ждали тебя, но ты так и не появилась.

— О. Я.. я была в учебном классе. — Она отвела взгляд. — Наверное, забыла.

— Наверное, как и об этом? — Мэри подняла кремовый конверт, Вэл едва удержалась, чтобы не потянуться за ним. Лепесток валерианы все еще цеплялся за складки. Эти слова: «Ты боишься?» написанные девичьим подчерком Лизы, казалось укоряли ее.

Вэл потянула себя за прядь волос. Ей стало трудно дышать.

— Где ты это взяла?

— Нашла в твоём столе.

— Ты рылась в моих вещах?

Таблетки... записи в дневник ... ожерелье...

— Джейд получил коробку, полную фальшивой крови. Внутри была шахматная фигура. Она была расколота пополам. В ней тоже было сообщение. Предупреждение. Угроза.

— О, — проговорила Вэл, запинаясь.

— Мы были напуганы до смерти. Я хотела пойти в полицию, но Джейд сказал подождать.

Спасения нет. Стены смыкались вокруг нее, каждый путь к отступлению был перекрыт в тот момент, когда она его видела.

— Ты знаешь, что это значит?

Вэл посмотрела на Мэри снова.

— Что?

— Послание. Тот, что в коробке Джейда. Ты знаешь, что там было написано? Там было написано: «Держись, бл*ть, подальше от Валериэн Кимбл». — Мэри немного запнулась на слове «бл*ть», но это никоим образом не замедлило ее. — Мы посмотрели имя, — сказала она. — Мы знаем.

Мы знаем все. Мы знаем о первом курсе — о доме — о том, почему ты уехала из города. Боже, Вэл, ты была всего лишь ребенком. Почему ты не дала нам знать? Ты не думала, что мы должны это знать? Что я должна? — Мэри казалась скорее испуганной и обиженной, чем рассерженной, хотя в ней определенно чувствовался гнев. Страх затмил гнев. Страх был

настоящим, резким, едким, как щелок. Он разьедал слова Мэри и был почему-то хуже, чем гнев. — Разве мы не твои друзья? Неужели ты совсем не заботишься о нас?

— Конечно, я забочусь, — глухо сказала Вэл, задаваясь вопросом, было ли это правдой, даже когда она говорила.

— Тогда почему ты ничего не сказала?

«Потому что эти слова — ножи в моем горле».

— Он сказал, что причинит тебе боль, если я что-нибудь скажу. — Если я заговорю, то истеку кровью.

— И ты веришь ему?

— Никаких друзей. — Она так сильно устала. — Никаких любовников. Никакой полиции.

Мэри потребовалось мгновение, чтобы заговорить. Ее лицо было бледным.

— Ты пошла к нему.

«Мое сердце превратилось в пыль. Мне больше не за что бороться, и все равно я должна бороться».

— Ты провела с ним ночь.

— Он сказал, что изуродует лицо Джейда.

— О, боже, Вэл.

«Когда-то я тоже так боялась», — подумала Вэл. Потрясенная тем, что одно существо может желать зла другому.

Уже нет.

— Я думала, он хочет убить меня.

— Вэл, — сказала Мэри. — О боже мой. Зачем ты это сделала? Зачем ты поехала? Он мог убить тебя.

— Но он этого не сделал. Он должен был это сделать, но не сделал. — «Вместо этого он сделал кое-что похуже. Он оборвал мою жизнь и оставил меня дышать, чтобы я могла почувствовать пустоту». — Теперь умрут и другие. И все из-за меня. Потому что я слишком слаба и слишком глупа, чтобы остановить его.

А потом Вэл разрыдалась, потому что ей было все равно, но все равно ровно настолько, чтобы еще переживать, что она не остановила его. И потому что, живое или мертвое, бьющееся сердце все еще может кровоточить.

Мэри шагнула вперед, как бы предлагая утешение, но, казалось, не могла заставить себя прикоснуться к Вэл. Как будто эта зараза была чем-то, что могло передаваться от одного человека к другому, как болезнь. Может быть, это так и есть. Иначе зачем бы люди говорили, что страдание любит компанию?

— Нам нужно пойти в полицию.

— Нет. — Вэл убрала руки от лица. — Нет, — яростно сказала она. — Никакой полиции. Ты что, не слышала меня?

— Вэл, он убийца... я не хочу умирать.

— Тогда не звони в полицию, — Вэл покачала головой.

— Ты не сможешь его поймать. Разве ты не видишь? Он слишком умен. Я пыталась. Я пробовала, и пробовала, и пробовала, и ничего хорошего из этого не вышло. Ты не можешь победить его. Ты не можешь бороться с ним. Ты должен играть по его правилам, или ты проиграешь — и он сломает тебя.

Мэри сделала шаг назад.

— Ты меня пугаешь.

— Тебе следует бояться. Ты должна быть в ужасе.

— Пожалуйста, просто позволь мне...

— Я сказала «нет». — Вэл выхватила сотовый телефон из рук Мэри. Он ударился о стену и разбился вдребезги. Она тяжело дышала. На каком-то уровне у нее была картинка самой себя, того, как она, должно быть, выглядит, с дикими глазами, помятая и растрепанная, конечности затекли после сна на твердой поверхности стола. Она знала, что, должно быть, выглядит безумной или близкой к этому, и не могла заставить себя переживать по этому поводу.

Адреналин захлестнул ее. Это был ключ от ее цепей. Это придало ей бодрости духа.

Осмелев, она сказала:

— Если ты вызовешь полицию, я буду отрицать. Я буду все отрицать.

— Вэл...

— Я покажу им свое лекарство. Они подумают, что я сошла с ума — что ты потакала мне, потому что не знала. Все люди с психическими заболеваниями нестабильны, разве ты не знаешь? Склонны убивать себя или других. — Она горько улыбнулась. — Прямо как в кино. Во всем виновата жертва.

Мэри ничего не сказала, но на ее лице застыло выражение, похожее на паутину.

— Послушай, только не звони в полицию, — сказала Вэл немного более спокойным голосом. — Я позабочусь об этом. Я обещаю.

Когда молчание Мэри затянулось, Вэл повернулась и вышла из комнаты, радуясь, что соседка не слышала, как колотится ее сердце.

Глава 14

Тубероза

Лиза звонила ей. Нет, не Лиза, а Он. Вэл знала, что должна сменить номер, но часть ее верила, что она заслужила эти секунды надежды и сильного сожаления. Это служило напоминанием о вине и ее сделке с дьяволом. Вэл взглянула на спящую Мэри и прошептала:

— Что?

— Я тебя разбудил?

Было три часа ночи, она стиснула зубы.

— А ты как думаешь?

— Думаю, что ты отчаянно нуждаешься в хороших манерах.

— К черту твои манеры.

Она вздрогнула, когда линия затрещала, неприятно пощекотав ее ухо.

— О, Вэл, Вэл, Вэл — тебе не нужно довольствоваться только моими манерами. Три дня прошли и закончились.

Просто так вся борьба покинула ее, когда желудок сжался, как папиросная бумага.

— Но сейчас три часа ночи, — запротестовала она. — Автобус... Я не думаю, что автобус ходит так поздно.

— Это не будет проблемой. Я отправил такси. Когда доберешься до места назначения, позвони мне.

Словно по сигналу, она услышала короткий громкий гудок снаружи. Мэри

пошевелилась. Дерьмо. Вэл застыла на месте, но ее спящая соседка по комнате не проснулась — и, очевидно, Гэвин не собирался принимать «нет» за ответ.

У нее не было времени переодеть пижаму. Она натянула толстовку поверх майки и надев спортивные штаны, на цыпочках прошла мимо Мэри, поправляя сумочку на плече.

Такси высадило ее у дендрария.

— Подождите, — сказала она, — произошла ошибка.

— Проезд оплачен до этого места, — ответил водитель. — Никакой ошибки. — Он уехал.

Она слышала стрекотание насекомых, отдаленное журчание ручья. Грунтовые дорожки содержались в чистоте и тщательном уходе, но деревья и подлесок росли беспрепятственно дальше. Мосты, выкрашенные в веселый красный цвет, который ночью казался черным, соединяли две стороны берега,

Она набрала номер Лизы.

— Зачем ты привел меня сюда? Почему в дендрарий?

— На охоту, — заявил он.

— Это заповедник, — проговорила она. — Охота запрещена.

— Я привел свою дичь, — объяснил он. — Видишь ли, сегодня вечером я буду охотиться на тебя.

— Как в книге? — испуганно спросила Вэл. — Той ужасной школьной книге?

— У тебя есть примерно десять минут форы. Я предлагаю в полной мере использовать их.

Затем она услышала какой-то звук.

Это не мог быть Гэвин. Он ведь сказал, что у нее есть десять минут?

Она повернула голову, и белки ее глаз блеснули в темноте. Это прозвучало близко. Слишком близко чтобы быть робким животным. Вэл сошла с тропинки и, немного поколебавшись, нырнула в темно-зеленые заросли. Ветки зацепились за ее волосы и впились в кожу головы. Она бежала, прикрыв лицо рукой, чтобы защитить глаза от колючей ежевики и крючковатых веток.

Она не была уверена, сколько прошло минут, но скорее всего десять. Вэл остановилась у реки, не желая возвращаться, но и не решаясь идти вперед. Здесь лес поредел, уступая место свету.

Хрустнула ветка.

Вэл поколебалась — конечно, было слишком холодно для пиявок — и шагнула в темную воду. Вода казалась ужасно холодной, хотя и не совсем ледяной. Дрожа, пробралась под мост. Она встала на четвереньки, вода была достаточно высокой, чтобы плескаться у ее горла.

Весь этот сценарий имел странное, сюрреалистическое качество кошмара. Ей казалось, что ее мозг плавает во мраке, хотя, возможно, это было просто следствием грязной речной воды.

В тени что-то шевельнулось. Вэл слышала, как колотится ее сердце, и как мелкая рябь воды жадно плещется у нее по бокам, когда она отступала все дальше в тень моста.

Он был одет в темные джинсы и кожаную куртку, его лицо в лунном свете казалось вырезанным из кости. Он выглядел диким, растрепанным и опасным. Будь он любым другим мужчиной, она могла бы подумать, что он принимает наркотики. Но не Гэвин, нет — он не позволил бы никаким ядам притупить его инстинкт убийцы.

Он наклонился, поднял пригоршню земли, и ее сердце подпрыгнуло, когда его взгляд упал на русло ручья. Он позволил рассыпчатой почве со дна ручья просеяться и провалиться сквозь щели между пальцами, а затем вытер руки о джинсы. Что-то щелкнуло в роще справа от него — какое-то ночное животное, ставшее безрассудным из-за луны, — и он резко повернул голову в ту сторону.

Лес затаил дыхание.

А потом Гэвин побежал.

Вэл смотрела ему вслед. Она подождала несколько минут, прежде чем вылезти из воды. Ее промокшая толстовка была похожа на мокрый цемент. Тяжелый вес ее одежды вывел Вэл из равновесия. Она сняла одежду и отжала ее, сморщив нос от солоноватого запаха воды.

Она никогда раньше не заходила так далеко в дендрарий. Некоторые студенты в шутку говорили, что там водятся привидения. Одно можно сказать наверняка: это было не место для студента, чтобы оставаться одному после наступления темноты.

Он спрыгнул с дерева, приземлившись на ноги так же аккуратно, как кошка, и прорычал:

— Бу.

Она закричала и побежала.

Гэвин догнал ее на берегу реки и схватил так, что они оба провалились сквозь заросли рогоза в воду с сильным всплеском. Гладкие камни жестоко впились ей в колени, она задохнулась и вдохнула запах гнили, водорослей, мокрой кожи и пота. Он смеялся, издавая быстрые рычащие смешки, которые звучали так, как, по ее представлениям, мог бы смеяться волк.

— Шах и мат, моя дорогая.

Он повел ее дальше по берегу, где было суше, и ее зад коснулся твердой сухой почвы. Листья затряслись, и Вэл тоже затряслась.

От холода у нее закружилась голова.

Он не целовал ее и не прикасался к ней, но в нем ощущался опасный заряд, который она узнала раньше. В этом состоянии он был способен на все.

Вэл вздрогнула, когда он сомкнул свои руки вокруг ее рук, но это было только для того, чтобы поднять ее. Он сбросил куртку, затем помог ей надеть ее. Она все еще была теплой — почти горячеей — от его тела. Вскоре Вэл начала согреваться.

Его пальцы переплелись с ее пальцами, и Гэвин зашагал быстрым шагом, от которого она спотыкалась, чтобы не отстать. Наконец она спросила:

— Куда мы идем?

Он не ответил.

Администратор не взглянул на нее, когда они вошли. Вэл не сводила глаз с грифельно-серой плитки и пыталась сосредоточиться на дыхании. Гэвин выбрал лифт. Она подскочила, когда двери закрылись, и услышала, как он тихо рассмеялся.

Дверь распахнулась со скрипом, который заставил ее подпрыгнуть. Когда он закрыл дверь за собой, она почувствовала себя так, словно он отрубил ей конечность. Гэвин подошел к своей кровати и сел на край. Он скинул ботинки. Она настороженно наблюдала за ним. Он был одет. Это хорошо. Вэл подумала, что могла бы посмотреть на него, если бы он оставался одет. Но у нее не было возможности показать свою мизерную попытку проявить силу.

— Закрой дверь.

Вэл сглотнула и закрыла замок.

— Иди сюда.

Она остановилась в фуге от него, отказываясь позволить обмануть себя. Гэвин посмотрел на нее сквозь полуприкрытые глаза, мимолетным взглядом, который, тем не менее, заставил ее почувствовать себя униженной.

— На тебе нет твоего ожерелья.

Ей потребовалось мгновение, чтобы вспомнить. Она провела пальцами по горлу.

— Я спала.

— Я не помню, чтобы давал тебе разрешение снять его.

— Но...

— Ты никогда его не снимаешь, — заявил он. — Никогда. А теперь раздевайся.

Ее глаза широко распахнулись:

— Что?

— Твоя одежда. Сними ее.

***

После она лежала онемевшая, измученная и не в силах пошевелиться.

— Ты сдерживалась. — Вэл повернула голову на подушке, чтобы посмотреть на него.

Он все еще был полностью одет, в то время как она была обнажена. Она чувствовала это неравенство так же сильно, как клеймо. Это заставило ее потянуться к простыням. Он оттолкнул ее руку. — Со мной ты ничего не скроешь.

Она кивнула.

— Ничего. — Он слизнул последнюю каплю вина с ее горла, его язык все еще был холодным от льда. Когда Гэвин поцеловал ее, она почувствовала его вкус, и себя, и вино на его языке. Он обхватил ладонью ее грудь, слегка сжимая. — Это ясно?

— Да.

— Смотри, чтобы ты снова не забыла. — Не отводя взгляда, он вытащил один из тающих кусочков льда из ведерка рядом с кроватью и поднес его к губам. Она слышала, как он раскусил его. — Или я напомню тебе.

Прижавшись ртом к ее завиткам, он выплюнул лед и запечатлел поцелуй, который был одновременно горячим и холодным между ее ног. Ее мышцы напряглись, и Вэл тут же попыталась выпрямиться, но его крепкая хватка удерживала ее ноги раздвинутыми, когда он провел своим ледяным языком по гребню сплетенных нервов, отчего у нее перед глазами вспыхнули искры, а конечности превратились в желе.

Он очень хорошо умел ранить ее. Иногда ему даже не нужно было разрывать кожу.

Вэл кончила с мягким, пронзительным звуком, который был наполовину всхлипом, наполовину рыданием. Обычно это заставляло его останавливаться, но он продолжил эту медленную методичную пытку, разжижая ее внутренности, укорачивая дыхание. Ее пальцы, как когти, вцепились в простыни. Каждый раз, она была уверена, маленькая часть ее умирала. Она попыталась произнести его имя, но слова тоже стали крючками, которые затягивали ее горло леской, одновременно душа ее и проливая кровь.

Когда она подумала, что больше не сможет этого выносить, Гэвин отстранился. Он наблюдал, как ее мокрое от пота тело дрожит от толчков, которые были его делом, и облизал пальцы. Затем, погладив ее по щеке той же рукой, чтобы заставить вздрогнуть, он сказал:

— Приведи себя в порядок.

Он никогда раньше не предлагал. Ему нравилось отправлять ее домой такой, какая она

есть, с остатками его прикосновений, покрывающими ее, как тонкий слой грязи. Она ненавидела то, как постыдно это заставляло ее чувствовать себя. Вспомнив, Вэл поколебалась всего мгновение, прежде чем исчезнуть в ванной.

Если он задумал что-то ужасное, она не заметила, а с его предусмотрительностью было бессмысленно пытаться избежать этого в любом случае. По крайней мере, вода была теплой и можно смыть с себя его прикосновения. Это она может сделать. Но мыло было его, принадлежало ему, холодное, вязкое и пахнущее сандаловым деревом.

Она задрожала от отвращения.

Когда Вэл вышла из ванной, завернутая только в полотенце, обнаружила, что Гэвин воспользовался возможностью избавиться от ее одежды, не оставив ей выбора. Вынуждая надеть то, что он принес для нее. Казалось, он молча смеялся над ней, когда шел в ванную, чтобы побриться, оставив ее одну, чтобы она могла одеться, быстро.

«Надеюсь, он перережет себе горло, — подумала она, натягивая джинсы. — Я надеюсь, что он перережет одну из вен. Что кровь забрызжет зеркало, стены и все остальное. Я надеюсь, что он умрет».

Белая майка была облегающей, обтягивающей и с глубоким вырезом. Он купил к ней темно-зеленый кардиган, который на ощупь был похож на кашемир и, вероятно, таковым и был. Наряд смотрелся хорошо — конечно, так оно и было, у него был наметан глаз на цвет, — а зеленый свитер идеально подходил к ее глазам.

— Это настоящая шерсть.

Он появился в зеркале позади нее, теперь обнаженный по пояс. Гэвин предпочитал бриться раздетым, чтобы не капать пеной на рубашку. Его щетина была укрощена до модной тени вокруг подбородка и рта. От него пахло сандаловым мылом, и оно было еще более свежим.

— Волк в овечьей шкуре, — пробормотала она.

— Ты — многое, моя дорогая, но не волк. — Она немного вздрогнула, когда он скользнул руками под ее руки, обхватывая живот, когда обнял ее сзади, как любовник. Кем, как она с тошнотой осознала, он и был. — И не ягненок тоже, — рассеянно проговорил он.

— Тогда кто?

— Хм?

— Кто я?

— Возможно, лиса. Да. Они хищники, на которых охотятся как человек, так и волк. И они тоже черные, — он заправил ей волосы за ухо, поглаживая кожу под ними подушечкой большого пальца, — и белые, — он наклонился, так что последнее слово было едва слышным мурлыканьем, — и рыжие.

Она покраснела, и его смех прокатился по ее спине. Гэвин выглядел нормальным, когда смеялся. Почти. Да, смех смягчил его лицо и согрел глаза. Но это лишь иллюзия, как и многое другое.

— А как насчет моей подсказки?

— Спаситель.

Это все? Это подсказка, которую она должна использовать, чтобы решить головоломку, которая спасла бы жизнь?

Ради этого она трудилась?

Она почувствовала, как он улыбнулся ей в шею.

— Увидимся через три дня, моя лисичка.

Глава 15

Рододендрон

Общежитие пустовало, когда Вэл вернулась, к ее большому облегчению. Было около семь часов вечера, если Мэри отсутствовала достаточно долго, она могла попытаться выдать свое отсутствие за экскурсию в центр города. За покупками, может быть... или в ресторан. Не то чтобы Мэри ей поверила.

(Ты всегда здесь, когда я прихожу домой, если только ты не на занятиях, а потом просто возвращаешься. Ты никогда никуда не ходишь.)

Люди притворялись, что они заботятся о ней, но в конце концов все сводилось к самосохранению. О чистом альтруизме ходили легенды. Даже если люди помогали, это все равно было вызвано личными мотивами, потому что в глубине души заставляло их чувствовать себя хорошо.

Мысли о Мэри и ее попытках «помочь» наполнили Вэл печальной, беспомощной яростью. Она не хотела быть проектом или объектом сочувствия. Она просто хотела, чтобы ее оставили в покое. Чего она хотела, так это дружеского одиночества. И ты, Брут?

Просто заниматься своими делами. Достаточно сухо. Прагматично. Мэри должна смириться с этим. Вэл надеялась, что ее соседка смирится рано или поздно. Она не вынесла бы еще одного вмешательства.

«Если мне приходится так усердно притворяться нормальной, что это делает со мной?»

Глупый вопрос. Урода, очевидно.

Именно в этот момент зазвонил ее сотовый телефон. У этой ужасной вещи, казалось, было сверхъестественное чувство, умение заставить ее с опущенной головой. Она со страхом посмотрела на дисплей, но это был не номер Лизы. Номер ей незнаком. Это ничего не значило, и не означало, что звонил не он.

Она вздохнула.

— Алло?

— Я знаю, что ты одна.

Эти слова походили на что-то из фильма ужасов с рейтингом «Б».

Не Гэвин.

Наверное, какой-нибудь старый извращенец.

Но ее рука дрожала. Та самая вещь, которая ускользала от показа в фильмах ужасов. В реальной жизни все было намного страшнее.

— Отвали, — сказала она.

— Это такой способ поприветствовать старого друга Валериэн?

Вэл застыла.

— Кто это? Откуда у тебя мой номер?

— Я тот человек, который собирается убить тебя... и это все, что тебе нужно знать.

Мир замер на месте.

— Что?

Раздался короткий звук, который мог быть смехом.

— Ты слышала.

А потом линия отключилась.

***

— Алекс, я серьезно. Этой девушке нужны друзья. Не просто парень, а настоящие друзья.

— А ты кто? Пустое место?

По телевизору шел фильм Хичкока, но ни Алекс, ни Мэри его не смотрели. Мэри потянула за один из своих браслетов, играя с эластичным пластиковым материалом.

— Я думаю, что я ее единственный друг.

Алекс покачал головой.

— Это колледж, Мар. Если у нее нет друзей, то на это есть чертовски веская причина. Она ненормальная.

— Это ужасно, то что ты говоришь!

— Но это правда. Разве ты не говорила, что она практически никогда не выходит из своей комнаты? Это довольно хреново на самом деле. А потом что случилось с Джейдом? Она что, отморозила ему член этим представлением ледяной королевы?

— Я давно ничего о нем не слышала, — солгала Мэри.

— Я не удивлен.

— Джейд не такой.

— Ты бредишь.

Алекс не жил с Вэл. Он не мог видеть, как она все время выглядела, как будто мир вокруг нее приближался к концу, и она была бессильна остановить это.

— Она так несчастна.

— Ну так отправьте ее к психиатру.

— Я не думаю, что ей это понравится.

— Сумасшедшие люди никогда не думают, что они сумасшедшие. Доказательство того, что она совершенно не в себе.

— Может быть, нам стоит устроить еще одну вечеринку.

— Господи Иисусе. Еще одну? Я до сих пор убираю пивные банки с последней.

Мэри многозначительно посмотрела на его комнату, которое он делил с тремя другими мальчиками.

— Я не вижу особой разницы.

— Не моя вина, что эти дровичлы не могут найти чертову мусорную корзину. — Алекс откинул назад свои светлые волосы, так что маленький бриллиантовый гвоздик засветился.

— Послушай, я подумаю об этом, хорошо?

Он наклонился, и Мэри оттолкнула его.

— Я думала об этой пятнице.

— Разве никто не вызвал полицию в последний раз?

— Не наши.

— Тебя не беспокоят наркотики?

— Это будет небольшая вечеринка.

— Нет такого понятия, как маленькая вечеринка. — Он заключил слова в воздушные кавычки, на случай, если было недостаточно ясно, что он насмеяется над ней.

— Мы можем устроить ее в твоей комнате, раз ты так беспокоишься о нашей.

— Почему ты так настаиваешь на этом?

— Потому что я беспокоюсь о Вэл. Я уже говорила тебе, что она проводит слишком много времени в одиночестве. Это последнее, что ей следует делать прямо сейчас, особенно

когда она выглядит такой подавленной.

Поведение Вэл раздражало Мэри. Вэл всегда была рядом, такая же постоянная вещь в комнате, как кровать или лампа. Рассеянно уставившись в пространство с этим взглядом висельника. Неважно, что Мэри иногда хотелось побыть одной. Что у нее были моменты, когда она тоже была расстроена, но ей приходилось сдерживаться и ходить на цыпочках вокруг Вэл, чтобы не расстраивать ее еще больше.

И да, Мэри тоже немного волновалась. Кто мог сказать, что Вэл не была сумасшедшей? Что однажды она не сорвется и не откроет огонь, превратив Университет Халкиона в еще один Колумбайн или Вирджинскую технологическую школу?

Она определенно подходила под описание такого спятившего стрелка.

По крайней мере, если бы Вэл была вне общежития, занималась делами, жила своей жизнью, у Мэри было бы меньше шансов быть рядом с ней, когда все неизбежно полетит к чертям. Алекс вздохнул, но так что стало понятно, что он смирился с этой затеей, поэтому Мэри бросилась закреплять успех.

— Ты знаешь кого-нибудь, кого было бы хорошо пригласить?

— Черт, не знаю. Может быть, Брайан Мерфи. Или Вэнс Бенвенист.

— Бенвенист? Звучит знакомо — разве он не ходит в колледж?

— Я так не думаю. Но он настоящий тусовщик. У него своя квартира и все такое.

— Он же не какой-нибудь старый чувак? — Мэри сморщила нос. — Как он выглядит?

— Не знаю. Я не педик. Я не замечаю этого дерьма.

— Как он выглядит? — повторила Мэри. — У него есть лицо?

— Боже, ты такая... — он покачал головой, — высокий, темные волосы, глаза какого-то цвета... может быть, голубые.

— Он симпатичный?

— У него есть сестра. Вот она симпатичная.

— Хорошо. Пригласи его... и ее тоже, — неохотно согласилась она. — Они звучат идеально.

***

Вэл пыталась делать заметки, но голос профессора то появлялся, то пропадал из фокуса. Она боялась, что кто-нибудь заметит то, что казалось ей до боли очевидным. Что это было запечатлено в каждом вздохе, в каждом движении, в каждой клеточке ее существа. Всякий раз, когда пара глаз обращалась в ее сторону, ее тело готовилось к обвинению, пока они не двигались дальше. Затем она с облегчением выдыхала только для того, чтобы все начиналось заново.

«Никто не смотрит на тебя».

Нет, это не совсем так. Профессор смотрел.

— Как вы думаете, мистер Уинтерс, не могли бы вы приберечь свое прослушивание музыки для другого раза? Я верю, что учеба оставляет время для этого занятия. А пока, пожалуйста, воздержитесь от использования наушников во время моих лекций.

Он смотрел ей за спину. Вэл вздохнула с облегчением.

— В руководстве по психическим расстройствам описаны десять расстройств личности, сгруппированные в три группы, — начал лекцию профессор Хендрикс.

У него был монотонный голос, вероятно, из-за его возраста, и, хотя урок был интересным, он усыпил многих студентов. Его глаза блуждали, выискивая еще одну жертву в студенте, достаточно глупом, чтобы быстро вздремнуть или перекусить из пакета с чипсами.

Вэл усталилась в свой учебник. В правом углу она нарисовала сетку, подозрительно похожую на шахматную доску. Она виновато стерла ее.

«О чем ты думаешь?»

Профессор Хендрикс щелкнул пультом дистанционного управления, и проектор переключился на слайд с масками Комедии и Трагедии. Поверх масок были слова «Кластер Б», написанные готическим шрифтом.

— Сегодня мы сосредоточимся на расстройствах личности, поведение которых классифицируется как драматическое, эмоциональное и неустойчивое. Существует множество симптомов, некоторые из которых вы можете распознать в себе, но я настоятельно не советую пока регистрироваться в ближайшем медучреждении...

Несколько человек услужливо рассмеялись. Вэл, думая о своей собственной запутанной психической истории, хранила напряженное молчание.

— Сначала мы рассмотрим пограничное расстройство личности. Люди, страдающие пограничным расстройством личности, часто сообщают о чувстве внутренней пустоты. Это, как если бы они были эмоциональной чашей, которую никогда нельзя наполнить полностью, как бы они ни старались.

У них напряженные отношения, которые, как правило, очень черно-белые. Исключительно «все или ничего». Все, что меньше абсолютной преданности, — это чистая ненависть. Здесь нет середины, нет серых зон.

— Похоже на мою бывшую девушку, — пробормотал один из парней позади Вэл, вызвав смех своих друзей.

— Извините, но я, кажется, совершенно ясно дал понять, что этот лекционный материал не предназначен для постановки диагнозов, мистер Чемманур.

Парень пробормотал наполовину убедительные извинения. Профессор Хендрикс коротко кивнул и продолжил обсуждать театральные и нарциссические расстройства личности, делая паузу, чтобы указать на множество сходств между ними и на то, как их различать.

Это было в учебнике. Она смотрела его, выделив соответствующую информацию. Дважды.

— Скольких из вас когда-либо называли антисоциальными?

Ткань зашуршала, когда несколько студентов подняли руки. Вэл держала свой между бедер.

— Так я и думал. — Он прочистил горло. — Правильный термин для вас, люди, которые, я полагаю, просто застенчивы, на самом деле асоциальны — то есть кто-то, кто равнодушен к обществу или существует отдельно от него. Это человек, который проводит много времени в одиночестве, занимаясь уединенной деятельностью. Такие черты, как правило, считаются относительно нормальными на обширном континууме, включающем человеческое поведение.

— Антисоциальное поведение состоит из заметно отличающихся поведенческих моделей. Часто преступно, хотя и не всегда. Такие люди могут быть неискренними, эгоистичными, патологически корыстными. Кто-то антисоциальный может вообще не быть застенчивым. Совсем наоборот. Многие антисоциальные личности на первый взгляд кажутся очень общительными и очаровательными. Они также, как правило, довольно успешны с противоположным полом.

Однако антисоциальная личность — это не тот, кого вы захотели бы видеть в качестве

романтического партнера или супруга. Это человек, который без колебаний идет против общественных норм, чтобы сохранить свои собственные интересы. Для них другие люди — просто средство для достижения цели. Этим людям не хватает сочувствия и истинного чувства совести — по крайней мере, в том смысле, в каком мы это понимаем. Возможно, вы знакомы с термином «социопат». Это устаревший термин, но он относится к этому диагнозу.

Симптомы антисоциального расстройства личности включают патологическую ложь, нарциссизм, поверхностные отношения, импульсивность, стремление к острым ощущениям или рискованное поведение, распущенность, глубокое отсутствие сочувствия и пренебрежение к собственной личной безопасности и безопасности других, в дополнение к социальным нормам, как я упоминал ранее.

Учитывая эти черты, вас, возможно, не удивит, что у многих преступников часто диагностируется антисоциальное расстройство личности. Действительно, наибольшая доля насильственных преступлений совершается относительно небольшим процентом лиц, в основном страдающих антисоциальным расстройством личности... да? У вас вопрос?

Вэл услышала, как женский голос спросил:

— У какого процента людей в нормально функционирующем обществе это есть?

— Что такое норма? — криво усмехнулся профессор.

Девушка-студентка покраснела.

— Просто нужно это понимать. Отвечая на ваш вопрос, один процент. — Профессор Хендрикс улыбнулся. — Однако, как и в случае большинства психических расстройств, тяжесть симптомов существует в непрерывном масштабе.

На самом деле очень интересно, что вы выбрали термин «нормальное общество», поскольку это правда, что многие социопаты способны имитировать социально приемлемое поведение и функционировать в обществе, даже имея работу, посещая религиозные службы и создавая семьи.

Антисоциальные личности для нас загадка. Трудно понять стиль восприятия, настолько отличный от нашего собственного. Мы так мало знаем о так называемом нормальном мозге... — Он замолчал. — Из того, что мы знаем о нейроанатомии, у людей с антисоциальным расстройством личности, по-видимому, меньше нейронных связей в лимбической системе и лобных долях, областях мозга, которые в основном отвечают за эмоции и исполнительные функции соответственно. У них также подавлена нервная система. Они, как правило, легко поддерживают длительный зрительный контакт без чувства тревоги или дискомфорта, которые обычно проявляют другие. При воздействии громких и внезапных раздражителей реакция испуга часто отсутствует.

Эмоции для них — тайна. Загадка, если хотите. Многие из них становятся искусными имитаторами, но их исполнение часто бывает, ну, бездушным.

Он включил слайды.

— Реабилитация часто оказывается безуспешной из-за этой мимики. Люди с антисоциальным расстройством личности часто являются внимательными наблюдателями и будут говорить и действовать так, как желает их терапевт. Печальная правда заключается в том, что попытки «вылечить» человека часто просто приводят к тому, что он становится лучшим лжецом.

Вэл посмотрела на экран.

Там был человек, где-то в заточении. Может быть, в тюремной камере. Его проколотые

губы растянулись в слегка сардонической улыбке. Однако больше всего ее беспокоили глаза. Они были холодного темно-синего цвета, лишённые каких-либо ощутимых человеческих эмоций, смотрели так, словно пытались проникнуть сквозь объектив камеры в самые сокровенные мысли наблюдателя с другой стороны.

Ей вспомнилась фотография Гэвина, которую она видела в школе. Он держал арбалет так, словно собирался выстрелить из него в фотографа ежегодника. У Гэвина такие же глаза. Она прикусила губу. Длительный зрительный контакт. Да, так оно и было. У него была манера смотреть на людей свысока.

В тот момент, когда эта мысль пришла ей в голову, она поняла, что никогда этого не забудет, и это простое осознание разорвало ее внутренности в клочья.

Глава 16

Липовый цвет.

Вэл проснулась вся в поту.

Только не снова.

Еще один ужасный кошмар. Она схватилась за передний край своей майки, ожидая, что почувствует, как густая застывающая кровь из ее сна стекает по груди. Ее взгляд метнулся к пустой кровати Мэри, и поднялась паника.

Где Мэри? Сколько сейчас? 12:15? Три часа до психопатологии. Она проспала больше половины дня. Снова.

Вэл поднялась на ноги и поморщилась, когда боль пронзила ее затылок.

Переспала.

Она схватила резинку для волос, собрала волосы в беспорядочный хвост и стала искать, что надеть. Одежда была разбросана по всему полу, в основном на той стороне комнаты, где жила Мэри. Вэл бросила кое-что из одежды на кровать Мэри и сдалась. У нее нет сил убираться. У нее нет сил что-либо делать.

Она все еще была напугана той последней лекцией. Преступником с глазами Гэвина.

Мэри установила кофеварку в ванной. В кувшине были остатки варева, приготовленного на прошлой неделе. Вэл с отвращением бормотала, соскребая заплесневелые остатки в раковину ванной. Она тоже была неряхой, но не настолько чтобы выращивать плесень.

Когда она мылась, то случайно заметила свое отражение в зеркале ванной. Еще больше прыщей появилось на ее щеках и лбу под веснушками, гораздо более заметных из-за ее белоснежного цвета лица. Волосы, жидкие и жирные от ночного пота. Она могла разглядеть сеть вен на своем лице, серо-зеленых под кожей, темно-фиолетовых на веках. Более темные тени под глазами.

Она выглядела ужасно. Не так ужасно, как ей следовало бы — не так, как если бы весь ее мир разлетелся на куски, острые, как бритвы, — но тем не менее ужасно.

Стоит накраситься. Ей придется это сделать, если она планирует покинуть комнату. Не то чтобы это имело значение. Ей не на кого было производить впечатление.

Вэл закончила наполнять чистый кувшин для кофе водой и закрыла кран. Как только кофе начал завариваться, она почувствовала себя немного бодрее. Пьянящий запах эфиопского варева был теплым и домашним. Это была та же марка, к которой был равнодушен ее отец.

Резкий стук в дверь неприятно вывел ее из оцепенения, вызванного кофе, и тоскливых

мыслей о доме.

«Мэри, почему ты никогда не берешь свой ключ?» — Вэл покачала головой.

— Почему ты не убрала...

Она замерла. В дверном проеме стояла Мэри, а Гэвин.

Ему удалось проскользнуть внутрь до того, как она успела захлопнуть дверь, закрыв ее с тяжелым стуком, от которого задрожали все окна вверх и вниз по коридору, когда он прислонился к ней спиной. Небрежно он наклонился, чтобы закрыть защелку. Она сжала руки в кулаки.

— Убирайся... убирайся или я закричу.

Его взгляд скользнул по ее рукам, прежде чем по-кошачьи прищуриться от веселья.

— Я уверен, что ты это сделаешь.

Она отбросила его руку в сторону с такой силой, что у нее защемило пальцы.

— Ты не можешь прикасаться ко мне.

— Это факт.

Она отступила на шаг, когда он оттолкнулся от двери, и почувствовала, как ее охватывает паника от того, что она проявила такую слабость.

— Не... не прошло трех дней, — выдавила она, стараясь не поникнуть, когда он сократил расстояние между ними.

— И правда не прошло. Но давай вернемся к этому когда наступит время, ладно?

— Что ты... чего ты тогда хочешь?

— Похоже, у нас появилось нежелательное дополнение к нашей маленькой игре.

Громкий булькающий звук заставил их обоих посмотреть в сторону. Вэл убежала в ванную, чтобы выключить кофеварку, но обнаружила Гэвина за дверью.

— Я никому не говорила.

— Знаю.

Ей потребовалось мгновение, чтобы догадаться.

— Он тебе тоже звонил?

— Да. — Он пристально изучал ее комнату. — Желтые розы. Как уместно.

— Это мой любимый цвет, — отрезала она.

— И как хорошо он тебе подходит, моя маленькая негодница.

Его губы прильнули к ее губам, и его рот был горячим и сладким, когда он запустил пальцы в ее волосы, чтобы высвободить их из конского хвоста. Она почувствовала, как спутанные пряди упали ей на плечи, неприятно щекоча. Он целовал ее до тех пор, пока у нее не кончился воздух, и она отстранилась, хватая ртом кислород, которого не существовало.

— Моя соседка скоро вернется.

— Мы быстро.

Он стянул с ее плеч халат, позволив ему упасть на пол. Положил руки ей на плечи и что-то прошептал на ухо. Рассмеялся, когда она напряглась, небрежно сдвинув бретельки майки вниз, чтобы обнажить верхнюю часть груди, и промурлыкал:

— Такая простая просьба.

— Я сказала нет.

— Мне не отказывают. — Он опустил ее майку ниже и поцеловал верхнюю губу. — Конечно, ты делала это раньше.

Вэл ничего не сказала.

— Раздень меня. — Он прижал ее руки к своей рубашке, прежде чем поцеловать.

Провел руками по ее бокам, вниз по ягодицам. Скользнул под штанину ее шорт и издал довольный звук, когда его рубашка распахнулась, а ее грудь потерлась о его обнаженный торс.

— Сейчас. — Он вынул руку из ее шорт и взял ее правую руку. Другая его рука теперь была у основания ее позвоночника, удерживая Вэл на месте. Гэвин провел ее пальцами по своей груди, по верху джинсов, в конце концов остановившись на его выпирающей ширинке. Он сильно надавил на ее руку, и она почувствовала, как член пульсирует внутри джинсовой ткани. — Расстегни молнию.

И он слегка впился пальцами в основание ее позвоночника, поймал ее нижнюю губу зубами и пососал, прежде чем повернуть голову и погрузить язык ей в рот. Гэвин выдохнул ей в рот, когда она расстегнула застегжку, и почувствовала упругие волосы и горячую кожу, прежде чем отдернуть руку, как будто она обожглась. Он прошипел ей на ухо:

— На колени.

Он толкнул ее вниз, прежде чем она успела осознать команду, и приподнял ее голову за подбородок. Вэл поймала себя на мысли, что он кажется намного выше с пола.

Она вспомнила оранжерею, когда Чарли угрожала ей кочергой и он в последний момент вмешался, чтобы убить брюнетку.

Тогда он тоже казался невероятно высоким.

Гэвин сжимал ее челюсть, пока она не открыла рот, а затем вытащил свой член. Его эрегированный пенис приподнялся, порозовел и покрылся пурпурными венами. Он набухал под ее испуганным взглядом, и Гэвин ловко провел рукой вдоль ствола, чтобы погладить цветущий кончик большим пальцем.

— Я часто мечтал об этом. У тебя такой рот, который вдохновляет на фантазии поэтов.

Вэл зажмурилась и почувствовала, как тепло разлилось от его тела, когда он подошел ближе. Кончик ее носа задел его шершавое достоинство.

— Открой глаза. Я хочу, чтобы ты смотрела.

Он отпустил ее челюсть, позволив своим пальцам запутаться в ее волосах, когда протиснулся мимо ее губ. Другая его рука лежала на ее плече, сжимая его. А потом она услышала, как он застонал, и что-то застряло у нее в горле. Она чуть не подавилась, и он впился пальцами сильнее, поранив ее ключицу.

Вэл заставила себя дышать через нос. Она чувствовала, как ее нежная кожа натирается, растрескивается на холодном сухом воздухе от многократного трения. Время от времени он хрюкал, обычно совершая еще один из тех особенно глубоких и болезненных толчков, от которых у нее в надгортаннике появлялось ощущение синяка.

Как раз в тот момент, когда она подумала, что ее лицо может расколоться или что ее может стошнить по-настоящему, он отстранился, и она почувствовала, как теплая липкость брызнула ей на грудь. Густая, белая, молочная, вязкая.

Ее живот скрутило. Она хотела посмотреть на него, но не могла встретиться с ним взглядом. Не так, как сейчас, с бретельками ее топа, трогательно болтающимися вокруг локтей, полуобнаженная и покрытая его семенем.

— Моя подсказка, — пробормотала она.

— Посмотри мне в глаза и скажи.

— Пожалуйста...

— Посмотри на меня.

Она так и сделала, и тут же пожалела об этом.

— Мне нужна моя подсказка.

— Я хочу, чтобы ты попробовала меня на вкус.

Вэл сначала не поняла, а потом сообразила, и ее желудок страшно сжался.

— Что?

Он взял ее за руку, вытянув указательный палец. Провел им по ее груди, поймав одну молочную каплю, и поднес ее руку ко рту.

— Слижи все это, и я дам тебе то, что ты хочешь.

Она подавила рыдание. Закрыла глаза. Высунула язык и сглотнула, потому что лучше было покончить с этим быстро и сразу, чем позволить его солоно-сладкому вкусу задержаться у нее во рту.

Ее горло сжалось, и она почувствовала, как слюна залила ее рот. Он провел подушечкой большого пальца по ее нижней губе.

— Такая послушная, — похвалил он. — Даже в грязи ты остаешься розой.

— Пожалуйста, — всхлипнула она.

— Да, — задумчиво произнес он. — Полагаю, ты это заслужила. Очень хорошо. Твоя подсказка — грех.

— Кого ты убил?

Уходя, он покачал головой. У нее было такое чувство, что он смеется над ней, как будто знал, что она побежит в душ, как только он уйдет. Потому что именно это она и сделала.

***

Вэл никогда не была суеверной, но мягкой полной луны, заливавшей комнату голубоватым сюрреалистическим светом, было почти достаточно, чтобы заставить ее поверить в призраков.

Она слышала слабое тиканье часов и, еще более слабый, звук телевизора в одной из других комнат общежития. Ей казалось, что она переживает один из своих ночных кошмаров — и, возможно, так оно и было. В конце концов, они основывались на жизни.

Света луны было достаточно, чтобы видеть, и, украдкой взглянув на свою спящую соседку по комнате, Вэл вытащила из-под кровати футляр с ноутбуком. Он царапнул край ее кровати, и ее сердце остановилось, когда Мэри застонала, переворачиваясь на бок. Вэл не столько боялась разбудить Мэри, сколько боялась, что Мэри захочет узнать, что она делает в такой час.

Экран мигнул, окутав ее ярким белым сиянием. Она отсоединила шнур питания, позволив экрану потускнеть, когда он вернулся к заряду батареи.

Она должна знать, причиной чьей смерть стала. Она должна знать, кто еще на ее совести. То, что она должна чувствовать вину, было необходимо. Это ее бремя, которое она должна нести так же постоянно, как Атлас — держать мир на своих плечах.

Она набрала «Дерринджер» и «убийство», молясь, чтобы не нашлось совпадений. Она была разочарована. Нэнси Рамирес убита дома.

Вэл почувствовала одновременно ужас, замешательство и оцепенение, пронзенные холодной стрелой облегчения. Имя было ей незнакомо, и нет никаких шансов, что она была ученицей школы Дерринджера — во всяком случае, не недавней, — так как в статье указывалось, что ей двадцать девять лет. Так кем же была Нэнси Рамирес?

Может быть, это совпадение.

Она не могла поверить, что так бессердечна по поводу смерти женщины. Но с другой стороны, она не понаслышке знакома со смертью. Она встречалась с ним лично каждый

третий день.

Она продолжала пролистывать статью. Внизу была фотография. Женщина, как ни странно, действительно выглядела знакомой, и еще один поиск быстро рассказал Вэл все, что ей нужно было знать. Нэнси Рамирес работала в больнице скорой медицинской помощи Дерринджера.

Она была тем самым фельдшером, которая год назад спасла Вэл от утопления.

Спаситель.

Все это имело совершенный, ужасный смысл. Кто тогда грех?

Глава 17

Бегония

Вэл оперлась локтями на импровизированную стойку бара. В комнате Алекса на этот раз было чисто, свет приглушен, вся большая мебель придвинута к стене, чтобы создать пространство для танцпола. Мэри не соврала, на этот раз людей было меньше, и все они смешались в небольшие группы.

Она прикусила внутреннюю сторону щеки. Джейда не было. Она не ожидала, что он придет, но осознание этих мрачных ожиданий только ухудшило ее самочувствие. Часть ее — глупо оптимистичная часть — надеялась увидеть его веселое веснушчатое лицо.

Ладно. Не такое веселое. По крайней мере, не в последний раз, когда она видела его. Он не связывался с ней уже несколько дней, и она почти перестала надеяться увидеть или услышать его снова.

Она обманула его, использовала, хотя сама так ненавидела, когда ее использовали. И, честно говоря, она не жалела об этом. Пребывание с ним заставило ее забыть о своих проблемах.

Она покрутила кольцо на пальце. На внутренней стороне были начертаны слова «Я все преодолею». Если бы только это было правдой. Она даже не могла подавить свой дискомфорт.

Часть неудобства вызывала одежда, которую была на ней. Мэри отказалась позволить ей надеть джинсы. Она достала обтягивающую черную юбку и топ с золотым кружевом, оба новые и подходящие для нее по размеру, а затем удалилась, прежде чем Вэл успела спросить, когда у нее было время приобрести эти вещи.

Вэл поймала себя на мысли, что размышляет, не украли ли их Мэри, поскольку ни у кого из них не было денег, чтобы потратить на новую одежду. Затем Вэл задалась вопросом, не расистка ли она, раз думала об этом, и были ли бы такие мысли у нее вообще, если бы Мэри была белой.

У нее разболелась голова после первых десяти минут таких размышлений, и с тех пор прошло по меньшей мере полчаса, и теперь у нее болели живот и голова, и она чувствовала себя больной, несчастной и усталой.

— Привет.

Парень скользнул на сиденье рядом с ней. На нем была обтягивающая серая рубашка и джинсы. Не худой, но и не перекаченный. Очевидно, он много тренировался. На его бицепсе была татуировка, а нижняя губа оказалась проколота.

Вэл даже не нужно было смотреть вниз, чтобы понять, что на нем, вероятно, дорогие дизайнерские кроссовки. Отлично, подумала она, еще один клон Алекса.

— Эй, Зеленоглазка. Я с тобой разговариваю.

— Мое имя не Зеленоглазка, — сказала она сухо, — я — Вэл.

Он протянул руку. На пальце она заметила школьный перстень, но не могла разглядеть школу.

— Вэнс.

Вэл отвернулась, оставив его в подвешенном состоянии.

— Не знакомишься? — Он закатил глаза и наклонился, чтобы взять пиво.

Вэл продолжала потягивать содовую, чувствуя на себе его взгляд.

— На что уставился?

— На твое ожерелье.

Ее банка из-под содовой издала отчетливый скрежещущий звук.

— Ты знаешь, что это такое? Это рабский ошейник. Означает, что ты получаешь удовольствие от того, что над тобой доминируют.

Вэл резко повернула голову, чтобы посмотреть на него.

— Что?

— Ага. Видишь? Здесь прикрепляется поводок.

Она сжала пальцы вокруг серебра, когда он указал на странное кольцо в дизайне, которое привлекло и ее внимание. Вэл стиснула зубы и отвела взгляд.

— Очень смешно.

— У тебя есть парень?

— Нет. — Она отстранилась от него и чуть не упала со стула. — Я имею в виду, да. Я не...

— Как так? — Он одарил ее холодной улыбкой. — Это не может быть и то, и другое одновременно.

Вэл разочарованно фыркнула и двинулась, чтобы уйти. Он схватил ее за запястье, прежде чем она смогла успешно отстраниться.

— Не так быстро, Зеленоглазка. Разве я сказал, что ты можешь уйти?

— Убери от меня свои руки.

— Ты бы ведь не хотела обижать свою подругу. — Он кивнул в сторону комнаты. — Тебя со мной сводят.

Она обнаружила Мэри в дальнем углу комнаты, разговаривающую с Алексом. Наблюдающую за ней. Вэл так крепко сжала свою банку, что она выскользнула у нее из рук и покатился по столу.

— Меня это не интересует.

— Ну, на самом деле она сказала, что тебе нужен друг. — Он пожал плечами. — Никакой разницы.

— Нет, на самом деле есть.

— Для меня без разницы. Как насчет того, чтобы ты закрыла свой сексуальный ротик и потанцевала со мной?

— Отъ*бись.

— Только если ты будешь наблюдать. — Он потащил ее к танцполу, обхватив руками сзади за талию, чтобы заставить ее бедра раскачиваться в такт тяжелому ритму. — Тебе нравится смотреть?

Он отвратителен. Как Гэвин, только без обаяния.

— Я знаю таких как ты, — сказал он, скользя рукой вниз по ее бедру. — Снаружи

цветочки, конфетки, но внутри — кнуты и цепи.

— Ты не знаешь меня совсем, — заявила она.

— Но хочу.

— Нет, — отрезала Вэл.

Мэри сияла с другого конца комнаты.

— О, — проговорил он, проследив за ее взглядом. — Как мило. Она думает, что мы нравимся друг другу.

— Ты придурок.

— Ты и сама не подарок, — протянул он.

— Отпусти. Песня закончилась.

— Сначала выйди со мной на улицу.

— Я не хочу.

— Давай, будет весело.

«Как на похоронах».

Кто-то украсил крыльцо японскими фонариками. Только не Алекс. Он был неспособен на что-либо столь изысканное. Может быть, их повесила Мэри.

Вэнс коснулся одного из свисающих фонарей.

— Не видел ни одного из них с тех пор, как мне было семь лет, и я жил в Японии.

Если это должно было произвести на нее впечатление, то не сработало.

— Чего ты хочешь от меня?

— Тебя.

Единственное слово было таким же холодным, как вечерний ветерок, шелестящий листьями над их головами. Ее голова дернулась, и все ее тело, казалось, рефлекторно сжалось, как пружина.

— Почему?

Он прервал ее поцелуем, эффективно пресекая любые дальнейшие вопросы или протесты. Его руки скользнули под ее топ, и он издал низкий удовлетворенный звук, когда понял, что лифчика, препятствующего его продвижению, не было. Вэл вздрогнула от холода его пальцев, ощетинившись от возмущения, ужаса и горьких мучительных эмоций, которые она не могла определить и не хотела. Она отвесила ему пощечину... сильную.

Он потер щеку.

— Ты такая чертовски сексуальная. Боже мой. Что я могу сказать или сделать, чтобы затащить твою милую маленькую попку в мою постель сегодня вечером?

— Никогда больше не приближайся ко мне.

— Я люблю вызов.

Его слова прозвучали, так, как если бы их произнес Гэвин. Ей пришлось подавить дрожь.

— Это не вызов. Я не бросаю тебе вызов. Я не из тех, кого можно победить.

— Всех можно победить. Или купить.

Она толкнула его.

— Я сказала «нет». Оставь меня, черт возьми, в покое.

Она не осмелилась повернуться к нему спиной и поэтому направилась к дверям. Кожа на ее руках и лице покалывала в ответ на теплую комнату, когда она искала глазами подругу. Сквозь звуки играющей песни Вэл услышала скрип дверей позади себя и быстро проскользнула в одну из небольших толп, когда Вэнс вошел в комнату.

Он ее не увидел. А может и не искал? Она смотрела, как он устроился у бара и налил себе рома с колой. Через несколько минут он нашел другую девушку, на которую можно было охотиться.

Она выдавила дрожащую улыбку и повернулась к группе людей, которые теперь смотрели на нее так, словно не могли дождаться, когда она уйдет.

— Привет... эм, я ищу свою подругу. Вы ее видели? Смуглая кожа, черные волосы, тусуется с высоким блондином?

«Тусуется с высоким блондином?»

— Да. — Говорившая была девушкой с плохо выкрашенными волосами. — Она недавно ушла на кухню.

— Осторожно, — загадочно заметил один из парней.

***

Мэри сидела на столе в пустой кухне, обняв Алекса за шею. Они вдвоем целовались. Вэл ахнула и двинулась, чтобы уйти, как раз в тот момент, когда Мэри наконец посмотрела в ее сторону.

— Вэл... о боже мой, что ты делаешь здесь? Где Вэнс.

Алекс прислонился к столу.

— Я же говорил тебе, что она его отпугнет.

— Алекс!

— Я не отпугивала его. Он полный придурок.

Алекс закатил глаза. Вместо этого она посмотрела на Мэри.

— Это было ужасно. Он шантажом заставил меня танцевать с ним, а потом... попытался навязаться мне на улице.

— Он сделал что?

— Я думаю, он мог бы сделать больше, если бы я не оттолкнула его. Он засунул обе руки мне под топ.

Мэри тоже посмотрела на Алекса. Он вскинул руки, защищаясь.

— Прошло много времени с тех пор, как я общался с этим парнем. Он, наверное, пьян.

— Он не выглядел пьяным.

— Он твой друг. Ты должен знать, не превращается ли он в насильника по пьяни.

— Эй, я едва знаю этого парня. Я имею в виду, да, он иногда покупает выпивку, когда мы играем в бильярд.

— Ты сказал, что он твой друг!

— Да, собутыльник. Это не одно и то же. Боже, Мэри, в чем, черт возьми, твоя проблема? Это свидание вслепую, а не чертов брак по договоренности, черт возьми.

— Не для людей, которые это устраивают, ты, придурок! Ты даже не потрудился сначала поговорить с ним, не так ли?

— Я же сказал тебе, Мар. Он мой собутыльник. Господи, чего в этом не понятного?

Мэри покачала головой.

— Я не могу в это поверить. Алекс Кроуфорд, ты придурок.

Спасибо.

— Ты хочешь, чтобы я его выгнал?

— Нет, Алекс.

— Ты хочешь, чтобы я устроил чертову сцену? Это все? Вдавить его задницу в цемент?

— Я хочу, чтобы ты извинился перед Вэл.

Алекс потерял самообладание, как будто щелкнул выключатель.

— Детка, нет. Я не умею извиняться.

Фу. Он даже говорит «детка» — совсем как Вэнс.

Мэри осталась невозмутимой.

— Практика обычно помогает.

— Это была твоя идея, на случай, если ты забыла. Не похоже, что я сделал это нарочно.

Я имею в виду, что знаю не так много одиноких парней. И ей нравился Джейд. Я ничего не могу поделать, если она настоящая ледяная королева. Может быть, это тебе стоит извиниться перед Вэл, — добавил он, произнося ее имя как проклятие.

— Я ухожу, — сказала Вэл.

Мэри что-то крикнула ей вдогонку. Вэл не смогла разобрать из-за музыки, и ей было все равно, чтобы возвращаться и выяснить, что она сказала.

Когда она проходила мимо него, Вэнс поднял свой бокал в безмолвном тосте, его новая жертва была рядом с ним.

***

Глупая вечеринка.

По луне пробежала тень.

Глупая Мэри.

Здания отступили, превратившись в слабые, призрачные очертания, подсвеченные тусклым серебром.

Тупой Вэнс.

Вэл вздрогнула. Теперь она достаточно хорошо знала планировку кампуса, но внезапно почувствовала себя потерянной.

Глупый Джейд.

Может быть, ей следовало подождать Мэри, а не возвращаться одной.

Нет. Нет, она не ребенок. Она не нуждается в том, чтобы кто-то водил ее за руку.

Глупая Вэл.

«Слишком глупа, чтобы жить?»

Начался дождь. Сначала мягко, а затем более интенсивно.

— Черт, — прошипела она. Дождь был жидким льдом на ее обнаженных руках и спине. Она побежала. Воздух оказался достаточно холодным, чтобы от ее дыхания образовалось дрожащее облако тумана. Звук ее шагов, отдававшийся эхом по цементу, был единственным, не считая шороха листьев и тихого шипения дождя, когда она мчалась прочь от общежития.

Не обращая внимания на колеблющиеся тени, искаженные падающим дождем и клубящимися облаками, Вэл сосредоточилась на том, чтобы добраться домой. Сегодня так темно.

Она прошлась рукой по бедру и скользнула по юбке без карманов. У Мэри остался ключ от комнаты. Ее собственный пропал, без сомнения, затерявшись где-то в их комнате. Вэл снова выругалась, хлопнув руками по двери и желая, чтобы это было что-то живое, чтобы можно было передать часть ее боли.

«И я до сих пор не поняла, кто такой Грех». Вэл скользнула вперед, пока ее голова не прижалась к дереву.

— Ё=юДерьмо, — всхлипнула она.

— Что-то не так, дорогая?

Руки сомкнулись вокруг ее запястий, притягивая ее спиной к теплому, сильному телу.

Ей не нужно было оглядываться, чтобы понять, кто это. Она узнала его по запаху, по его фигуре и ощущениям.

— Боже, боже, боже... ты вся дрожишь.

Он наклонился вперед.

— И мокрая.

Ее глаза безучастно смотрели вперед. Если его одежда была сухой, это означало, что он не попал под ливень. Неужели он ждал ее все это время?

— Посмотри на себя. Какой вызывающий наряд.

— Почему ты здесь? — Его пальцы болезненно сжались вокруг ее запястий, и она ахнула: — Ох.

— Почему он прикасался к тебе?

— Ты был на вечеринке.

— Почему он прикасался к тебе, Вэл? — Он развернул ее, прижимая к двери. Крепко поцеловал, прикусив нижнюю губу, на секунду зажав ее между зубами, прежде чем опустить голову и прошипеть ей на ухо:

— Я больше не буду спрашивать.

— Я не позволяла ему, — слабо оправдывалась она. — Я не хотела, чтобы он это делал.

Он схватил ее за задницу через юбку. Она откинула голову назад, и он снова поцеловал ее, и этот поцелуй проник глубоко, как смерть, в ее кровь. Он снова сжал ее, его пальцы коснулись нижней части юбки. Иглы ощущения покалывали внутреннюю часть ее бедра.

— Это не то, о чем я спрашивал.

— Ты знаешь, чего он хотел. И ты знаешь, что это не моя вина. — Дрожь пробежала по ней от пристального взгляда его глаз. — Ты ревнуешь.

Холодная, жестокая ревность. У него был более мощный вариант огненной страсти, твердый, как мрамор, и покрытый сверкающей злобой. Он погладил нижнюю часть ее груди через топ.

— Так дерзко. Я не уверен, что мне нравится эта твоя сторона.

Вэл рассмеялась: яркий, пронзительный звук, полный безумия.

— Пошел ты.

— Да, тебе это нравится, не так ли? Когда я на тебе, внутри тебя. Держу под полным контролем. — Его хватка на ее талии натянула ткань, пока ее грудь не начала угрожать выскочить через вырез топа. Она услышала, как его дыхание немного участилось. — Что ж, возможно, твое желание исполнится.

Однако она дышала слишком тяжело, чтобы должным образом выразить свои жалобы, и его плотное, облегающее трение вызывало зуд, удовлетворяя муки желаний, о которых она даже не подозревала, пока он не завладел ее телом для своего пользования.

Его глаза встретились с ее.

— Поцелуй меня, — скомандовал он, и, хотя она была уверена, что ни один из них не пошевелился, внезапно их рты превратились в оскал губ и зубов, а он свободной рукой обхватил ее зад, прижимая к своему паху. — Я думаю, что возьму тебя прямо у этой стены, — он погладила ее по боку юбки. — Ты не будешь возражать, я уверен.

Она не могла говорить. Она могла только смотреть на него.

Он улыбнулся... и замер. В темноте белки его глаз вспыхнули, когда он отвел взгляд в сторону. Он уставился на торговые автоматы в конце коридора. Его хватка на ее бедре

усилилась.

— Что...

Он прикрыл ей рот рукой, не отводя взгляда. Застыл, как кошка, только что заметившая добычу. В тусклом красном свете автомата с содовой она разглядела человеческую фигуру. Она покраснела и обвила руками его шею, чтобы спрятать свое тело под его рубашкой. Вэл почувствовала, как вибрирует его грудь, и услышала низкий звук, вырвавшийся из его горла, как предостерегающая нота.

Фигура подошла ближе. Затем неуверенно остановилась, словно заметив, что не одна.

Хватка Гэвина на ее теле усилилась. Он крепче прижал ее к себе, так что его пальто поглотило их обоих. Его сердце билось так сильно, быстрее, чем она когда-либо могла припомнить, чтобы слышала его.

Один взгляд на его лицо сообщил ей, что он не был напуган или даже обеспокоен. Нет. Он выглядел... взволнованным.

Тень человека повисла еще мгновение, затем исчезла. Что-то выпорхнуло из его кармана. Он или она уронили листок бумаги на пол.

Гэвин оттолкнул ее. Она последовала за ним, наблюдая, как он наклонился, чтобы поднять лист.

— Дай мне посмотреть, — сказала она, хватая бумагу.

Лист был исписан буквами, вырезанными из журналов и газет, как записка с требованием выкупа. Послание было таким: «я молю Господа забрать мою душу». Ее мать заставляла ее произносить эту молитву в детстве. Первая часть звучит как, — она сглотнула, — Если я умру до того, как проснусь.

— Ты пойдешь со мной сегодня вечером.

Она с тревогой посмотрела на него.

— Ты вынуждаешь меня.

— Мм-хм. Ты бы не хотела пропустить этот следующий раунд. Это напомнило мне... ты разгадала мою подсказку? Времени становится все меньше.

— Я подумала, да.

— И?

— Я думаю... я думаю это королева.

Он посмотрел на нее с интересом.

— Почему?

— Ну, она единственная женская фигура — думая о Мэри — и все они до сих пор были религиозными подсказками, поэтому я подумала, может быть, первородный грех?

— Очень умно, — сказал он, — но неправильно.

— Что? — она попыталась вырваться из его захвата. — Как я могу знать, что ты играешь честно? Как я могу знать, что ты не врешь?

— Ты не можешь. Возможно, так оно и есть. — Его веселая улыбка исчезла. — Пойдем.

Глава 18

Георгин

Бледное испуганное лицо в зеркале, казалось, совсем не походило на ее собственное. Конечно, Вэл больше не могла вспомнить, как она выглядела, только то, что она изменилась.

Тонкие нюансы этого изменения были невидимы до тех пор, пока не преодолевался какой-то визуальный порог — тогда все они становились слишком очевидны.

Вэл сняла промокшую от дождя одежду, стараясь не смотреть на свою грудь. Глядя на нее, Вэл чувствовала себя неловко. Грудь делала ее тело сексуальным против ее воли. Она никогда не понимала, почему вид обнаженной груди, казалось, сводил мужчин с ума. Даже если это только ее изображение, никак не связанное с обладательницей тела, все равно женская грудь вызывала бурный отклик.

Даже Гэвин не был исключением.

Она больше не смотрела в зеркало, пока не надела ночную рубашку, которую он подготовил ей на вечер. Хлопок был девственно-белым — несомненно, его тихий способ издеваться над невинностью, которую он так методично уничтожил, ублюдох.

Рукава были пышными, плечи и шея обнажались широким вырезом лодочкой, аккуратно отделанным кружевом. Лиф, зашнурованный спереди красной атласной лентой, так и манил заглянуть.

Вэл нашла Гэвина сидящим в кресле, в котором сидела она, когда он рассказал ей об условиях этой новой, ужасной игры. Его голова была запрокинута назад, а глаза закрыты. Хотя она сомневалась, что он спит.

Кожа шрама была розовой и блестящей под светом, и это показалось ей особенно уязвимым положением для него, для любого человека. Обнажить свое горло — это показывать покорность. Демонстрировать умиротворение. Гэвин ее дразнил.

Его пальто лежало скомканной кучей на полу. На нем была теплая футболка с длинными рукавами, две верхние пуговицы расстегнуты. Несколько выбившихся завитков волос на груди торчали сквозь зияющую ткань.

Он потянулся, от чего ткань туго натянулась и посмотрел на нее сквозь полузакрытые глаза, прежде чем позволить рукам снова упасть на подлокотники. Как будто он позировал для нее. Вэл кисло наблюдала за ним, возмущаясь тем волнением, которое испытывала всякий раз, когда смотрела на него.

Сопrotивляясь ему, она чувствовала себя так, словно пыталась плыть против течения. Она знала, что он — смерть, и все же Гэвин волновал ее неустанно, безрассудно.

Она могла убить его за это.

Да, в тот момент она могла бы убить его, потому что он заставил ее хотеть того самого, что она ненавидела в себе больше всего.

Гэвин немного выпрямился, когда она приблизилась, его поза была расслабленной, но готовой, когда она оседлала его колени, сжимая мускулистые бедра своими ногами.

Он посмотрел на нее и спросил:

— Что ты делаешь, Валериэн?

Она взяла его за запястья, используя их, чтобы крепче вжать в кресло. Загнать его в угол. В его голосе прозвучала нотка предупреждения, которую она предпочла проигнорировать.

— Я делаю с тобой то же, что ты делаешь со мной.

Его глаза сузились, как у ястреба, но он ничего не сказал. Даже не сопротивлялся, когда она поцеловала его, хотя и не поцеловал ее в ответ. Она укусила его за шею, и он не дрогнул. Его глаза были холодными, когда она снова отстранилась.

— Наслаждаешься собой?

— Нет. Нет, не наслаждаюсь.

Она вцепилась руками в ткань его футболки и сильно потянула, расстегивая пуговицы с

несколькими тихими, приглушенными хлопками. Наверняка это больно, должно было быть больно, но он продолжал пристально смотреть на нее.

— Я не помню, чтобы давал тебе разрешение прикасаться ко мне.

Страх вспыхнул в ней при взгляде в его глаза. Она играла с огнем, но часть ее хотела, чтобы ее сожгли.

— С каких это пор тебе вообще не похрен на разрешение? Или согласие?

— Не будь грубой, — холодно сказал он.

Вэл провела пальцами по его груди, по животу и почувствовала, как мышцы под кожей напряглись.

— Почему нет? — Он резко вдохнул, когда кончики ее среднего и указательного пальцев прошлись по верху его брюк, почти, но не совсем опускаясь ниже пояса. — Почему, черт возьми, нет? Почему бы мне не быть грубой?

Другой мужчина мог бы оттолкнуть ее. Гэвин остался сидеть на своем троне, увенчанный своей особой жестокостью.

— Это в высшей степени неприлично.

Вэл насмешливо вскинула голову.

— Ты правда не хочешь, чтобы я прикасалась к тебе? Или тебе просто неинтересно, когда этого хочу я?

— Не думаю, что ты захочешь играть в эту игру со мной. Тебе не выиграть.

— О, нет?

Он наклонился.

— Нет.

Она одарила его злобной улыбкой, и скользнула рукой в его штаны. Его зрачки сузились до маленьких точек, когда он издал непроизвольный звук, похожий на нечто среднее между рычанием и стоном.

Он был горячим и твердым на ощупь. Она чувствовала, как вены пульсируют в такт его сердцебиению. Вэл провела большим пальцем по влажному кончику и сжала, смеясь ему в ухо:

— Ты чертов лжец.

— Я предупреждаю тебя, что последуют суровые наказания, если ты не прекратишь это отвратительное представление.

— Что ты собираешься со мной сделать? — Она крепче сжала его пенис, просто чтобы увидеть, как он вздрогнул, и почувствовала прилив тепла, когда он неловко заерзал под ней. Легкая заминка появилась в его дыхании.

«Да, — подумала она, — посмотрим, как тебе это понравится».

— Мои оценки... дерьмо. Моя семья... думает, что я сумасшедшая. У меня нет... друзей. Никакой поддержки. Никакого достоинства. — Она подчеркивала каждое слово еще одним сжатием. — О, и какой-то псих хочет меня убить. Помимо тебя, я имею в виду.

У меня ничего нет, абсолютно ничего. Я провожу большую часть своей жизни, желая умереть. Так скажи мне, Гэвин, что ты собираешься использовать против меня? Что у тебя осталось? Твое тело? Что ж, похоже, я опередила тебя.

Его дыхание стало тяжелым.

— У тебя есть пять секунд.

Она быстро и плавно дернула член, от чего его бедра выгнулись.

— Две секунды, — прорычал он.

— Пошел ты.

— Очень хорошо. — Он поднялся на ноги, потянув ее за собой. Вэл споткнулась, и ей пришлось ухватиться за него, чтобы не упасть. Гэвин прижал свои губы к ее губам, и она поморщилась, когда его зубы больно впились в ее жесткую улыбку. — Мы сыграем по-твоему.

— Я ухожу.

— Нет. — Он впились пальцами в ее бока. — Ты закончишь то, что начала.

Вэл попыталась отстраниться.

— Прикоснись ко мне, и я убью тебя.

— Попробуй. — Он развернул ее, прижимая к своему телу. — Уже полночь. — Гэвин дернул за ленту на ее лифе, разорвал ее и вытащил две части из шнурков. Погладил ее по центру ребер, аккуратно проскользнув в нижнее белье. — Третьего дня. — Вэл попыталась отступить, но идти было некуда, и он наполовину подвел, наполовину толкнул ее на матрас. — Ты моя.

Она не могла оторваться от его рта, чтобы запротестовать или закричать. Они вдвоем упали на простыни, сплетаясь конечностями. Он задрал подол ее ночной рубашки до бедер. Пальцы, теперь уже за пределами ее трусиков, но от этого не менее наглыми, он зацепился за пояс и потянул. Вэл поморщилась, а затем вскрикнула, когда швы с треском разорвались, больно ударив ее по бедру.

Он скользнул рукой под ее ночную рубашку. Она вздрогнула, когда он исследовал нежный ландшафт, в который превратилось ее тело.

— Ты действительно думала покорить меня? Чтобы убить?

Вэл издала низкий, беспомощный звук.

— Ты думала, что у тебя все получится?

— Катись в ад.

— О, да. Мы это сделаем. Твой ад. Окутанный наслаждением, переплетенный с болью, шипами и розами, истекающий кровью. Как только цветок сорван, он сразу же начинает умирать. — Его губы изогнулись в грешной улыбке, пронизанной кипящим гневом. — Очень подходит?

Она плюнула ему в глаза.

— Конечно, все это требует послушания, которое нужно культивировать, как тепличный цветок. — Он перевернул ее на спину. Одной рукой обхватил ее грудь, выкручивая и пощипывая сосок в такт каждому болезненному толчку. — Точные измерения, которые будут отмерены по мере необходимости, означающие разницу между жизнью, — он использовал свои ногти, и она хрипло вскрикнула, — и смертью. Ты все еще думаешь, что можешь убить меня?

— Да.

Его живот прижался к ее животу, когда он скользнул глубже, вены на его руках выступили ярче. Его волосы стали влажными и прилипли ко лбу локонами, которых не было, когда они были сухими.

— Правда?

Он рассмеялся — его самообладание восстановилось в тот момент, когда он взял ее, — и ее тело было не более чем пещерой, отражающей его веселье. В этот момент она поняла, каково это — быть его.

Безмолвное существо, запертое в стекле, прекрасное, но не обладающее свободой воли.

Оно будет сражаться, но только потому, что борьба необходима. После того, как будут потрачены поверхностные усилия, оно рухнет в поражении, раскрывшись, как цветок.

Это было то, чего он хотел.

В глубине души она всегда это знала, так же как знала, что у нее будут синяки и болезненные ощущения, которые не утихнут еще несколько дней.

Его стремление ею обладать было ужасающим и, казалось, не знало периода невосприимчивости.

Он был дарвиновским кошмаром. Выживание наиболее приспособленных. Идеальный Шторм Природы.

«Я убью его», — в очередной раз подумала она. И если бы божественное существо явилось, чтобы вручить ей оружие, она бы им воспользовалась.

Глава 19

Кипарис

Вэл ненавидела, что эти серийные свидания на одну ночь начинали казаться рутинной, но так оно и было.

Она снова переделалась в черную юбку и золотистый кружевной топ. В ванной, как и раньше. В тот день, когда она разрешила ему взглянуть на нее, она признала, что принадлежит ему.

Гэвин застегивал пуговицы на рубашке, когда она открыла дверь. Взглянул в ее сторону, когда услышал скрип петель. Он выглядел таким обычным — и смертоносным одновременно.

Может быть, это ее мозг снабдил его этими смертоносными качествами, заполнив, как книжку-раскраску. Предвзятость утверждения. От общего к частному.

— Ты не должна так на меня смотреть, — мягко сказал он, поправляя манжеты.

Он был прав, только не так, как он думал.

— Столько порока в твоём взгляде. — Он обошел ее сзади и завязал узел ее топа, целуя кожу под бантом, прежде чем позволить ему упасть на место, вызвав каскад ощущений у нее по спине. — Хорошо, что у меня так много самообладания.

Она резко обернулась.

— У тебя нет самоконтроля.

— Тем больше причин не искушать меня. — Он обхватил ее запястье, поглаживая пульсирующую вену.

Не ласково. Собственнически.

Она знала это, и знание не беспокоило ее так сильно, как должно было бы.

Она больше не владела собой, и казалось вполне логичным, что кто-то другой будет ею владеть.

Так что это безумие.

Это все равно что надеть шелковое одеяние.

Гэвин полез в карман джинсов и достал связку ключей. Он играл с ними, вертел их на пальце, как ребенок или кошка, издавая звенящий звук, который действовал ей на измотанные нервы.

Ей было трудно назвать то, что произошло между ними, «сексом». Это было позвериному, грубо и часто болезненно, лишено привязанности. Иногда появлялось

удовольствие, но ужасно извращенное. Удовольствие, от которого Вэл хотелось часами тереться стальной губкой, сдирая кожу, пока она не доберется до того мерзкого места внутри себя, которое возбуждала такая ужасная порочность.

«Траханье, — подумала Вэл. — Или, может быть, спаривание. Спаривание имело почти механический звук, скользкий, грязный, мерзкий. Да. Спаривание подходило точнее».

Она кивнула на ключи.

— Ты выписываешься?

— Так хочется избавиться от меня.

— Да.

Он улыбнулся, и еще одна ее часть треснула.

— Мне жаль тебя разочаровывать. Но нет, это не так.

Он посмотрел на ключи, с которыми играл.

— На самом деле, я верю, что это принадлежит тебе. — Он бросил их ей.

Она неловко поймала связку. Как только ключи оказались в руке, она сразу же узнала их. Это были ключи от ее комнаты в общежитии, те самые, которые пропали. Да, там был брелок, который она купила в студенческом книжном магазине, сделанный из мягкой пены цветов колледжа, золотого и синего, и выцветшая буква «Н».

— Ты украл мои ключи.

— Я просто одолжил их.

— Почему ты так себя ведешь?

Гэвин склонил голову набок.

— Как-то по-другому?

Он прав, она стала точно такой же как он. Это она изменилась.

— Думаю тебе пора, — сказал он.

Вэл застыла на месте.

— Мм, но сначала вопрос оплаты.

У нее отвисла челюсть, и она почувствовала, как жар поднимается к горлу, заливая румянцем щеки.

— Не говори так, ублюдок. Я не шлюха.

— Твоя подсказка, Вэл, — это защита.

— Ладья, — автоматически ответила она. — Замок. Крепость. Это была такая простая подсказка. Слишком просто. Она прикрыла рот рукой. Был ли в этом смысл?

— Да, — сказал он. — Довольно иронично, на самом деле.

— О чем ты говоришь?

— Поздно, моя дорогая, притворяться застенчивой.

— Я не притворяюсь.

— Может быть... Ты действительно не понимаешь? Ой. Я знал, что ты наивна, но никогда не думал, что ты так глупа.

— Скажи мне, что ты имеешь в виду.

— Разве ты не чувствовала себя совсем по-другому? — Он провел тыльной стороной ладони по ее животу. — У тебя определенно другой вкус. Слаще. Выдержаннее.

— Нет, — сказала она, — нет.

— В чем дело, Валериэн? Тебе не кажется, что я стал бы хорошим отцом? Я так люблю детей. Конечно, остается вопрос о том, что с тобой делать. Я мог бы жениться на тебе, — задумчиво произнес он, — но это придало бы тебе слишком много достоинства, не так ли?

— Я бы никогда не вышла за тебя замуж, — прорычала она.

— Ты бы так и сделала, — сказал он со смертельным спокойствием. — Но ты не получишь ничего, кроме того, что я решу тебе дать, а то, что я дам, будет дано только тогда, когда ты придешь просить на коленях. Кто еще у тебя есть? Как ты мне сказала, у тебя нет ни друзей, ни семьи, которые не верили бы, что ты либо ненормальная, либо психопатка, либо и то и другое вместе.

Она ударила его, достаточно сильно, чтобы что-то хрустнуло. Она надеялась, что это был его нос. Скорее всего, нет. Окна дребезжали в своих рамах еще долго после того, как Вэл захлопнула за собой дверь.

***

«Я не могу быть беременной».

Но она могла. В том-то и дело. Она могла.

Вэл была единственным пассажиром в автобусе. Большинство студентов не ездили этим путем, и было слишком рано для поездки с работы. Она наблюдала, как табло часов на Секвойя-авеню переключилось на 13:05 на светодиодном дисплее.

Время давным-давно перестало иметь какое-либо реальное значение. Ей часто казалось, что она находится в одном из тех кошмаров, где целый семестр прошел в мгновение ока только для того, чтобы в конце она поняла, что не посещала ни одного из своих занятий.

Когда она увидела парковку колледжа, она потянулась, чтобы нажать на кнопку «остановка». По крайней мере, некоторые функции были сохранены благодаря чистому автоматизму.

Водитель автобуса остановился у обочины, и раскачивающееся движение соответствовало рою бабочек в ее животе.

«Но разве это правда? Или он лгал?»

Лгал он или нет, но Гэвин никогда не пользовался защитой. Даже если бы она не была беременна, у нее могли быть... всевозможные проблемы. Ей просто никогда не приходило в голову купить таблетку «Утро после» или пойти в Центр планирования семьи для обследования на ЗППП. Ей это никогда не приходило в голову, потому что это означало бы признаться самой себе, что все это происходило на самом деле, что это не был кошмар.

Но кошмар все равно случился. Перед лицом всего остального она не смогла позаботиться о себе и теперь пожинала плоды.

Неужели теперь она расплачивается за это?

— Эй, ты нажала кнопку «остановка». Ты выходишь или нет? — В голосе водителя автобуса звучало нетерпение, и Вэл покраснела от досады и смущения.

— На самом деле... Где ближайшая клиника?

Водитель посмотрел на нее взглядом, в котором в равной степени были жалость, ханжество и презрение.

— Тебе нужно будет сесть на экспресс-линию в центре города.

Женщины в клинике были очень милыми, добрыми и энергичными в своей работе. Они набрали немного крови во флакон, заставили ее пописать в чашку. Сделали ей мазок, спросили о ее месячных и осмотрели ее грудь. Записали номер ее мобильного телефона и сказали, что результаты будут готовы через несколько дней. Они дали ей брошюры, на которых она не могла сосредоточиться, и советы, к которым было уже слишком поздно прислушиваться.

Может быть, она уже заражена. Может быть, она гнила изнутри. Это ведь делал

сифилис? Разъедал тебя изнутри, сводил с ума.

«Прекрати это, — сказала она себе. — Прекрати прямо сейчас». Она сошла с ума или больна? Что такое безумие, как не болезнь ума?

Вэл вернулась в кампус, ощущая себя такой же подавленной, как и всегда. И вот теперь она была здесь, чувствуя себя так, словно пересекла две великие крайности — одну реальную, другую сюрреалистическую. В данный момент она не могла заметить разницы.

Она была ошеломлена видом полицейской машины. Несколько полицейских машин. Как стая акул, только что почуявших запах свежей крови, они кружили вокруг стоянки, выходящей на парк кампуса.

Толпа студентов и преподавателей стояла без дела, наблюдая, как люди в синей форме ползали по площади, как муравьи. Вэл повернулась к ближайшему человеку под рукой, более крупной девушке в футболке с логотипом музыкальной группы. Поколебавшись, Вэл спросила:

— Ч-что случилось?

— Они нашли мертвое тело в ручье.

Вэл втянула воздух.

— Мертвое?

— Ага.

— Они сказали, кто это?

Глаза девушки скользнули по ней.

— Понятия не имею, — решительно сказала она. Отошла на другую сторону стоянки, где стояла группа девушек в таких же нарядах, оставив Вэл страдать от пренебрежения.

Мэри выскочила из ниоткуда, проталкиваясь сквозь толпу. Пораженная, Вэл застыла, как олень в свете фар, когда чернокожая девушка обняла ее. Тушь стекала по ее щекам густыми черными струйками.

— Вэл! О, слава богу. Вэл... когда ты не появилась прошлой ночью, я подумала, что ты с ним.

— С кем? — Вэл взвизгнула. — Что случилось? Что происходит?

Камень образовался у нее в животе, когда Мэри посмотрела на нее с жалостью.

— Джейд. Это Джейд. В парке нашли его тело во время утренней прогулки. Он... мертв. Мертв?

— Вэл?

Ее губы беззвучно произнесли слово «мертв», как будто это было проклятие или заклинание, слишком ужасное, чтобы произносить его вслух.

— Вэл?

Ее имя, казалось, доносилось с другого конца туннеля. Она не обратила на это внимания.

Он был жив всего лишь...

Когда? Когда она видела Джейда в последний раз? Она ничего не слышала — ничего — от него уже несколько дней. Все это время она думала, что он злился на нее, и да, может быть, поначалу он и злился, но это... это было хуже, чем она могла себе представить.

А потом была коробка. Ужасная коробка с фигурой изуродованного шахматного слона, переполненная фальшивой кровью. Предупреждение.

Земля под ее ногами начала наклоняться. У нее зазвенело в ушах. Вэл попыталась заглушить ужасный звук. Это не было случайностью. Джейд убит.

Из-за нее.

Потому что она не могла разгадать глупые игры разума гроссмейстера.

— Вэл!

Теперь слова звучали еще тише, почти неслышно. Это непрекращающееся жужжание приобрело оглушительный характер пронзительного воя комара.

Сквозь туман пробился неприятный запах. Вэл открыла глаза, которые, как она помнила, не закрывала, закашлялась, и увидела безоблачное небо и встревоженное лицо Мэри. Мужчина в белой униформе стоял рядом, убирая маленькую коричневую бутылочку в свою сумку.

— С тобой все в порядке?

Вэл покачала головой. Ее глаза слезились, и это было не совсем от нашатырного спирта. О боже.

— Тебе следует прилечь, — сказала Мэри. — Тот фельдшер, он сказал, что ты в шоке.

— Да, — проговорила Вэл. — Шок.

— Ты хочешь, чтобы я отвела тебя обратно в общежитие? Ты можешь идти?

— Да, — сказала Вэл. — Идти.

Если Джейд — она не могла заставить себя произнести это ужасное слово, тело — был найден только сегодня утром, то его смерть, должно быть, случилась недавно. Гэвин был очень изобретателен, но даже он не мог пробежать весь путь до колледжа, совершить убийство, а затем прокрасться обратно в свою комнату. Если только он не убил его дистанционно. Ловушка, яд...

Если только он не убил его давно.

Вэл схватила Мэри за запястье. Она промахнулась в первый раз, и ей пришлось попробовать второй.

— Когда он умер?

— Я не думаю, что мы должны говорить об этом.

— Пожалуйста.

— Вэл...ты делаешь мне больно.

— Скажи мне.

— Я не знаю. Копы сказали, что он, вероятно, был мертв некоторое время, прежде чем его нашли. — Мэри покачала головой. — То, что они говорили... Слава богу, мы его не видели. Это звучало ужасно, совсем как...

Как что? Как шахматная фигура?

Неужели его разрезали пополам?

— Бедный Джейд. Он этого не заслужил.

— Вэл, а кто заслужил?

На это у Вэл не нашлось ответа.

«Я больше никогда не почувствую себя в безопасности. Я не могу быть одна. Я не могу находиться в толпе. Он всегда рядом, наблюдает за мной. И я не могу сбежать. Нет, если только не умру...

Или он...»

— Ты, должно быть, думаешь, что я по-королевски облажалась, — сказала Вэл, отталкиваясь от Мэри, когда они вдвоем ввалились в дверь.

— Я думаю, что ты самый храбрый человек, которого я знаю.

Чушь собачья. Вэл проглотила снотворное и стала ждать темноты.

Глава 20

Аскления тубероза

Как легко было причинить ей боль сейчас. Он улыбнулся про себя, поигрывая металлическим предметом в руке, когда шел к ярко раскрашенному зданию. Если быть до конца честным, это казалось слишком просто.

Однако зарождающийся ужас на ее прекрасном, изуродованном лице доставит ему удовольствие на долгие дни. Но это не просто злорадство, и даже не садизм. Нет, дело не только в этом.

То, что между ними происходило, стало диким, бесконечным циклом уклонения и приближения, плато и спада. Это было динамично, поддерживало его так, как никогда не поддерживали стабильные отношения, и он наслаждался этим.

Невысокая темнокожая девушка прошла мимо него по лестнице. Он мгновенно узнал ее. Соседка по комнате. Она взглянула в его сторону, и он позволил отсутствующей улыбке появиться на своих губах, пародия на товарищество. Это сработало. Она продолжила идти по коридору.

Он сердито посмотрел на ее удаляющуюся спину. Он не хотел, чтобы она находилась здесь. Ее присутствие усложняло исполнение задуманного. Но только немного.

Он воспользовался ключом, чтобы войти. Сделать копию несложно, даже в такой короткий срок. Действительно трагично, как мораль исчезла в клубах дыма, когда в уравнение вошла доля прибыли.

Дверь распахнулась, открывая взору неприбранную комнату, свидетельствующую о женском присутствии. Одежда загромождала все доступные поверхности, и декор был очень женственным. Однако ничто из этого его не интересовало. Он видел это раньше.

Его заинтересовал конверт без надписи на коврике у двери. Черный, зернистый, почти как толстый креп. Он открыл конверт, и, как он и подозревал, оттуда высыпалось несколько фотографий. Полароидные снимки, конечно.

Все с Вэл.

Он сунул руку в карман пальто и достал еще один комплект. Их было меньше, и он был объектом съемки на всех из них. Он засунул оба комплекта фотографий в карман. Копия желает оспорить оригинал.

Как скучно. Как уныло. Какая пустая трата его времени. Он не одобрял такой риск из-за столь незначительных последствий, но конфронтация казалась неизбежной.

Обитательница комнаты издала звук, который привлек его внимание. Он направился к кровати, стараясь обходить различные препятствия, усеивающие его путь. Когда его тень упала на нее, как плащ, чтобы заслонить солнечный свет, она вздрогнула.

Он улыбнулся.

Действительно, она была очень мила. Быстрая и умная, но подчиненный ему во всех отношениях. Идеальная пара. Несколько минут прошло в тишине, отмеченной тем, как вздымалась и опускалась ее грудь при каждом легком вдохе.

Жизнь завораживала его именно потому, что ее так легко можно отнять. Она могла оборваться в любой момент.

Его взгляд скользнул к баночке с таблетками на ночном столике. Он наклонил голову,

чтобы прочитать этикетку, а затем прищелкнул языком. Глупо притуплять чувства, оставлять себя такой уязвимой. Он забрался на кровать и склонился над ней, наслаждаясь теплом ее неподвижного тела. Провел большим пальцем по ее пульсу. Если он убьет ее сейчас, она легко соскользнет из снов в смерть.

Но он не убьет ее. Не мать его не рожденного ребенка.

Кончиками пальцев он наклонил ее лицо к себе и поцеловал — сначала нежно, но, когда она приоткрыла губы, чтобы вдохнуть, он углубил поцелуй, скользнув рукой вниз по ее груди, чтобы положить на живот. Она пошевелилась, и ее дыхание изменилось.

Она всегда была стройной, даже гибкой, но теперь ее живот слегка раздулся. Недостаточно, чтобы показать, но заметно, если знать, что искать. Он просунул пальцы под майку, чтобы обхватить упругую плоть под ней. Плодородная, пышная и несущая потомство. Он нарисовал абстрактные узоры вокруг ее пупка и подумал, что может уловить мускусный запах ее возбуждения. Его член напрягся, когда она издала мягкий, низкий звук, причинив ему физическую боль.

Ее тело хотело его, даже если она сама нет.

Его так и подмывало овладеть ею, но не было никакого удовольствия в акте победы, если бы он не сопровождался битвой. Это чувство разделяли и человек, и зверь. Даже волк знал разницу между свежей добычей и падалью.

Он опустил подол ее майки, скромно прикрывая, и посмотрел на ее спящее лицо. Если бы они поженились, она не смогла бы сбежать от него. Да, это придало бы ей некоторое достоинство — но только на словах.

И он мог бы запереть ее, если бы она бросила ему вызов. Если бы она зависела от него и его многочисленных ресурсов, она не смогла бы уйти. Он мог приковать ее цепью к стене, как животное, в ее комнате, как заключенную, или на своей кровати, как одалиску.

Конечно, во вхождении в его семью должны были быть какие-то плюсы и минусы. И да, ее хорошее поведение принесло бы ей привилегии, подарки, которые он мог бы отменить всякий раз, когда она становилась бы настолько дерзкой, чтобы быть откровенно вызывающей.

Он мог бы выставить ее на всеобщее обозрение во время светских мероприятий, одетую в красивые ткани, как будто она редкое, экзотическое животное. Он мог бы научить ее французской поэзии и итальянскому разговору в постели. Он мог контролировать то, что она делала, с кем виделась, и даже то, что она ела и носила.

Он мог бы одевать ее по своему вкусу утром, днем и ночью. Особенно по ночам. Каждую ночь он мог бы овладевать ею, если бы захотел, и это было бы его супружеским правом.

О, поначалу она могла бы сопротивляться, потому что птица, познавшая свободу, — это птица, которая сильнее всего борется в клетке, но она не смогла бы бороться с ним вечно.

Особенно если бы появились дети.

Он положил кружевное зеленое растение на одеяло, сложив ее руки поверх листьев, чтобы удержать его на месте. Просто знак, напоминание о необходимости быть бдительной.

Его задача была выполнена, дверь закрылась за ним с другой стороны почти беззвучно. А затем, за исключением ровного тиканья невидимых часов, в комнате снова воцарилась тишина.

***

Прошло несколько часов, прежде чем она очнулась ото сна, растерянно моргая, когда ее

глаза увидели послеполуденное солнце. Снотворное не предназначалось для использования таким образом, чтобы заставить себя заснуть всякий раз, когда реальность становится слишком властной, чтобы встретиться с ней лицом к лицу. Таблетки предназначались для приема перед сном, чтобы поддерживать здоровый, нормальный режим сна.

Иногда, когда Вэл думала об этом, она чувствовала, как чувство вины разрастается внутри нее, как насекомое, разворачивающееся, чтобы показать свои ужасные внутренние части. Она задавалась вопросом, не становится ли наркоманкой или не сошла ли наконец с ума. Вэл понимала, что должна позвонить своему психиатру и сообщить ей, что делает, хотя бы для того, чтобы выяснить, можно ли заболеть от злоупотребления лекарствами. Но страх, что у нее могут отнять таблетки, остановил ее от звонка. В основном, она старалась не думать об этом.

Тем не менее, ее сны были странными и бессвязными, такими же сюрреалистичными, как то, на что, по ее мнению, могло быть похоже путешествие под кислотой. В последнее время ей снилось много подобных странных снов. Последний, например. В одно мгновение она тонула в черном море, каждый вдох пронзал болью ее легкие, а в следующее темный принц целовал ее, возвращая к жизни, как будто она спящая красавица — только для того, чтобы снова убить ее лезвием изо льда и звездного света.

Она ошеломленно оглядела комнату, чувствуя себя так, словно попала в другой сон.

Мэри сидела за своим столом, работая над домашним заданием по статистике. Вэл слышала, как она нажимает кнопки калькулятора, а затем царапает карандашом по бумаге.

Она подумывала о том, чтобы притвориться спящей еще ненадолго. У Мэри возникнут вопросы, на которые она будет настаивать, чтобы ей ответили. Еще несколько минут избегания могли бы стать благословением. С другой стороны, ее позвоночник был напряжен, и Вэл чувствовала себя такой слабой, как будто ее мозг был упакован в вату. Если бы она еще немного полежала в постели, то просто снова заснула бы.

Кроме того, она испытала облегчение оттого, что ей не пришлось просыпаться одной. Часто, когда она просыпалась, ее соседка по комнате уже уходила, и это заставляло чувствовать Вэл себя еще более одинокой, чем она уже была. Может быть, ей нужно кому-то довериться, хотя бы для того, чтобы время не ложилось только на ее плечи.

Вэл потянулась, и что-то соскользнуло с ее кровати, слегка коснувшись пола. Она остановилась, нахмурившись, и наклонилась, чтобы заглянуть под кровать, чтобы посмотреть, что упало. Какое-то растение. Вэл никогда не видела ничего подобного раньше, но оно походило на морковные листья.

— Эй, ты проснулась. Хорошо. Есть кое-что, что я хотела... — Мэри замолчала, испуганно вскрикнув. — О... Боже мой. Вэл, какого черта ты делаешь? Это цикута? Что ты делаешь с цикутой?

Вэл уронила растение, которое держала в руках, как будто оно горело или проросло шипами.

— Цикута? — Мэри пошла в ванную за пачкой бумажных полотенец. Она осторожно подняла растение — цикуту — с пола.

— Это цикута? — Вэл взвизгнула.

Мэри немного раздавила листья, и появился неприятный запах, заставивший Вэл поморщиться.

— Цикута, — подтвердила она. — У моих родителей росла такая в саду. Случайно. Она убила собаку нашего соседа. Поэтому я спрошу тебя еще раз, какого черта ты делаешь с

цикутой?

— О-откуда ты знаешь, что это цикута?

Мэри с отвращением покачала головой.

— Видишь белые цветы? Кроме того, стебель — он не пушистый. У пастернака, петрушки и моркови — двойников — есть такие маленькие пушистые кусочки на стеблях. Но в основном это запах, который выдает с головой. И цвет.

Стебель был ярко-фиолетового цвета с красными прожилками, которые напомнили Вэл об инфекции.

— Ты ведь не собиралась это есть?

— Что? Нет!

— Цикуте неоткуда здесь взяться. На этот счет существуют законы. Университет не допустил бы ничего подобного, зная, что студенты, животные или дети могли до нее добраться. Она могла появиться только из леса.

Она с подозрением посмотрела на Вэл.

— Я не собиралась это есть. Я не склона к самоубийству только потому, что у меня депрессия.

— Верно. Хорошо. Прости.

Мэри положила цикуту в пакет на молнии, вместе с бумагой и всем прочим, и плотно запечатала его. Она пошла в ванную. Вода хлынула из раковины, когда она смыла следы растения со своих рук.

Вэл уставилась на пластиковый пакетик с растением и подумала, не ощущает ли она действие его яда.

У Гэвина был доступ к растениям.

Он много о них знал.

Он знал об их использовании, их свойствах, их значении.

Но что он пытается этим сказать?

Цикута означает ненависть?

Зная его, это не может быть так просто.

Вэл вымыла руки и чуть не столкнулась с Мэри, которая стояла за дверью ванной.

— Если ты не собирался ее есть, что ты собиралась с ней делать?

— Ничего. — Вэл проговорила сквозь стиснутые зубы. — Оно было там, когда я... проснулась...

Сон... поцелуй.

— Черт. — Это был не принц, целующий ее. Он был здесь. Он был здесь, смотрел, как я сплю.

А потом он попытался ее отравить.

— Кто-то пытается убить меня.

Мэри покачала головой и взяла телефон. Она исчезла с ним в ванной. Вэл услышала ее голос, низкий, настойчивый шепот, исходящий от двери.

Зовет людей в белых халатах.

Нет, она параноик. Мэри ведь бы этого не сделала?

«Не знаю. Но она считает меня сумасшедшей».

Но Мэри все же была добра к ней. Вежлива. Ходит на цыпочках вокруг пациента.

Вэл подошла к своему компьютеру, чтобы выяснить про цикуту. Она быстро поняла, что растение очень, очень ядовитое. Даже ничтожного количества достаточно, чтобы кого-то

убить. Она прочитала историю о туристах, которые, привлеченные формой водяной цикуты, использовали их в своих напитках. Все они умерли от действия яда.

Цикута парализовала дыхательные мышцы и, по сути, вызвала удушье. Это растение член семейства смертоносных пасленов. Целая ветвь этого семейства была смертным приговором. Если бы она проглотила часть растения во сне или даже прикоснулась к губам или рту своими загрязненными руками, она бы никогда больше не проснулась, чтобы увидеть дневной свет.

О чем он думал, когда перебирал ее пальцы сквозь листья растения? А как насчет того, когда он ее целовал?

Если он вообще ее целовал.

Реальность расплывалась.

Или, может быть, она все-таки сходила с ума.

Мэри вышла из ванной и положила телефон на стол. Вэл наблюдала, как она схватила с пола кучу одежды и запихнула ее в один из своих открытых ящичков, с силой надавливая, пока он не закрылся.

— Что ты делаешь?

— Прибираюсь.

Вэл нахмурилась.

— Почему?

— Я позвонила в студенческую службу и сказала, что нам нужно сменить замки.

— Ты сейчас им звонила?

— А ты что подумала? — беспечно сказала Мэри, усиливая сомнения Вэл.

— И они проводят осмотр комнаты? Что они сказали?

— После того, как закончили ругать меня за безответственность, ты имеешь в виду?

Они пришлют кого-нибудь в четыре.

Обе девушки повернулись, чтобы посмотреть на часы — было два. Подумав о Гэвине, Вэл сказала:

— Это недостаточно быстро. — Должно быть, он снял копию с ее ключа. Если у него появится желание, он легко мог бы нанести им обеим еще один визит. Ни она, ни Мэри не способны его одолеть.

— Да, но это лучше, чем ничего.

Это правда.

— Все происходящее действительно меня пугает.

Вэл открыла рот, чтобы... что, утешить? Она не стала бы оказывать Мэри такую услугу. Страх неприятен, но именно поэтому он спасал жизни.

Отвратительный раздражитель.

Паранойя.

Она задавалась вопросом, действительно ли Мэри звонила в студенческую службу, чтобы они сменили замок или вместо этого она, вызвала их как своего рода неотложную психиатрическую помощь. «Помогите, моя соседка по комнате сошла с ума... пришлите подкрепление».

— Я не хочу умирать, — говорила теперь Мэри.

«А кто хотел?»

Да. Некоторые хотят.

Я хочу. Иногда.

Мимолетно».

Но человеческое тело было бесстрашным механизмом. Даже когда все становилось хуже некуда, оно отчаянно цеплялось за жизнь, переключаясь на резервы, скрытые так глубоко, что даже ученые не нашли их все.

— Прости, — прошептала Вэл.

— Я на такое не подписывалась, — Мэри говорила так, словно собиралась заплакать. — Я совсем не так представлял себе свой первый курс. Боже, Вэл, почему ты ничего не сказала раньше? Почему ты мне не сказала?

«Мне, наверно, стоило прийти с предупреждающей табличкой. Ты имеешь в виду?»

— Потому что я пытаюсь забыть, — резко ответила Вэл.

— По крайней мере, скажи мне, как он выглядит.

— Кто?

— Он.

Вэл повернулась лицом к стене.

— Я не хочу о нем говорить.

— Я же не прошу тебя выкладывать все подробности. Я не хочу знать историю твоей жизни. Не хочу знать, как вы двое познакомились. Я просто хочу узнать, как он выглядит на случай... на случай, если когда-нибудь с ним столкнусь.

В ее голосе действительно звучал страх. Но Вэл уже давно перестала верить, что кто-то совершенно невиновен. В игре всегда был какой-то более темный мотив. Даже у тех, кто был тебе близок.

Особенно у тех, кто близок.

Блейк, Лиза, Джеймс — у всех у них имелись секреты. Секреты, которые вбили клин между ними четверьмя и, в конечном счете, привели к их уничтожению. Это были самые близкие люди, которые знали, как причинить боль лучше всего.

— У него черные волосы. Бледная кожа. Серые глаза. Он очень... высокий. Поразительный... я имею в виду его яркую внешность. — Не только внешность. — Ты бы сразу узнала. Его как будто окружает какая-то энергия.

Животный магнетизм.

Мэри замерла.

— Мне кажется, я его видела.

Вэл посмотрела на нее так быстро, что услышала, как что-то щелкнуло.

— Что? Видела? Когда?

— Некоторое время назад... он хотел знать, где живет Вэнс. Сказал, что он побеспокоил тебя. Вэнс, то есть. Что он друг, присматривающий за тобой.

— Я не видела Вэнса и не разговаривала с ним после вечеринки. Ты дала ему адрес? Ты ведь не...?

— Кажется, да. Боже мой, что я наделала?

Вэл покачала головой. Вот и все для Вэнса.

Мэри закусил губу.

— Ты знаешь... Мне кажется, я могла видеть его в холле. Сегодня утром. Да. Теперь, когда я думаю об этом, это был он.

— Он сказал что-нибудь тебе?

— Нет.

Тогда, возможно, он не убьет ее.

Все это не имело никакого смысла. Вэнс не был ладьей. Он не мог быть ладьей. Она бы поставила свою жизнь на то, что это Мэри.

Но, похоже, Гэвин планировал сначала убить Вэнса.

***

Вэл нанесла визит местному психологу, которая к тому же читала лекции у них в университете (ее пациентам не разрешалось посещать ее курсы). Вэл рассказала столько о своей истории, сколько осмелилась. Психолог самодовольно кивала на протяжении всего часового сеанса, воздерживаясь от суждений.

Словно это может помочь.

А потом, после сеанса, психолог дала Вэл отсрочку от посещения психиатра, которую Вэл порвала и выбросила в мусорную корзину по пути к выходу. Она не хотела, чтобы ее навязывали кому-то другому, как мусор.

Плюсом — если в этой ужасной ситуации имелся хоть какой-то плюс — было то, что ей не придется посещать занятия пару дней. Психологические обследования, по-видимому, были академическими «пропусками на свободу».

Вэл написала своим преподавателям по электронной почте, очень кратко объяснив ситуацию. Большинство из них не спрашивали о дополнительных деталях. В школе поднялся шум из-за убийств учеников. У персонала было примерно столько деталей, сколько они могли получить в данный момент.

Когда Вэл вернулась в общежитие, было пять минут пятого. Мэри уже ушла на занятия. Слесарь еще не приходил.

Вэл бросила сумочку на кровать и сменила рубашку. Она вся вспотела после своего бега домой. Было не жарко, но влажно. Прохладный чистый хлопок на ее влажной коже был приятен и поднял ей настроение. Когда слесарь все-таки пришел, опоздав на полчаса, она была даже почти вежлива.

Он был молод, лет двадцати пяти, вероятно, с козлиной бородкой, которая не подходила к его лицу, и в комбинезоне, украшенном названием компании. На плече он нес холщовую сумку с инструментами и, если судить по хмурому выражению его лица, был зол.

— Это вам нужны новые замки?

Вэл медленно кивнула и открыла дверь шире, чтобы впустить его.

— Кто-то украл мой ключ на вечеринке, — объяснила она, когда он присел на корточки перед дверью. — Мы думаем, что возможно с целью ограбления.

Такую историю Мэри рассказала студенческим службам по телефону. Вэл подумала, что это хорошая идея. Угроза кражи и возможность ответственности заставили бы их выполнить работу быстрее... и это очень хорошо. От одной мысли о цикуте у Вэл мурашки побежали по коже. «Он мог убить меня».

— Неосмотрительно, — пробормотал мужчина. Поскольку он, прищурившись, смотрел на дверную ручку, Вэл не могла сказать, говорил ли он о ней или о замке, но это определенно шло вразрез с ее текущим ходом мыслей.

— Хмм?

— Не думаю, что это займет много времени. — Он задумчиво погладил козлиную бородку. — Почему бы тебе не прогуляться часок или около того? К тому времени я должен закончить.

— Вы предлагаете мне покинуть мою собственную комнату? — Это совсем не внушало доверия.

Он пожал плечами.

— Будет шумно. Некоторых людей это беспокоит. Ты будешь только мешать.

Ну что ж. В любом случае, у нее нет ничего, что стоило бы украсть.

— Я возьму свой телефон. Позвоните мне, когда закончите.

В ответ она получила уклончивое ворчание.

***

В кампусе было не так много возможностей для отдыха, но она купила чай со льдом в кафе, медленно потягивая его, чтобы хватило до звонка слесаря. Но кафе закрыло свои двери в пять, и извиняющийся уборщик проводил ее до двери, которая захлопнулась за ней.

На этот раз было не слишком облачно, но от этого воздух казался более свежим и холодным, хрустящим. Тени стали длиннее, растянулись и исказились, а небо было насыщено сияющим желтым цветом, который превращал листья деревьев над головой в сверкающее золото. Вэл немедленно проверила свой мобильный телефон.

Никаких новых сообщений.

Сколько времени требуется для установки новых замков?

Ее ноги привели ее к дверям библиотеки. Это было красивое здание, еще более красивое на закате. Большие стеклянные окна отражали угасающий свет и облака цвета лосося и шербета. В тени раскидистых ив, с фонтаном, весело журчащим за каменным мощеным барьером, отделявшим его розовый сад от дорожки, оно излучало ауру покоя.

Вэл присела на край фонтана, все еще сжимая в руке пластиковый стаканчик с чаем. Она уставилась на покрытую рябью воду. За ее отражением дно было усыпано монетами. В основном пенни, с редкими проблесками серебра. Там также были иностранные монеты и что-то похожее на аркадный жетон. Они блестели ярко, слишком ярко, и когда Вэл наконец отвела взгляд, она увидела пурпурные короны их остаточных изображений, скачущих по ее сетчатке.

Громкий шуршащий звук заставил ее подпрыгнуть, и она поняла, что только что сжала свой стакан достаточно сильно, чтобы пластик треснул. Вэл бросила его в один из мусорных баков поблизости, не сводя глаз с зарослей ив, где, как она была уверена, заметила вспышку.

Она подтянула сумочку чуть повыше.

— Там кто-нибудь есть? — спросила она.

Да. Там... в тени. Что-то шевельнулось.

— Эй?

Ветер с шипением шелестел в листьях.

«Наверное, ветка, — подумала она. — Или животное. Что, если кто-нибудь поблизости увидит, как ты разговариваешь сама с собой?»

Она не знала никого, кто не обратил бы на это внимание.

Вэл повернулась спиной к деревьям и вошла в библиотеку. Вечера, как правило, были не очень оживленными, и сегодняшний день не стал исключением. Вокруг компьютера кружила одна большая группа, друзья или одноклассники, она не могла сказать. Несколько одиночек, с плохо скрываемым раздражением, смотрели на громких, жизнерадостных членов первой компании.

Они выглядят так, словно позируют для картинки из учебника. Вэл могла понять их отвращение. Ничто так не раздражает, когда ты расстроен, как зрелище людей, купающихся в собственном счастье. Это было так, как если бы они агрессивно пихали свою радость тебе в лицо, тыкали в нее носом, издевались над твоей нехваткой.

Читальный зал был совершенно пуст. Мятно-зеленые диваны выглядели теплыми и привлекательными, а целые стеллажи были забиты книгами в мягкой обложке. Когда она в последний раз садилась просто читать? Вэл взяла книгу автора, который ей когда-то нравился, и принялась читать. Как только она это сделала, в кармане у нее зазвонил телефон.

«Наверное, слесарь. Как раз вовремя, придурок». Она вытащила свой телефон и нахмурилась. Все-таки, не слесарь. Мэри. Почему Мэри звонила ей?

— Привет, в чем дело? С тобой все в порядке?

— В полном.

Ее желудок сжался при звуке этого голоса.

— Я надеюсь, ты не возражаешь, что я отвечаю от имени твоей подруги. Она сейчас немного занята.

— Где она?

— Пока с ней все в порядке.

— Где...?

— Однако останется ли она такой и дальше, зависит от тебя.

— Не трогай ее.

— Вэл...

— Я серьезно. Если ты причинишь ей боль, я...

— Понимаю, что это должно быть очень трудно для тебя и всех остальных, но библиотека — не то место, чтобы устраивать сцены, Вэл.

«Он знает, где я».

Он наблюдал за ней, радуясь ее страху и дискомфорту. Совсем как Гэвин. Она почувствовала, как пластиковая оболочка напряглась под ее пальцами.

— Где ты?

— Я слышу голоса на заднем плане. Есть ли кто-нибудь рядом с тобой?

Если он спрашивает, значит не очень хорошо ее видит.

Если только это не проверка.

У нее было искушение солгать, просто чтобы посмотреть, но в тесте такого рода неправильные ответы могли быть фатальными.

— Нет, — сказала она наконец.

— Но внутри есть другие люди.

— Да.

— За тобой наблюдают?

Нет, казалось, никто вообще не обращал на нее никакого внимания. Но с другой стороны, никто никогда этого не делал. Не тогда, когда она была бы не против... только когда не хотела.

— Нет.

— Хорошо. Переместись в более тихое место, но не привлекай внимание. Используй задние двери, если придется. Они ведь без сигнализации?

Он не знал?

— Тогда иди в ту сторону.

Вэл взяла свою сумочку и направилась к заднему выходу. Дверь вела в небольшой задний дворик, очень похожий на передний, за исключением того, что вместо ив там росли покрытые мхом дубы, а вместо роз были шпалеры из темного дерева, украшенные

гирляндами глициний.

Двор библиотеки использовался для поэтических вечеров или иногда для спектаклей драматического кружка, но сейчас слишком холодно для этого, и площадка пуста. Вэл присела за один из свободных столиков для пикника, сметая с поверхности опавшие листья.

— Я одна.

— Теперь тебе нужно слушать очень, очень внимательно. Ты меня слушаешь?

Вспыхнуло негодование.

— Да. Я слушаю.

— Позже этим вечером я собираюсь позвонить тебе и сообщить время и место. — Он сделал паузу, словно ожидая новой вспышки гнева. Вэл ничего не сказала. Немного помолчав, он продолжил:

— Сядь на автобус или возьми такси, мне действительно все равно, но убедись, что ты приедешь одна. Если ты не появишься или приведешь с собой кого-нибудь, то пострадает Мэри, а не ты. Но я позабочусь о том, чтобы у тебя была возможность посмотреть. Может быть, тебе это понравится?

— Нет.

— Как думаешь, ты сможешь выполнить мои условия?

— Да.

— Тогда я с нетерпением жду встречи с тобой. Ох, и Вэл? Это очень важно. Убедись, что ты одета в белое.

Связь оборвалась.

Глава 21

Зефирантес

Быстро или нет, слесарь проделал отличную работу по замене. Новые замки казались именно такими: совершенно новыми и, вероятно, более сложными, чем любой другой замок в здании. Конечно, общежития в кампусе были старыми, как и механизмы, используемые для их защиты, так что, возможно, это ни о чем не говорило. Технологии постоянно развивались, как и хакеры, которые зарабатывали себе на жизнь, препарировав их, замкнутые в вечном цикле хищника и жертвы.

«Гэвин, — подумала Вэл, — оценил бы эту мысль».

Подумав о студенческих службах, Вэл покачала головой над своей глупостью. Ей следовало обратиться к ним в тот момент, когда она поняла, что ее ключ пропал. Тогда Гэвин не смог бы вломиться в ее комнату и оставить цикуту в их комнате, и Мэри не стала бы рисковать своей безопасностью, избегая ее.

Дежурная секретарша смерила ее неодобрительным взглядом, когда Вэл передавала запасной комплект ключей и квитанцию. Когда последняя исчезла где-то в ящике стола, она строго сказала:

— Убедись, что не потеряешь и его.

— Не потеряю.

— Можешь оплатить счет в студенческой бухгалтерии в любое время в течение следующих трех месяцев. Подпиши это, пожалуйста.

«Если я буду еще жива через три месяца».

Существуют вещи, от которых никакое количество замков не сможет защитить.

Она положила ключи и сотовый телефон на стол. В комнате царил беспорядок, но все было в точности так, как она оставила. Казалось, ничто не передвинуто, и нет никаких признаков борьбы. Мэри, вероятно, схватили на обратном пути с лекции по статистике. Математический корпус был окружено густой рощей деревьев — в эстетических целях, чтобы компенсировать отвратительную архитектуру 1970-х годов.

А еще они могли служить отличной маскировкой для любого, кто замыслил что-то нехорошее. Вэл бросила сумку на пол и рухнула на кровать. Боль в ее глазах переросла в ослепляющую агонию. Она проглотила две таблетки аспирина, разжевав их насухо, а затем третью.

Конечно, «как» и «почему» больше не имели никакого значения. Как бы то ни было, она оказалась в полной заднице. Мораль выходит за рамки человеческой жизни. Одна человеческая жизнь ничтожна. Несущественна.

Теперь она это поняла.

Вэл только жалела, что не замечала этого раньше.

Ее сотовый телефон зазвонил из глубин сумочки. Призрачные скрипки, оплакивающие уходящую весну. Они звучали ужасно, жутко атмосферно.

«Если я возьму трубку до первого крещендо, все будет в порядке. — Она сомкнула пальцы на тонком краю телефона. — Все будет хорошо».

— Алло?

— Последний шанс через полчаса.

Что он имел в виду, говоря «последний шанс»?

— Прошу прощения?

— «Последний шанс», Вэл. Шесть тридцать. Не опаздывай.

— Это что, бар? — Она покачала головой. — Я не могу попасть в бар.

— Уверен, ты найдешь способ. Сядь за стойку спиной к двери и помни, что я сказал.

Белая одежда. Прийти одной.

— Я помню.

— Хорошо.

***

У нее была ровно одна белая вещь. Она знала это сразу, потому что белая майка была даже не ее, не совсем. Гэвин купил ее для Вэл в ту же ночь, когда загнал в лесу, как оленя.

Тонкая майка с вышитыми вручную кристаллами казалась очень неуместной. Она попыталась смягчить образ джинсами и кофтой, но все равно чувствовала себя так, словно собралась на свидание. Сравнение заставило ее почувствовать себя неловко. Даже ее преследователь относился к этому довольно легкомысленно.

Только почему, собственно, так важно, в какого цвета одежду она одета? Какое право он имел предъявлять к ней такие требования? И почему он чувствует в этом необходимость?

Может быть, белая одежда должна что-то символизировать. Может быть, это как-то связано с шахматами. Большинство вещей в ее жизни происходили сейчас, благодаря Гэвину и его одержимости. Но шахматы никогда не были ее игрой, это его игра.

«В любом случае, мой цвет черный».

Так как она опоздала на автобус, ей пришлось вызвать такси, чтобы добраться до бара. Она вышла из общежития и беспечно зашагала по тротуару, каждую секунду проверяя свой телефон. Таксист опоздал на пять минут. Вэл, разрываясь от нетерпения и тревоги, рывкнула:

— Отвезите к «Последнему шансу», — вспомнив в последнюю минуту добавить запоздалое «пожалуйста».

Таксист был пожилым мужчиной, возрастом примерно, как ее отец, с оливковой кожей и волосами цвета соли с перцем. Он одарил ее веселой улыбкой.

— Да, верно, очень смешно. Не слишком ли ты молода?

— Я заплачу дополнительно, если придется. — Она знала, что теперь ее голос звучал холодно, и ей все равно. — Просто доставьте меня туда до половины седьмого.

Его улыбка исчезла.

— Это не место для такой милой девушки, как ты.

«Я не милая девушка».

Эта мысль удивила ее — она всегда являлась квинтэссенцией «милой девушки». Черт возьми, это практически ее эпитафия. Или, по крайней мере, так было.

«Нет, — подумала она. — Я давно перестала быть милой».

Она забралась в такси — дверь была не заперта — и села на заднее сиденье. Когда таксист не завел машину, она сложила руки на груди и стала ждать.

Таксист вздохнул.

— «Последний шанс», значит.

Это была долгая поездка. Бар находился на окраине Норт-Пойнта, которая казалась более сельской и, следовательно, сильнее подверженной влиянию местной флоры и фауны.

Вэл заплатила за проезд и бросила пять долларов чаевых на сиденье, прежде чем выскользнуть из такси. Быстро, пока у нее не сдали нервы. Этот хрупкий резервуар силы трещал, мужество просачивалось маленькими, хлещущими потоками. Шины автомобиля заскрежетали по гравийной подъездной дорожке, в конце концов стихнув до приглушенного рева, когда белые крапчатые камни уступили место гладкому асфальту.

Само здание показалось на удивление безобидным, почти причудливым. С фасадом из темного дерева и раскрашенной вручную вывеской, развевающейся на ветру, изображающей переполненную кружку пива с полной пенистой шапкой, оно походило на английский паб.

Из дверей в стиле салуна доносилась музыка. Перепетая рок-песня восьмидесятых. Вэл не вспомнила исполнителя сразу, но он часто звучал по радио. Когда двери качнулись на ветру, желтые полосы света заплясали на затененной лужайке.

Вэл глубоко вздохнула и вошла в бар.

Сигаретный дым висел низкими клубящимися облаками. Воздух в баре был пропитан им. Бар для курящих. Это было необычно, особенно в наше время.

Внутри не так чисто, как снаружи. Больше в стиле кантри-вестерн, чем старой английской таверны. На лакированных дубовых столах виднелись порезы и царапины, логотипы банд и ненормативная лексика, которые выглядели так, словно их вырезали ножами. Возможно, так оно и было.

Вэл сунула руки под мышки. Тонкий слой грязи покрывал каждую поверхность, включая пол, и заставлял ее бояться осматривать что-либо слишком внимательно. По крайней мере, бар выглядел почище.

Она села за стойку бара, отвернувшись от двери, как было указано, и притворилась, что изучает меню напитков, осматривая зал и его обитателей.

Он уже здесь?

Там были грубоватые на вид мужчины, игравшие в бильярд, которые выглядели так, словно надели свои лучшие наряды для вечеринки. Толпа, собравшаяся вокруг караоке-

автомата, наблюдая, как обесцвеченная блондинка фальшиво перепевает «Journey». Вэл посмотрела на свой телефон, затем снова на бар. Шесть тридцать. Где...

— Тебе это не понадобится.

Она почувствовала, как у нее из рук выдернули телефон. Вэл была так удивлена, что ей даже не пришло в голову дать отпор. Потому что она узнала этот голос.

Вэл развернулась на табурете, уставившись в дизайнерскую рубашку, и когда подняла голову, ее подозрения подтвердились, когда она встретилась с жестким голубым взглядом Вэнса Бенвениста.

Он криво улыбнулся.

— Давно не виделись.

— Ты... ты? — Это оказалось неожиданно. В этом не было никакого смысла.

— Сюрприз. — Он вскочил на табурет рядом с ней, засовывая телефон в карман своей рубашки. Сделав его недосыгаемым для нее. — Думаю, ты меня не ждала. — Он поднял руку, чтобы подать знак бармену. — Прекрасно выглядишь.

— Ты был на вечеринке. Вечеринка Мэри. Ты был тем, кто... — Вэл стиснула руки. — Ты подонок.

— Правильно, Зеленоглазка. Я подонок. Сексуально озабоченный придурок. Такой человек, как я, никак не может выдавать себя за соперника твоего драгоценного гроссмейстера, верно, Вэл?

Он прав. Такая возможность действительно не приходила ей в голову. Она вообще его не подозревала.

— О, ты хочешь сказать, что я действительно тебя одурачил? Не знаю, должен ли я чувствовать себя оскорбленным или польщенным.

— Где Мэри?

Подошел бармен, прервав ответ Вэнса. Если он вообще собирался отвечать. Она наблюдала, как он передал свое удостоверение личности и немного денег. Как только бармен снова ушел, Вэнс сказал:

— С ней все в порядке.

— Это не то, что я спросила.

Ему принесли пиво, янтарную жидкость в прозрачном матовом стакане. Его кадык дернулся, когда он сделал ленивый плоток, глядя на нее поверх стакана. Она сохраняла невозмутимое выражение лица. В конце концов он поставил стакан и вытер рот тыльной стороной ладони. Его губы все еще были влажными. Они напоминали ей червей. Больших фиолетовых червей.

Ночные змеи. Их называют ночными змеями.

— Где она? — повторила Вэл.

— В багажнике моего грузовика... Наверное, у нее чертовски кружится голова, и вдобавок разрывается от боли.

— Что?

— Не смотри на меня так, детка. Я был очень нежен с ней. Тебя взять что-нибудь выпить?

— Я не хочу ничего от тебя, кроме как забрать Мэри.

Вэнс махнул бармену.

— стакан воды, пожалуйста. — Вэл попыталась поймать взгляд бармена, донести до его сознания то, что нельзя было сказать вслух, и Вэнс сжал ее бедро под стойкой. — Если

позовешь на помощь, можешь попрощаться с подругой.

Она вывернула бедро.

— Я и не собиралась, — прошипела она. — Не прикасайся ко мне.

Бармен взглянул в их сторону, все еще держа кувшин с водой. Несколько обмякших ломтиков лимона плавали среди льда, как трупы. Вэл почувствовала, как влажные, скользкие губы коснулись ее уха.

— Улыбнись милому мужчине.

— Отодвинься от меня.

— Помни, что поставлено на карту, детка. Улыбнись ему. По-настоящему радостно.

Ее челюсть, казалось, никогда не разомкнется.

Бармен поставил перед ней запотевший стакан с водой. Долька лимона никак не могла заглушить резкий, невытый запах стакана. Она сделала глоток, скорчила гримасу, и Вэнс усмехнулся.

— Водопроводная вода.

Вэл устала на свой стакан, ничего не говоря. Все шло не так, и очень быстро.

Еще через несколько минут Вэнс отставил свой пустой стакан в сторону.

— У меня идея. Хочешь навестить свою подругу? Может быть, поздороваяешься?

— Я бы предпочла остаться здесь.

Бар, возможно, и не был полицейским участком, но у Вэл было неприятное ощущение, что если она пойдет с Вэнсом, то не вернется. Живой.

— Ага, потому что даже я вижу, что ты всю наслаждаешься моей компанией.

Вэл прикусила губу. Стоит ли ей рисковать? Кричать?

Его лицо застыло.

— Да ладно. Не заставляй меня просить тебя дважды.

Она с трудом поднялась с табурета, когда он вывел ее, держа за запястье, как собаку на поводке. Если бы только она не достала свой мобильный телефон. Она могла бы написать сообщение...

Кому? Кому бы она написала сообщение? У нее нет друзей. Уже нет.

Может быть, в полицию.

Теперь уже слишком поздно.

«Грузовик» Вэнса оказался одним из тех хаммеров, которые она ненавидела. На приборной панели даже была танцовщица хула топлесс.

Сначала бар для курящих. А теперь вот это.

Раздался звенящий звук, когда Вэнс боролся со своими ключами.

— Просто постой. Вот здесь. Мне нужно открыть багажник...

— Мэри? — Вэл обошла массивные шины. — Мэри?

Она замерла, моргая. Багажник был пуст.

— Что...

— Прости, Вэл. — Он схватил ее сзади. На этот раз она сопротивлялась, но ткань, закрывавшая ее рот и нос, крепко прижималась. — Это конец.

Тошнотворная сладость. Пронзительная боль. Фейерверк. Потом ничего.

***

«Как же болит голова».

Зеркала света закружились перед ее прищуренными глазами, медленно расплываясь в люминесцентные ореолы. Станный эффект, который они вызывали, усугублялся

неизбежным головокружением, которое последовало за этим, заливая ее голову, как холодный темный цемент. Она сильно вздрогнула.

Она замерзла. Она была мокрой.

«Где я?»

В воздухе странно пахло, как праздничным тортом и летом. Картинки мелькали в ее голове с четкостью Кодака, и она нетерпеливо сморгнула их. Попытка сесть вызвала белые вспышки на периферии зрения.

Боль пронзила ее виски, как ланцет. Вэл отшатнулась и закричала, когда ударилась головой обо что-то твердое и неподатливое, с острыми, зазубренными краями. От боли у нее потемнело в глазах, когда звук ее крика эхом донесся до нее из темноты. Она замерла, тяжело дыша, и подумала, что ей, должно быть, снится какой-то кошмар.

Но нет, никто не чувствует боли во сне. Боль должна означать... что все происходящее реально.

Она наклонилась вперед, как в попытке увидеть, так и для того, чтобы подавить тошноту. Пол был покрыт темной водой. Соленый привкус задержался в глубине ее горла, вызывая смутную, но отчаянную жажду.

Стены и потолки были каменными. Зазубренная, пористая скала красновато-коричневого цвета влажной глины, еще более темная у линии воды, обозначающей прилив. Линия, которую она не могла не заметить, простиралась намного выше ее головы.

«Он не знает, что я не умею плавать». Ее руки, туго связанные за спиной пеньковой веревкой, болели в знак протеста. Он не хочет рисковать.

Вэнс привез ее сюда, чтобы утопить.

Потом она заметила свечи. Они стояли повсюду, балансируя на выступах скал. Короткие, приземистые свечи, которые выглядели уродливыми в тени. Все они были либо черными, либо белыми, окружая ее, как армия шахматных фигур, ожидающих приказов от невидимого командира.

Опять шахматы. Это всегда связано с шахматами.

Она повернула голову — на этот раз медленно, чтобы не удариться снова об эти острые выступы скалы — и увидела сверкающий венчик из оранжевого и изумрудного цветов. Лилии, шелковистые и крапчатые, как мех леопарда, и базилик с его пряным, свежим как после дождя ароматом.

«Оранжевые лилии означают ненависть, с тревогой — подумала она. — Базилик, тоже символизирует ненависть».

Гэвин сам подарил ей такой букет. Вэнс не просто привез ее сюда, чтобы утопить. По какой-то причине он подражал Гэвину.

— Помогите! — закричала она. — Кто-нибудь, помогите мне!

В темноте она услышала смех.

— Какой классный эффект. Свет свечей очень лестен с эстетической точки зрения, хотя он мало что может сделать.

Вэл выпрямилась, не зная, должна ли она испытывать облегчение или страх. Облегчение от того, что он не бросил ее, или страх по той же самой причине. Она остановилась на едкой смеси того и другого.

— Где ты?

— Рад, что ты очнулась. Я боялся, что переборщил с хлороформом. Знаешь, это может быть смертельно опасно при неправильной дозировке. Мне пришлось украсть его в одной из

химических лабораторий. Но ты кажешься достаточно ожившей.

Ее плечи напряглись. Его голубые глаза были яркими и нетерпеливыми, почти электрическими от возбуждения.

Она не могла поверить, что когда-то считала его красивым. В Вэнсе было что-то демоническое, окружавшее его, — темная, мерзкая энергия. Она вздрогнула, когда он коснулся ее лица.

— Что это?

— Твоя могила.

Его спокойный, деловитый, почти веселый тон напугал ее гораздо больше, чем могли бы испугать гневные угрозы. Гнев был иррациональным, переменчивым, непредсказуемым.

Это... это было по-другому. Хуже.

Она облизала губы.

— Почему ты делаешь это? *(Ты знаешь очень хорошо почему)*.

Но она не знала.

«Должно быть, так чувствовали себя те девушки. Все те девушки, которых убил Гэвин. Из-за меня».

Поэтическая справедливость.

— Ты хочешь сказать, что еще не поняла этого? — спросил Вэнс с притворным удивлением. — А я-то думал, что ты должна быть настоящим маленьким мастером головоломок. Должен ли я сказать тебе? Или я должен позволить тебе гадать об этом всю оставшуюся жизнь? Нет-нет, это не займет слишком много времени, и я действительно хочу, чтобы ты знала. Ты должна знать.

Он подошел ближе, с каждым шагом вытесняя воду. Внезапно она заметила, что его татуировка исчезла. Должно быть, она была временная.

— Год назад ты играла в игру. Помнишь, Вэл? Помнишь большой жуткий дом?

— Помню, — сказала она, — я никогда не забывала.

— Попытайся вспомнить игроков. Ты можешь это сделать? — Он прижал обе руки к ее лицу по бокам. Как будто пытался поймать телепатическую волну. — Там был тот большой болван, Brent. И еще маленький проныра. Я забыл его имя... он не важен. А потом появилась девушка по имени Шарлин.

— Чарли, — автоматически сказала Вэл. — Она пыталась убить меня. Боже мой, она была твоей девушкой? — Его руки болезненно сжались.

— Она была моей младшей сестрой, ты, извращенная сука.

Вэл тут же заметила сходство. Как если бы лицо мертвой девушки было наложено на его лицо. Темные волосы, голубые глаза, бледная кожа.

— Мне пришлось выследить Brentа, чтобы узнать историю, с тех пор как ты скрылась, и ГМ просто, ну. Исчез. Он сказал мне, что ГМ убил Чарли. Brent все рассказал. Он сказал мне, что ГМ убил ее, как будто она даже не была человеком, потому что она пыталась убить тебя. Ты хоть представляешь, что это сделало с моей семьей? Да, — ответил он на свой собственный вопрос. — Да, я полагаю, ты должна знать.

— Она была чокнутой.

Его глаза блеснули в колеблющемся свете.

— А ты нет? Я знаю о тебе все, Вэл. Ты и твои маленькие странности. Тебя было так легко найти, что это было почти жалко. Мы все охотники в моей семье, ты же знаешь. Олени, утки... девицы. Я ожидал вызова. Это оказался фарс. Я имею в виду, серьезно, Валери

Кляйн? Это лучшее, что ты смогла придумать? Жалко, — повторил он.

Вэл больше не чувствовала своих рук. Они онемели.

— Что ты собираешься со мной сделать?

— Ах, инстинкт самосохранения поднимает свою уродливую голову. — Он потянулся к ней. Вэл отстранилась и снова ударилась головой о каменный выступ позади нее, и сквозь пелену боли осознала, что он тянет ее к зияющему входу в пещеру. — Ты слышишь этот рев вдалеке?

Она кивнула, пытаясь стряхнуть его с себя.

— Что это? Автострада?

— О нет. Даже близко не угадала. Это, Вэл, звук приближающегося прилива. Примерно через полчаса, максимум через сорок пять минут, этот маленький грот будет полностью под водой — и ты тоже.

Вэл невольно вскрикнула.

— Водяные могилы так романтичны, не правда ли?

«Только если ты психопат».

— Знаешь, я изначально планировал трахнуть тебя. Не сейчас, — заявил он, когда она отшатнулась, — когда он поймел тебя. Но в самом начале. Мне понравилась идея, трахнуть тебя раньше, чем ГМ. Разве это не было бы иронично?

— Ты отвратительный.

— Еще какой, Вэл. После того, что ты сделала, я хочу, чтобы ты слышала каждое слово. Кроме того, я думал, что ты уже привыкла к этому, учитывая все слухи о тебе. Ведь именно поэтому ты уехала из города? Потому что люди предполагали, что тебе нравятся плохие парни, может быть, даже слишком сильно, верно?

Он ткнул пальцем в отметину на ее шее.

— Полагаю, это правда.

— Прекрати, — сказала Вэл. — Достаточно.

— Даже дети были в курсе. Я слышал самый милый детский стишок в твоём родном городе, где кучка маленьких сопляков прыгала на скакалке. Хочешь послушать его?

— Нет.

— Я все равно скажу тебе. — Он прочистил горло. — Раз пошла Валериэн Кимбл гулять, но психам не повезло, ведь она бл*дь...

— Пожалуйста.

— ...скольких трахнуть успела она? Одного, второго, третьего... тьма.

Он отступил назад.

Несмотря на его предыдущие слова, Вэл боялась, что он отошел для того, чтобы снять штаны. Она зажмурила глаза и сжала бедра вместе, собираясь с духом. Он не прикоснулся к ней, хотя была яркая вспышка.

Вэнс делал снимки.

— Я действительно не думаю, что он сможет устоять перед тем, чтобы прийти за мной, когда я пришлю ему остаток моего маленького фотоальбома.

Остаток? Боже милостивый. Он был так же болен, как и Гэвин.

— Он убьет тебя, — сказала она. — Совсем как твою сестру.

Упоминание о Чарли было ошибкой.

— Я рассчитываю на это, — сказал он злобно. — Во всяком случае, он думает, что сможет. Я могу сделать так, чтобы это выглядело как убийство с последующим

самоубийством. Я наблюдал за ним. Мне нравится думать, что я немного перенял его стиль. — Вэнс указал на свечи и цветы, а затем продекламировал:

— *Друг друга любят дети главарей,
Но им судьба подстраивает козни,
И гибель их у гробовых дверей
Кладёт конец непримиримой розни.*

Пресса проглотит это дерьмо.

— Ты такой же больной, как и он.

— Учитывая ваши отношения, мне придется принять это как комплимент.

Вэл отвернулась от вспышки, чтобы он не мог снять ее лицо. Почему это продолжало происходить? Почему она? Возможно, некоторые люди испускали какой-то феромон, воспринимаемый только на длине волны, уникальной для тех людей, которые охотились на них.

— Тебе это с рук не сойдет.

— О, это хорошая поза. Ты еще и плакать собираешься? Скажи мне, что да. Это может даже спровоцировать ублюдка. — Вэнс обошел камень, чтобы сфотографировать ее с другой стороны.

Ужас и паника вырвались наружу, породив свирепый взрыв сопротивления и избавления от страха. Она ударила ногой и пнула так сильно, как только могла. Угол и время, на этот раз, оказались идеальными. Ее нога наткнулась на что-то мягкое с приглушенным стуком.

Вэнс споткнулся, и его ботинок зацепился за несколько камней. Он упал с громким всплеском, за которым последовало несколько более мелких всплесков.

— Ах ты, маленькая шлюха. — Он задыхался. — Сука. Ты испортила мою гребаную камеру.

Он неуверенно поднялся на ноги, глядя на нее с такой яростью, которая стерла все следы злости с ее лица. Вэл вздрогнула, но все, что он сделал, это погасил одну из свечей возле ее тела своими мокрыми пальцами. Пламя погасло с сердитым шипением, и из мрака появилось еще больше теней, чтобы поглотить стены пещеры во тьме. Он провел влажной рукой по ее лицу.

— Я надеюсь, ради твоего же блага, что копы найдут тебя раньше, чем это сделают черви. В противном случае, никакого открытого гроба для тебя.

Его тяжелые шаги стихли. Когда она убедилась, что он ушел и что она совершенно одна, Вэл склонила голову и заплакала.

Глава 22

Цикута

Вэнс прислонился спиной к камням, слегка дрожа от холода, хотя адреналин, бегущий по венам, смягчал эффект, превращая его скорее в легкое раздражение, чем в настоящий дискомфорт.

Над расплавленными оттенками фиолетового и индиго зенит неба был усыпан звездами. Вэнс был слишком мокрым и взвинченным, чтобы оценить открывшийся вид. Он выругался, выжимая воду из джинсов, рубашки, носков. Он никак не мог ехать домой в таком виде.

Если бы Вэл не пнула его, он бы сейчас буквально испытывал кайф. Но начинало казаться, что он может застрять в этой гноящейся выгребной яме еще на день или два.

По крайней мере, все было не совсем безнадежно. Он мог бы поспать в своей машине после того, как немного включит обогреватели. В подстаканнике стояла наполовину полная банка пива, сзади лежала пара энергетических батончиков с высоким содержанием белка. По крайней мере, у него хватило предусмотрительности захватить шорты для плавания.

«Она скоро умрет, — подумал он. — Маленькая сучка. Наверное, уже начала кричать».

Он чуть не пропустил тихий хруст гравия. Даже когда услышал его, подумал поначалу, что это какой-то маленький зверек бежит по своим делам.

Вэнс вздрогнул, когда понял, что за ним наблюдают, и что его наблюдатель не был ни маленьким, ни убегающим, а более крупной добычей, которую он искал.

Страшно, что такой крупный мужчина мог почти не издавать звуков на такой пересеченной местности. Его одежда была такой темной, что он сливался с тенями. Его пальто беззвучно развевалось на океанском бризе. Единственное заметное движение.

Мужчина ничего не сказал. Это было чертовски жутко. Просто смотрел на него, пока ветер трепал его волосы. Его поза напомнила Вэнсу леопарда, готового к прыжку, и впервые он задумался, были ли правдой те слухи о том, что ГМ считает себя больше животным, чем человеком.

«Хотел бы я видеть его лицо», — подумал Вэнс, но оно было непроницаемо под звездами.

— Скажи мне, где она.

Его голос был глубоким, резким. Вэнс чуть не вздрогнул и возненавидел его за это еще больше.

— Я мог бы сказать тебе, — он тщательно взвешивал свои слова, — Или я мог бы позволить тебе утопиться, разыскивая ее.

ГМ сделал выпад.

Вэнс готовился к такому нападению. На самом деле он рассчитывал на это, потому что знал, что был более мускулистым из них двоих, и в схватке он редко проигрывал. Поэтому, когда ГМ резко остановился всего в нескольких футах от него и нанес удар ногой в уже больной живот Вэнса, он был совершенно застигнут врасплох.

Он ударился о землю с тяжелым, глухим стуком. Камни впились в его кожу. Брызги песка и прибоя взметнулись в воздух.

«Начинается прилив, — подумал он с чем-то похожим на истерику. — Вэл, ты сука. Это все твоя вина».

— Чертова сука. — Он поискал свой нож, но его не было в кармане. Должно быть, он выпал, когда эта сука пнула его. — Бл*ть...

ГМ присел на корточки рядом с ним, одна рука свисала с его колена.

— Скажи мне, где она, — повторил он тем же тоном, что и раньше. Однако с такого близкого расстояния Вэнс мог видеть, что его глаза яростно блестели.

Вэнс замахнулся. ГМ откинулся назад, уклоняясь от основной атаки, но драгоценный камень в перстне Вэнса оставил небольшую круглую рану на щеке гроссмейстера. Не похоже, чтобы это было особенно больно — конечно, не так, как было больно ему, — но это побудило ГМ снова пнуть Вэнса, сильнее. Его стон заполнил ночное небо.

«Еще несколько таких любовных прикосновений, и я буду ссать кровью», — подумал он.

— Ты опоздал, ублюдок. Она уже мертва.

— Я тебе не верю. — Голос ГМ был все еще спокоен. Это противоречило стали в его руке. У него был нож. Нож, которым он Чарли?

— Если ты убьешь меня, ты никогда ее не найдешь.

— Я не собираюсь убивать тебя.

ГМ сдернул с Вэнса шорты. Вэнс недоверчиво уставился на мрачное лицо гроссмейстера, когда он сомкнул руку вокруг его сморщенного пениса. Он совсем спятил? Затем он почувствовал первый порез и понял, он понял все слишком хорошо. ГМ сделал только второе движение ножом, когда Вэнс начал кричать.

***

До прошлого года Вэл никогда не думала слишком долго или слишком сильно о смерти. Смерть казалась такой далекой, почти сказочной страной. В конце концов, одно десятилетие составляло больше половины ее жизни, а смерть, по этим меркам, была по меньшей мере в пяти промежутках. Если не больше.

Но теперь... Она задумалась. Теперь она знала, что жизнь — это всего лишь краткий перерыв, на самом деле вспышка в бесконечной линии небытия, которая составляла это призрачное царство неизвестного. Она может прекратиться в любой момент.

Ее кожа начала неметь от холода. Разве не должны воспоминания вспыхивать перед глазами в такой момент, как этот? Вода уже доходила ей до груди и неуклонно поднималась. Время для размышлений было на исходе. «*Post-mortem*, — подумала она. — Так называется анализ шахматной партии после ее завершения. Вскрытие. После смерти».

Большинство свечей погасло, и в пещере стало еще темнее, чем раньше. От солоноватого запаха прилива у нее заслезились глаза и защипало в носу. Она пыталась сопротивляться, но соленая вода сделала ее веревочные путы еще крепче, чем раньше.

«Может быть, моя жизнь вела к этому моменту».

Что-то шлепнулось внизу. Падающие камни? Акула? Теперь все ее тело покалывало, как будто ее пронзали тысячи крошечных иголок. Тихий океан был ледяным, по-зимнему холодным.

Вэл начала чувствовать сонливость, мечтательность.

«Я умираю». — Эта мысль должна была бы встревожить Вэл, но теперь, когда она погружалась в вечный сон, она обнаружила, что на самом деле ей все равно.

Она подумала, что спит, когда почувствовала, как теплое тело коснулось ее. Галлюцинации. Мозг иногда делал это, когда клетки мозга умирали.

— Задержи дыхание.

Вода теперь была почти на уровне ее подбородка. Она вдохнула... и волны хлынули ей в лицо.

***

Вэл открыла глаза.

Было еще темно, а это означало, что, должно быть, прошла всего пара часов. Небо казалось темно-синим бархатом, усыпанным бриллиантовыми звездами. Запах соли приправлял воздух своей предательской остротой в сочетании с мускусом обнаженной кожи.

Она прислонилась к обнаженной груди мужчины, покрытой влажными вьющимися волосами. Коричневый сосок маячил на ее периферии, выглядывая, как слепой глаз.

Встревоженная, она взглянула вверх только для того, чтобы увидеть его, Гэвина, просто спящего. Его густые брови были сведены вместе, придавая ему озабоченное выражение,

которого она никогда не видела у него, когда он бодрствовал.

Его полные губы были приоткрыты, а короткие ресницы казались угольными полосками на фоне пергаментной кожи. Странная боль отозвалась в ее теле, когда она посмотрела на его спящее лицо. Ее пугало, насколько нормально он выглядел. Как уязвимо.

«Но это не так, — напомнила она себе. — Даже близко нет».

***

Когда она снова открыла глаза, темнота за окном была смягчена маленькими лучиками света на горизонте.

Гэвин собственнически погладил ее по щеке, прежде чем скользнуть под подбородок, чтобы пощупать пульс. Его рука была холодной, и она почувствовала, как мурашки пробежали по ее рукам и натянули кожу вокруг груди.

Он наблюдал за ней, внезапно поняла она, изучая ее с прямоотой, которая заставила бы ее почувствовать себя обнаженной, если бы она уже не была такой.

— Ты влюбилась в меня... не так ли?

Это было так далеко от того, чего она ожидала, как будто он ударил ее. У нее не было времени на создание защиты. Ее лицо казалось открытым и незащищенным.

— Видел, как ты смотрела на меня, когда думала, что я сплю. Я почувствовал, как ты прикасаешься ко мне.

— Нет, — отрицала она, — это неправда. Я бы никогда... — Он поцеловал ее. Легко, бесстрастно. Он поцеловал ее, и она растерялась. Он поцеловал ее, и у нее перехватило дыхание. С другой стороны, его дыхание совсем не изменилось. Она уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— Ты что-то говорил?

Он снова наклонился, и Вэл оттолкнула его. Ей только что пришла в голову мысль.

— Это хаммер Вэнса, — запинаясь, сказала она. — Что ты сделал с Вэнсом?

— Как мало ты думаешь обо мне.

Это было слишком далеко от истины, от ее душевного спокойствия. Она покачала головой.

— Ты убил его? Нет, — ответила она на свой собственный вопрос. — Ты бы не убил его. Ты не настолько милосерден.

Она ожидала, что он рассмеется. Не то чтобы это было особенно смешно, но обычно казалось, что в этом весь смысл. Но он этого не сделал.

— Что ты сделал? Расчленил его?

Это вызвало призрачную улыбку на его бледных губах, но она была далеко не приветливой.

— Расчленил, — повторил он, перекатывая слово во рту, как жемчужину. — Подходящий выбор слов, да. Особенно если принять во внимание этиологию...

Ей потребовалось мгновение, чтобы понять.

— О нет, — проговорила она, потрясенная. — Ты не...

— О да, — заверил он. — Я так и сделал.

Она подавила рыдание.

— Такое нежное сердце. — Он похлопал ее по груди. Та же самая рука, которая, вооруженная клинком, отрезала человеческую плоть, как будто это была вырезка. — Только не говори мне, что тебе его жаль.

Вэл прикрыла рот рукой и отвернулась.

— Зачем ты это делаешь? — прошептала она. — Почему?

— С таким же успехом ты можешь спросить меня, почему я дышу. Я просто делаю, и все. — Он погладил ее по щеке. Это прорвало плотину, которая все это время сдерживала ее слезы. Она заплакала так, как может плакать только человек с разбитым сердцем.

Он не любил ее. И никогда не полюбит.

Она могла отдавать, и отдавать, и отдавать, пока совсем ничего не останется... и это не имело бы никакого значения.

Не для него.

Эпилог

Давным-давно жила-была наивная и невинная девушка, которая думала, что сможет приручить зверя и жить долго и счастливо. Но зверь не хотел, чтобы его приручали, потому что он был зверем, а звери не заботятся о таких вещах, и девушка умерла вместе со своими мечтами.

Из могилы детства вышла молодая женщина, измученная для своих лет, которая знала, что звери могут носить шкуры людей, и что зло может существовать как в солнечном свете, так и во тьме.

Чем больше вещи меняются, тем больше они остаются прежними.

***

Вэл была удивлена, узнав, что Мэри все еще жива. Проснувшись в той пещере, она не особенно задумывалась ни о ком, кроме себя, но у нее мелькнула мимолетная мысль, что ее соседка по комнате, должно быть, пришла к такому же концу от руки Вэнса. Но нет.

Когда полиция обнаружила Вэнса Бенвениста на галечном берегу Кресент-Бэй, частично в сознании, слабого и дезориентированного от потери крови, он был не в том состоянии, чтобы скрывать информацию. Он рассказал копам все, между своими судорожными вздохами и мольбами о помощи. Мэри нашли запертой в шкафу его квартиры, оглушенной и обезвоженной, но в остальном в порядке. На всякий случай ее оставили на ночь для наблюдения в местной больнице, но ее состояние было стабильным. Вэнс, же, умер по дороге в больницу.

Вэл узнала об этом от Гэвина. Он передавал ей информацию по крупицам. Как объедки со стола. Она не спросила, откуда он узнал. Она предположила, что он был анонимным наводчиком, который привел следователей на место преступления.

Гэвин вполне способен на это. Играйте за обе стороны, а затем наблюдайте за последовавшим хаосом издалека. Что бы ни отвечало его собственным интересам или ни забавляло его, это было достаточной мотивацией. Самым низким общим знаменателем человеческой морали всегда был личный интерес.

(Ты влюбилась в меня, не так ли?)

Боль пронзила ее грудь, как будто большая игла сшивала ее ребра вместе, стягивая их слишком туго. Эмоции клубились, как ярко окрашенные нити, некоторые выделялись резким контрастом. Красно-фиолетовое чувство вины. Карминовая похоть. Алый гнев. Боль, девственно белая, потому что не было ничего чище первоначального вызывающего отвращение стимула. Страх в съезжившемся, уязвимом розовом. Изумрудное сожаление. Печаль, окутанная полуночной синевой.

Она проснулась поздно вечером и была поражена, почувствовав тяжелое углубление в матрасе рядом с собой. Одна из его обтянутых джинсами ног была согнута в колене, и он

прижимал блокнот к бедру. Его волосы были растрепаны. Углем были испачканы руки и лицо в том месте, где он прикоснулся к нижней губе в безмолвном созерцании, как делал это сейчас.

Вэл села и наклонилась, чтобы посмотреть, что он рисует. Она увидела розу. Мертвые, лепестки истрепались от старости и стали тонкими, как пергамент. Его затенение было изысканным, и ей почти захотелось протянуть руку и коснуться краев, чтобы убедиться, что это не по-настоящему.

Гэвин взглянул на нее, затем позволил альбому открыться на другой странице. Это была она — в постели, спящая. Ее первой мыслью было, что он сделал это сегодня утром, когда она спала, но потом она посмотрела на дату внизу и заметила несколько других деталей, которые оспаривали это. Волосы короче, синяк давно поблек.

— Я нарисовал его в первую ночь, когда ты пришла ко мне.

Тигровая лилия, запутавшаяся в ее волосах. Скомканные листья базилика, застрявшие в пальцах, лежащих на простынях. Лепестки роз и жасмин в форме звезды.

Он использовал акварельные краски, чтобы подчеркнуть яркость цветов. Ее губы были окрашены в кораллово-розовый цвет, как и соски. Все остальное он оставил черно-белым.

Образы с первого курса, частично забытые, всплыли в ужасающих деталях. Обнаженная плоть, задрапированная в меха, шелка и бусы. Сексуальность настолько явная, что казалась почти звериной. Она сказала:

— Это отвратительно.

— Что такое искусство, если не повод для приключений?

«Лоботомия чувств», — подумала она. Ощущения отбирались, вырезались и отображались в поперечных срезах в тщетной попытке изобразить целостный образ.

Клетка, созданная из художественного замысла... и свинца.

***

Мэри подала заявление о переводе из комнаты. Ее семья скоро придет за ее вещами. Скорее всего, три сестры. Энджел, Черри и Фло.

Как давно, казалось, был тот ужин. Тогда еще была надежда. Далекая, но сверкающая. Но не сейчас. Теперь надежда мертва, похоронена вместе с другими жертвами этой жестокой и ужасной игры.

Все, к чему мы прикасаемся, мы уничтожаем.

— Это не искусство.

— О, нет?

— Нет! — она кинулась к альбому, охваченная неудержимым желанием разорвать страницы в клочья, как ребенок, отрывающий крылья у бабочки.

Она понимала причину ухода Мэри, но это несколько не смягчало ее пренебрежения.

Понимание не приносило утешения и не избавляло от боли. Во многих отношениях понимание было просто еще большей солью в эмоциональной ране. Понимание вдохновляло на сопереживание, что приводило к чувству вины, а также к страданиям.

Она посмотрела на Гэвина, лежащего на спине, беззаботного, довольного, и подумала, что, возможно, в том, чтобы быть социопатом, что-то есть. Если у тебя нет сердца, его нельзя разбить.

Он нагло ответил на ее пристальный взгляд.

— Что тогда искусство?

— Не это, — она кивнула на его альбом для рисования. — Это мерзость.

— Не соглашусь. Достаточно только взглянуть на тебя, — сказал он, — чтобы увидеть, что ты, моя дорогая, — мое величайшее произведение. Твое тело — мой холст, твой разум — моя палитра.

— Я не твоя работа.

— О, но это так. Я создал тебя. Сделал такой, какая ты сейчас, — и это потрясающе. Ты сногшибательна. — Он оттолкнул ее назад, склонившись над ней. — Такая завораживающая смесь эмоций. Я отталкиваю тебя. Я очаровываю тебя. И само твое существо так прекрасно отражает суть этой борьбы. Да, ты — произведение искусства.

— Когда это закончится?

Его улыбка стала тонкой и острой, как нож.

— Когда мне станет скучно. — Он сделал паузу и намеренно добавил:

— Или, когда ты разлюбишь меня. Хотя, похоже, ни то, ни другое не произойдет в ближайшее время, хм?

— Я ненавижу тебя.

Он рассмеялся.

— Нет. Я серьезно. Я ненавижу тебя.

Он оттолкнул ее руку в сторону.

— Ненависть — это одержимость. Она всепоглощающая, жестокая и тщеславная. Когда любви позволено гноиться, она становится извращенной и испорченной. Она оседает глубоко в сердце — он стянул ткань с ее плеч — и дает метастазы, посылая свои темные корни через тело, чтобы уничтожить все, что стоит на ее пути. Любовь целомудренна и чиста. Любовь банальна. Нет, у ненависти бесконечно больше возможностей.

Он скользнул ртом вниз по обнаженной линии кожи от шеи до пупка, и Вэл втянула воздух, закинув руки за голову, хватаясь, ища, отчаянно пытаясь дотянуться до чего-то, что было только что вне досягаемости.

— Вот как я убиваю тебя... захватываю... обладаю... наслаждаюсь твоей красотой, даже когда ты начинаешь очень медленно умирать внутри. — Его руки, лежащие на ее бедрах, массировали плоть. — И когда ты перестанешь меня забавлять — когда твои листья начнут увядать, а твои краски начнут блекнуть — я вполне могу решить подрезать тебя, как можно было бы подрезать поникшую розу.

— Ты хочешь сказать, что убьешь меня.

— Вэл. — Ее юбка скользила вверх по бедрам. — Каждый раз, когда ты ложишься со мной, я заставляю тебя умереть маленькой смертью.

Она выгнулась, приподняв его за подбородок, чтобы поцеловать. Он делал ей одолжение. Просто еще одна игра. Одна игра в длинной череде многих, в которую нужно играть в соответствии с его капризными прихотями. «Он станет моей смертью».

— Маленькая смерть.

Он улыбнулся ей в губы.

— Если ты настаиваешь.

«Он станет моей смертью. Если только... если только я не стану причиной его смерти». Она скользнула пальцами под подушку, и он прижался губами к ее груди. Вэл ахнула, пальцы сомкнулись и судорожно сжали гладкий пластик. Когда он переместил свой вес, остановившись, чтобы перевести дыхание, она настойчиво произнесла:

— Гэвин...

Он поднял голову, и она увидела, как его светлые глаза широко распахнулись, когда она

вонзила нож ему в горло, в загнутые края шрама, который оставила больше года назад.

Эффект был мгновенным, драматичным. Фонтан алых лент. Брызги жидкого тепла на ее лице и груди. Каждая попытка вдохнуть приводила к булькающему звуку и пенистым пузырям крови. Его рука скользнула по шее, размазывая кровь по обнаженной груди, как боевую раскраску.

Она ожидала страха. Страх был скорее инстинктивным, чем эмоциональным. Она думала, что преобладающий страх смерти преодолет скрытые эмоции, которыми он обладал вместо сострадания.

Ничего.

Альбом для рисования снова открылся на розе, которую он нарисовал всего несколько минут назад. Лепестки теперь были испещрены пятнами крови.

Ненависть. Рабская преданность.

Искусство.

Или безумие.

Вэл ощутила вкус крови у него во рту, видела, как угасает свет в его глазах, когда поцеловала Гэвина в последний раз. Его тело содрогнулось в конвульсиях. Она почувствовала холодный металл между ребер. Ему удалось схватить нож той рукой, что не держала ее за горло.

«Я уничтожу нас обоих».

Он умер и, падая, оставил глубокую рану, которая, как стрела, указывала ей в живот.

Она подождала, пока его губы стали холодными.

Затем оделась и забрала телефон.

Конец третьей книги.

Бонус 1

Этот эротический рассказ происходит в том же мире, что и моя трилогия «Хоррор» (прим. переводчика — данный рассказ был написан до того, как автор решила написать четвертую книгу из этой серии). Некоторым людям было любопытно узнать об отце Гэвина, который на самом деле не очень подробно упоминается в сюжетной линии, и его матери, которая в значительной степени остается загадкой.

(Мне нравятся загадки! Они не требуют объяснений! Да, я ленива. В конце концов, я писатель. Шучу... но не совсем.)

Однако, на самом деле, для этой неопределенности есть причина, и, если я когда-нибудь соберусь написать свой отдельный спин-офф о маме и папе Гэвина, вы поймете, почему. Но на всякий случай я не... ВОТ.

Я написала этот краткий очерк для небольшой частной писательской группы, в которой некоторое время состояла. С тех пор она распалась, но друзья, которых я приобрела благодаря ей, остались. Существовало несколько ритуалов «дедовщины», и одним из них был вызов на написание эротики. Бывшие члены этой группы вполне могут узнать эту историю и хихикнуть, что они стали первыми, кто прочитал мою — ну, первую публичную попытку написать эротическую.

Или, как они это называют, порно.

Или, как я это называю, мой позор.

Надеюсь, вам понравится. Я буду в углу. Вы знаете, съездившись от смущения.

Нения Кэмпбелл.

«Взятие на проходе».

В воздухе висел тяжелый аромат роз, хотя на темном чердаке не было видно никаких цветов. Его квартира нависала над улицами Пальмы, как какая-то большая хищная птица, открывая ему вид на окрестности с высоты птичьего полета. Главный портовый город Испании был прекрасен ночью, так как в океане отражались луна и звезды, но Анна Мекоцци не могла видеть их из окна Дамиана Альвареса. Это не имело значения. Ни один из них не заботился о таких вещах.

Его рот оказался на ее горле в тот момент, когда дверь закрылась. Она почувствовала, как его зубы сомкнулись вокруг бриллиантового ожерелья, которое она носила на шее. Затем он поцеловал ее в губы, и острые грани и металлические застежки врезались в ее рот почти так же жестоко, как и его зубы. Он нашел ее задницу и сжал сквозь тонкий шелк вечернего платья.

— Без нижнего белья, — прорычал он. — Плохая девочка.

Она оскалила на него зубы.

— Ты даже не представляешь.

Ее слова заставили его усмехнуться, и это выглядело не менее дико, чем ее собственная улыбка.

— Тогда почему бы тебе не показать мне?

Анна схватила его за галстук и толкнула спиной к стене. Он попытался поцеловать ее, и она надменно откинула голову назад, одарив его дерзкой улыбкой, когда прижалась бедрами к выпуклости, напрягшейся, чтобы выскочить из его штанов. Он разорвал ее платье, стащив лямку с плеча, на которой ранее располагалась довольно элегантная полоска шелка в форме цветка.

— Ублюдок, — она упиралась в его бедра с такой силой, что он задохнулся. — Это было мое платье дебитантки. Мой жених купил его для меня в Париже. — Каждое слово сопровождалось движением, которое заставляло его стонать все ниже и ниже. — Я собираюсь убить тебя.

Он хрипло рассмеялся, хотя его черные глаза горели похотью.

— Правда?

— Нож в твоём горле, — прошипела она. — Я буду пить твою кровь Даго, как вино, пока буду класть ноги на ковер, сделанный из твоей никчемной испанской шкуры.

— До или после того, как ты трахнешь меня?

— Вовремя.

— Хорошо. Я люблю предварительные ласки.

Дамиан схватил ее, и они вдвоем упали на пол. Она царапнула его, достаточно сильно, чтобы под ногтями оказался ворс с его пиджака. Он рывком спустил ее платье до талии. Она разорвала его рубашку, заставив пуговицы рассыпаться по деревянному полу. Они покатались в гостиную, и она ударила его о стол, отчего ваза разбилась вдребезги.

Анна оказалась сверху. Она оседлала его талию и поцеловала, развязывая галстук у него на шее и скользя шелком по загорелой коже, прежде чем отбросить его в сторону. Он откинул голову назад, и она повторила путь шелка, оставляя следы поцелуев на его

мускулистом торсе.

У него невероятное тело. Когда она увидела его в первый раз, он был в смокинге. Его фигура казалась обманчиво худощавой, и она слышала, что он был гроссмейстером, поэтому Анна автоматически предположила, что он один из тех книжных интеллектуалов, за которых родители вечно пытались ее сосватать. Но они никогда не предлагали Дамиана Альвареса. На самом деле все как раз наоборот.

Это возбудило ее любопытство... и другие вещи.

О, но вскоре она поняла, почему. Потому что на вечеринке по случаю ее помолвки в Милане он подошел к ней и пригласил на танец. Пронес ее по полу с легкостью летнего зефира, и когда наклонился в изысканной манере, чтобы поцеловать ее руку в конце, он пробормотал:

— У меня есть предложение.

— О? — ласково сказала она, вырывая свою руку из его.

— Держу пари, ты окажешься в моей постели еще до конца ночи.

Она склонила голову набок.

— Это нелепо.

— Вот что они сказали о моем использовании дебюта Гроба во время турнира в Москве. Но я все равно победил. И я выиграю тебя.

И он оказался наполовину прав. Они не сделали этого в его постели. Они не успели пройти дальше двери, как он сорвал с нее одежду. Так что это уже по крайней мере два платья, которые сукин сын уничтожил до сих пор. Она прикусила один из его сосков и услышала, как он зашипел.

Немногие мужчины были способны дать ей то, чего она хотела. Дамиан Альварес был единственным исключением. Он оказался почти таким же испорченным, как и она. Возможно, даже больше. Их химия была взрывоопасной и едкой, ядовитой для всех, кроме них самих. Он с легкостью соглашался попробовать все, что она предлагала: кроме подчинения. На этом Дамиан не согнулся. Он всегда был хозяином, никогда — рабом.

Или так он думал.

Она искоса посмотрела на него серыми глазами, холодными и спокойными, как замерзшее озеро, прежде чем спуститься ниже, слегка потянув зубами за волосы, которые спускались с его пупка. Она услышала, как он резко вдохнул, когда ткнула его языком через штаны, и почувствовала, как он дернулся у ее рта.

— Лицемер, — заявила она.

— Шлюха, — не остался он в долгу.

Она прищелкнула языком в его сторону и резко дернула за ширинку зубами. Пуговица расстегнулась, и она дернула молнию вниз достаточно сильно, чтобы заставить его выгнуть спину и выругаться:

— Черт.

Он был тверд, уже довольно давно, и она несколько секунд восхищалась им, просто дразня своим дыханием. Затем Анна позволила своему языку поиграть с блестящим кончиком, наслаждаясь его соленым, мускусным животным запахом, прежде чем полностью взять его в рот. Она позволила своим зубам царапнуть член, ровно настолько, чтобы вызвать легкий дискомфорт, и почувствовала, как он вздрогнул.

Анна немного отстранилась и погладила его яички, целуя и облизывая последние несколько дюймов. Ей нравилось чувствовать его, железо, обтянутое шелком, с тонкой, как

ткань, кожей, покрытой венами. Каким бы темным он ни был, его кожа здесь была почти такой же бледной, как у нее, за исключением кончика, где она темнела до темно-розового цвета.

Он выругался, когда она отстранилась, и подула на его влажную кожу.

— Отлично. Мы сыграем по-твоему.

Она погладила его по щеке ногтями.

— Мы всегда так делаем.

Затем она снова оказалась под ним, и он сбросил штаны и стянул с нее платье, закрыв свой рот одним из розовых сосков, пока снимал шелк с ее маленьких бедер. Ее кожа была такой же бледной, как у него — темной, и всегда смутно напоминала ему сливки. Он ласкал ее, как будто это было так, посасывая и кусая, и его рука скользнула между ее ног.

— Что скажет твой муж, когда узнает, что ты не добрая католическая девственница? — Он замурлыкал. — Я представляю, как он будет разочарован.

— Я что-нибудь придумаю, — выдохнула Анна. — Может быть... о... может быть, я скажу ему, что я...

— Мм, жаль, что ты не позволяешь мне научить тебя играть в шахматы, моя дорогая. — Его губы мимолетно вернулись к ее рту, прежде чем он вернул свое внимание к другой ее груди. — Ты такая хладнокровная, думаю, игра в шахматы была бы для тебя так же естественна, как дыхание.

— Ну, это ведь нехорошо? Потому что мне нравятся сложные задачи.

Его пальцы проникли глубже.

— О, но подумай о бесчисленных людях, которых ты уничтожила бы.

— Заманчиво.

— Подумай... обо всем, что я мог бы сделать с тобой на этой шахматной доске.

— Еще заманчивее.

— Заберу твоего короля с моей королевой, — его пальцы продолжали свое жестокое нападение, — снова и снова. И, возможно... если ты будешь... очень хороша... мы попробуем поиграть только с фигурами.

— Очень заманчиво.

Боже, как только ей стало скучно, он напомнил ей, почему она позволила ему продолжать возвращаться. Его невероятное тело, его греховный рот, эти смеющиеся мавританские глаза, то, как он мог заставить ее кричать так громко, что она часто удивлялась, что ее голос не трескается, как натянутая резинка.

Анна закрыла глаза, выгнув спину, и вцепилась руками в его голову, накручивая мягкие пряди черных волос, чтобы удержать его на месте.

— Сильнее, Рагаццино.

Он сильно укусил ее, и его рука сменилась членом. Это было именно то, чего она хотела. Она радостно рассмеялась, как девчонка.

— Маленький мальчик? — спросил он, выгибая бровь.

— Докажи, что я ошибаюсь.

Он выдохнул и положил руки по обе стороны от ее головы.

— Если бы ты оказалась такой же плохой любовницей, как и лжецом, я бы уже был за дверью.

Она задохнулась, когда он частично проскользнул в нее одним плавным движением, которое заставило ее почувствовать себя маслом, а его — горячим ножом.

— Значит, ты признаешь, что я хороша, — заявила она, глядя на него сквозь ресницы с вызывающей застенчивостью.

— Я никогда этого не говорил. Ты принимаешь... а-а-а. — Она дернула бедрами, толкая его глубже внутрь.

Анна торжествующе улыбнулась ему. Улыбка исчезла, когда он сказал отрывисто, но, тем не менее, холодно:

— Я оставлю тебя вот так, наполовину кончившей, если ты не перестанешь ухмыляться.

А потом они оба замолчали, если не считать их стонов и вздохов удовольствия. Она обхватила его ногами за талию. Анне всегда нравилось наблюдать за его лицом во время соития, за тем, как его полные губы распухали от их яростных поцелуев, становившись еще более полными, когда они раскрыты от желания, его глаза были закрыты, густые ресницы размазаны по скулам, как черный уголь.

Он был темным ангелом. Она хотела вылепить его, а затем разбить вдребезги.

Он засмеялся в ее волосы, кончая, и сделал последний толчок с вибрацией, от которой ее кости задрожали и расплавились. Анна не смогла бы идти, даже если бы попыталась — и он знал это, самодовольный ублюдок. Он схватил галстук, который она сбросила раньше, поднял ее и понес к своей кровати.

— Что, если я забеременею? — спросила она, прежде чем он привязал ее к столбикам кровати для второго раунда. У него была аллергия на латекс, а она ненавидела все, что лишало ее ощущений, поэтому они никогда не пользовались презервативами. Она знала, что это глупо, но жизнь не стоила того, чтобы жить без небольшого риска.

Дамиан обдумал это.

— Хм. — Он поцеловал ее, томно и глубоко, погружая пальцы в бокал вина на тумбочке. — Лучше надейся, что он пойдет в меня, а не в тебя. — Он провел алой жидкостью по ее телу, и они оба смотрели, как вино струится по ее коже, как кровь. Затем он наклонил голову и слизнул все, прежде чем вино успело впитаться в его простыни.

— Дурак. Это не... о, как здорово... так работает. Дети наследуют половину генов обоих своих родителей.

Дамиан прижался лбом к ее лбу, иронично скривив губы.

— Боже, смилуйся над этим миром.

Бонус 2

Эта история стала результатом проигранного пари. Я забыла, каковы были условия, но проспорила очень злой женщине, которая решила, что меня нужно заставить написать историю об инцесте.

Да, я вдохновлялась «Опасными связями». Правильно-о. Скорее обратно, съежиться в уголке стыда.

«Приз»

Анна Мекоцци сидела на затененном крыльце поместья Вулвертон, нежась в угасающем свете великолепного заката Новой Англии. Она очаровывала своего нового поклонника крепким лимонадом в высоких матовых стаканах, пока ее дети играли во дворе.

«Хищники и добыча» — любимое развлечение детей Мекоцци.

Восьмилетняя Селеста бежала, держась за руки, со своим братом-близнецом Дорианом. Они оба хихикали и кричали, когда их старший брат гнался за ними. Близнецы разделились — Дориан оттолкнул сестру в сторону, чтобы убежать в ивовую рощу, окружавшую высохший пруд с кои.

— Обманщик! — объявила она, но слово быстро растворилось в бессловесном крике ужаса.

Гэвин прыгнул, прижимая свою младшую сестру к земле. Его губы коснулись ее шеи, яремной вены, и он слегка прикусил ее.

— Ты мертва, — выдохнул он, и ее сердце выпрыгнуло из груди. Затем он откинулся на пятки и погладил ее по щеке, и погоня началась заново.

В то время как роли часто примерялись и обменивались, как части маскарадного костюма, некоторые оставались неизменны. Пятнадцатилетний Гэвин, двенадцатилетний Лука и тринадцатилетняя Анна-Мария всегда были хищниками. Всегда.

Лука был совсем не быстр, но силен — особенно для своего возраста. У него тоже был вспыльчивый характер, и младшим детям нравилось дразнить его, но это все равно что тыкать пальцем в спящего крокодила. В конце концов он терял все свое терпение, а затем хватал ближайшего преступника под руку, придавливая своим внушительным телом, пока они не начинали задыхаться. Чтобы получить свободу приходилось унижаться. Количество унижения варьировалась в зависимости от степени его гнева и интенсивности провокации.

Анна-Мария была совсем не такой сильной, несмотря на то, что ей нравилось думать, но она быстра. Иногда двое или трое детей, работающих вместе, могли одолеть ее. Любимым трюком было, чтобы один ребенок схватил Анну-Марию за ноги, и она споткнулась. Затем двое из них садились на нее. Однако за такими попытками всегда следовало возмездие, и оно оказывалось столь же быстрым, сколь и жестоким. Анна-Мария знала слабости и тайные страхи своих братьев и сестер и без колебаний использовала их под малейшим предлогом. Однажды она заперла Селесту — тогда ей было шесть лет — в шкафу в прихожей с парой пауков за то, что та поставила ее в неловкое положение перед парнем, который ей тогда нравился.

Пауки не были ядовитыми, но им самим нравилось немного погоняться. Только когда крики Селесты резко прекратились, Анна-Мария открыла дверь, чтобы выпустить девочку, и обнаружила, что ее младшая сестра потеряла сознание от ужаса — после того, как обмочилась.

Гэвин был и быстрым, и сильным, но не таким сильным, каким когда-нибудь станет Лука, и не таким быстрым, какой уже была его сестра. Дети почти единодушно согласились, что он был лучшим хищником, но только потому что он единственный, кто выполнял свою роль «правильно». Он давал им почувствовать вкус страха, сопровождаемый соблазнительным шепотом власти и смерти. Он заставлял их осознать свою собственную хрупкую смертность и, что лучше всего, делал это привлекательным.

Луку было забавно раздражать, а Анной-Марией забавно угрожать друг другу, но Гэвина они воспринимали всерьез и подходили с осторожностью. Он был способен быть жестоким — на самом деле, во многих отношениях он превзошел даже Анну-Марию в своих нововведениях, — но его жестокость не являлась оружием, которым он владел без контроля. Двусмысленный страх, по его мнению, часто бывает гораздо более сильным, чем тот, который проявляется открыто.

Анна-Мария одновременно ненавидела и уважала своего старшего брата. Она уважала

его, потому что он был могущественным — умным, сильным и дико красивым, и она хотела этого для себя. Она ненавидела его, потому что он обладал этими качествами, и у нее не было возможности забрать их у него, как она могла бы сделать с более материальными вещами, такими как бриллиантовые украшения ее матери. Она ненавидела его больше, потому что он был мужчиной, что автоматически означало, что люди воспринимали его более серьезно. Но больше всего она ненавидела его, потому что была в него влюблена.

«Но он не воспринимает меня всерьез», — думала она, наблюдая, как он катается с Леоной, как молодая пантера, в то время как Дориан и Селеста карабкаются по нему. Это зрелище наполнило ее жаждой, которая требовала утоления. Анна-Мария подошла к своим братьям и сестрам, и они подняли головы, когда она приблизилась. Гэвин стоял на коленях, с каждой руки свисало по ребенку, а Леоны вцепилась ему в шею, словно пытаясь оседлать, как лошадь.

— Прочь, — повелительно проговорила Анна-Мария своей десятилетней сестре. Маленькая девочка отпустила брата, надув губки. — Вы двое — держите его крепко.

Селеста заколебалась, взглянув на Дориана, и они оба крепче сжали руки брата, держа их за спиной.

Анна-Мария опустилась на колени, так что ее лицо оказалось на одном уровне с лицом брата. Она посмотрела ему прямо в глаза, а затем начала быстро и аккуратно расстегивать его рубашку. У него уже начали расти волосы на груди, и их прядь спускалась от пупка, исчезая в брюках. Его тело было намного лучше, чем у любого парня, с которым она встречалась до сих пор. Она провела ногтями по его обнаженному животу, прослеживая бороздки и выступы его формирующегося пресса.

Это было нечестно.

Гэвин бесстрастно наблюдал за ней, и это ее раздражало. Хотя ей всего тринадцать, мужчины уже знали о ней. Со своими длинными ногами, загорелой кожей и густыми светлыми волосами она заставляла их оборачиваться ей вслед. И Анне-Марии нравилось чувствовать на себе их взгляды, отчаянно цепляющиеся за ее фигуру. Это заставляло ее ощущать себя сильной, зная, что они раздевают ее глазами, слой за слоем, пытаясь представить, что прячется под одеждой.

Ей нравилось, что она могла играть ими как пешками, используя свое тело в качестве залога. Ей нравился тот факт, что закон был на ее стороне, как несовершеннолетней, а это означало, что ей не нужно было платить.

Гэвин просто выглядел скучающим и немного раздраженным.

— Ну и, что ты делаешь?

— Просто хочу получше разглядеть моего дорогого старшего брата, — промурлыкала она, прижимаясь лбом к его лбу.

— Ты так же хорошо можешь смотреть издали. Я не один из твоих преданных обожателей, — усмехнулся он.

— Нет, ты не он, — согласилась Анна-Мария. Она потерла его сосок большим и указательным пальцами, медленно и дразняще соблазнительно. — Хотя я не уверена, что понимаю, почему.

— Потому что я вижу тебя насквозь, — тихо сказал он, — И ты тщеславное, глупое создание, которое думает, что она охотница, но на самом деле, дорогая сестра, ты просто шлюха. Твоя так называемая добродетель поверхностна.

Анна-Мария сильно ущипнула его. Он не дрогнул.

— Кто бы говорил. Я кое-что знаю о тебе, Гэвин. Кое-что о твоём отце. Мама говорит, что он был большим сукиным сыном. — Она прижалась губами к его шее, решив вызвать у брата реакцию. Кожа на шее Гэвина была упругой и поддалась ее жемчужным зубам, когда она поймала его вену между ними. — Ты, предположительно, похож на него.

— Откуда мне знать.

— Нет, ты бы ведь не стал расспрашивать? Но мама рассказывает мне то, что ей и в голову не пришло бы рассказать тебе. Очевидно, он был тигром в постели. — Ее рука упала с его груди, и она грубо сжала его между ног, заставив Гэвина сжать челюсти. — Да у тебя стояк. Не болен ли ты Гэвин? Заводишься от собственной сестры? Твоей тринадцатилетней сестры. — Она снова сжала его, долгим, плавным рывком, от которого у него перехватило дыхание. — Ты такой извращенный ублюдок.

Зарывав, Гэвин оттолкнул Селесту и Дориана в сторону, схватил ее, прижимая к земле, как он сделал с Селестой, когда преследовал ее в саду. Анна-Мария радостно рассмеялась.

— Ты знаешь, что хочешь меня, — промурлыкала она, улыбаясь в лицо своего мертвенно-бледного брата. — Все мужчины хотят. Но ты, особенно.

— Ошибаешься, — холодно сказал он.

Она снова рассмеялась, и смех ее зазвенел, как лед.

— Тогда почему у тебя стоит на меня, дорогой братец?

Он отвесил ей пощечину. Обычная пощечина, предназначенная не столько для того, чтобы причинить боль, сколько для того, чтобы унижить.

— Ты не должна так говорить, — прорычал он. — Тринадцать лет — это слишком мало, чтобы быть мерзкой шлюхой.

— О, не волнуйся, старший брат. Моя девственность все еще цела. На случай, если ты захочешь получить это удовольствие для себя.

— Я не хочу ни одну женщину, даже отдаленно похожую на тебя или мать. Но особенно на тебя.

— Ох, может быть, старший брат, ты боишься встретить равную себе?

— Даже если бы и так, тебе все равно ничего не светит. Посмотри на себя. Вряд ли это можно назвать вызовом.

Ее дерзкий взгляд исчез, отчего лицо стало холодным и жестким.

— Правда. Значит, твои вкусы помолодели, Гэвин? Ты положил глаз на Леону или Селесту? — добавила она, указывая на светловолосую восьмилетнюю девочку и темноволосую десятилетнюю девочку, которые с широко раскрытыми глазами наблюдали за происходящим неподалеку.

— Не будь смешной, — усмехнулся он. — Нет никакого удовольствия в том, чтобы брать ребенка. Мне нужен кто-то невинный. Кто-то пассивный, кого я могу контролировать и научить, как доставить мне удовольствие. Не та, кто уже думает, что знает, и будет бороться со мной на каждом шагу за контроль.

— Тебе нравится драка, — прошипела она.

— Но ты меня не боишься, — сухо сказал он. — Не так, как я хочу, чтобы меня боялись.

— И как надо? — спросила Анна-Мария, скорчив гримасу.

Он улыбнулся.

— Страх хотеть чего-то, чего, как ты знаешь, нельзя — и знать, что ты не можешь устоять. Ты не настолько невинна, чтобы понять это, дорогая сестра. Уже нет. Если вообще

когда-нибудь была.

С этими словами он встал и начал застегивать пуговицы на рубашке. Анна-Мария с ненавистью посмотрела на него, вождение, уважение, презрение, страх и ревность боролись с врожденной ненавистью и презрением, которые она испытывала ко всем своим братьям и сестрам.

— Твое описание идеальной женщины звучит слабо, — выплюнула она. — Как добыча. Она хотела подразнить его, но он улыбнулся и сказал:

— Именно. Как раз наоборот. Я нахожу эту мысль очень... привлекательной.

— Это глупо, — сказала Анна-Мария. — Ты сломаешь ее или превратишь в безмозглую рабыню, которая исполняет все твои желания, боясь быть отвергнутой. В любом случае, тебе станет скучно.

— Сомневаюсь. — Он застегнул последнюю пуговицу на воротнике. — Одна только охота займет меня на довольно долгое время. Весь вопрос в том, чтобы поймать ее, приручить. — Он ухмыльнулся. — Учить агнца, как лечь со львом, не поддаваясь его голоду. Должно быть, это отличный опыт.

— Я убью ее, — выпалила Анна-Мария, испугав саму себя. Но слова звучали правдиво, и она говорила искренне. — Я убью любую женщину, которую ты возьмешь себе. Я не позволю тебе запятнать кровь нашей семьи.

Гэвин приподнял бровь.

— Это звучит как угроза, Анна.

— Так и есть. Я сделаю это. Может быть, не от моей собственной руки, но она умрет.

— И ты думаешь, что один из наших братьев и сестер выступит против меня?

— Мы оба знаем, что я, скорее всего, выйду замуж за богатого. У меня будет глупый муж, который будет щедр со своими деньгами и не будет обращать внимания на то, что я делаю. — Она улыбнулась, но красивая улыбка была наполнена жестокостью. — Ты помнишь Белоснежку, верно, Гэвин? Я буду злой мачехой. Я найму охотника. Он убьет и принесет мне ее сердце в металлической коробке, наполненной льдом.

— В самом деле? — сказал Гэвин, делая шаг ближе. — И что заставляет тебя думать, что я позволю тебе это сделать?

— Ты думаешь, что сможешь остановить меня, старший брат? Сможешь конкурировать с моим богатством и ресурсами?

— У тебя пока нет ни того, ни другого.

— И у тебя нет женщины, — заметила она.

— И все же мы строим предположения. Почему? На самом деле дело ведь не в крови? Ты, кажется, не испытываешь никаких угрызений совести по поводу того, что мать распутничает там, где ей заблагорассудится.

— Ты — мужчина, — прошипела она. — Ты носишь фамилию.

Гэвин рассмеялся.

— Я не могу в это поверить. Ты ревнуешь. Меня.

— Ты — все, что я хочу в мужчине. Не вижу причин, по которым я должна довольствоваться вторым лучшим.

Его улыбка исчезла, и он скрестил руки на груди.

— Хорошо. Похоже, у нас есть все основания для пари.

Анна-Мария улыбнулась.

— Да. И оно начнется, когда я выберу мужа, а ты найдешь пару.

— Что произойдет, если я выиграю?

Она сделала паузу, чтобы подумать.

— Я дам твоей женщине щедрое приданое, если ты первым не убьешь ее. Сумма будет зависеть от моего будущего мужа, но она должна соответствовать любой ее глупой прихоти.

— А если ты выиграешь?

Анна-Мария положила руки на плечи брата и прижалась губами к его губам.

— Если я выиграю, — прошептала она, — ты, старший брат, трахнешь меня так, как мой, несомненно, импотентный будущий муж никогда не мог и мечтать, и сделаешь мне ребенка. Нашего ребенка.

— Дочь своей матери, — прорычал он.

— Сын своего отца, — прошептала она.

Они пожали друг другу руки, оба сжали их так сильно, как только могли, чтобы заставить другого отпустить. Анна-Мария использовала свои ногти, которые были довольно длинными, но это, казалось, не смутило Гэвина. Однако его хватка была как сталь, и она была вынуждена отпустить, когда почувствовала, что кости в ее запястье могут сломаться. Она помассировала руку.

— Не слишком привязывайся к своему любимому ягненку, Гэвин, дорогой.

А потом она повернулась и пошла обратно в дом.

После минутной паузы Дориан и Селеста обняли его в молчаливом знаке поддержки и последовали вместе с Леоной за своей старшей сестрой. Бросив полный отвращения взгляд на свою мать, держащую свою жертву в объятиях, как «черная вдова» заманивает в свою паутину свою пару, он тоже вошел внутрь. Гэвин никогда раньше не проигрывал ни в одной игре.

Он не собирался начинать сейчас.

Бонус 3

Одним из самых распространенных вопросов от читателей ко мне был вопрос об эссе, написанном Гэвином в средней школе (косвенно упомянутом в первой книге «Страх»).

Я не включила его в оригинал по нескольким причинам.

1) Я хотела, чтобы люди использовали свое воображение.

2) Я ленива и тайно использую причину № 1.

и 3) эй, вы, ребята, читаете для удовольствия. Я не думала, что вы захотите, чтобы я в книге писала псевдошкольные задания! Это не литературный анализ прочитанного произведения.

Но вы настаивали, и я верю в максимум «Дайте людям то, что они хотят». Итак, вот оно, по многочисленным просьбам — Эссе Гэвина.

Эссе Гэвина

«Самая опасная игра» Ричарда Коннелла поднимает вопрос, которым многие задаются, но мало кто осмеливается озвучить: «В борьбе человека против человека — кто победит? И восторжествует ли мораль в конечном счете над нашими более звериными инстинктами, или мы поддадимся нашей жажде крови?»

Коннелл, кажется, думает: «Нет, мы не можем». Мы не можем убежать от зверя внутри

нас. Лейтмотив хищника и жертвы, охотника и жертвы, человека против природы — его природы — свидетельствует об этом. Тяжелый символизм показывает, что происходит, когда человеческие существа — *homo sapiens* — попадают в ситуации настолько ужасные, что они бросают вызов всем условностям.

И что делают люди? Они регрессируют. Не в фрейдистском смысле: это гораздо более древняя регрессия, вызванная природой всего сущего, а не опытом человеческого развития.

Во времена острого стресса люди возвращаются не к детям, а к животным.

Хищники.

Добыча.

Несмотря на то, что это художественное произведение, существует много параллелей между «Самой опасной игрой» и реальной жизнью. Что такое вымысел, если не искаженное зеркальное отражение реальности? Коннелл искажает и обманывает, и антагонист должным образом побежден, чтобы дать человеку конкретное ощущение конца, но его рассказ в глубине души является изображением животного инстинкта человека и его бесконечной битвы за контроль над дихотомией.

Как и любое другое животное, человек может быть, как доминирующим, так и подчиненным, а иногда вести себя образом более подобающим зверю.

Возьмем, к примеру, расстрелы в школах, о которых иногда можно услышать в вечерних новостях. Наше общество так шокировано, когда молодежь увековечивает акты насилия, но человек устает от того, что за ним охотятся. Это утомительная роль. В конце концов напряжение становится слишком сильным, и преследуемый человек становится, подобно графу Зароффу, охотником на людей.

Что делает животное, когда его загоняют в угол? Оно сопротивляется.

Болельщицы, вероятно, погибнут первыми, потому что, несмотря на их естественный атлетизм, они никогда не знали, каково это — по-настоящему нуждаться в беге.

Более мускулистые спортсмены, слишком уверенные в своей ограниченной физической силе, также быстро умрут. Их жесткая приверженность социальным нормам и высокомерию сделали бы их неспособными выжить в новых условиях. Научные исследования даже показали, что доминирующие животные становятся подавленными и инертными, когда их помещают в подчиненные роли.

Социальные законодатели тенденций с их искусной мимикой быстро приспособятся. Но это поверхностная способность, и она не будет отточена никаким реальным мастерством. Пламя, охваченное собственным ощущением великолепия.

На самом деле, наиболее вероятными людьми, которые выживут, будут тихие интеллектуалы, хитрые и мстительные. Их очевидная слабость заставила бы многих списать их со счетов на начальном этапе: ошибка, о которой возможно лишь сожалеть.

Больше книг на сайте - Knigoed.net